МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Б. П. АПРЕЛЕВ

НА «ВАРЯГЕ»

Б. П. Апрелев

На «Варяге»

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
А77

Апрелев, Б. П.

А77 На «Варяге» / Б. П. Апрелев. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 273 с.

ISBN 978-5-4475-4828-5

Гибель в порту Чемульпо в 1904 г. легендарного крейсера «Варяг» не стала завершающей страницей в его истории. Поднятый со дна моря японцами и введенный в 1905 г. в состав Императорского флота Японии доблестный крейсер через одиннадцать лет продолжил свою боевую службу в составе Флотилии Северного Ледовитого океана. Но этому предшествовал тяжелейший переход «Варяга» в 1916 г. из Владивостока до порта Романов (нынешний Мурманск) в Кольском заливе. О малоизвестных страницах истории легендарного крейсера рассказывается в книге морского офицера, писателя Бориса Петровича Апрелева (1888–1951 гг.). Книга «На Варяге» написана была автором по памяти и на основании отрывочных записей в дневнике о плавании на крейсере «Варяг» из Владивостока в Средиземное море в 1916 году. Это описание большого интересного путешествия, в условиях жизни корабля Российского Императорского флота.

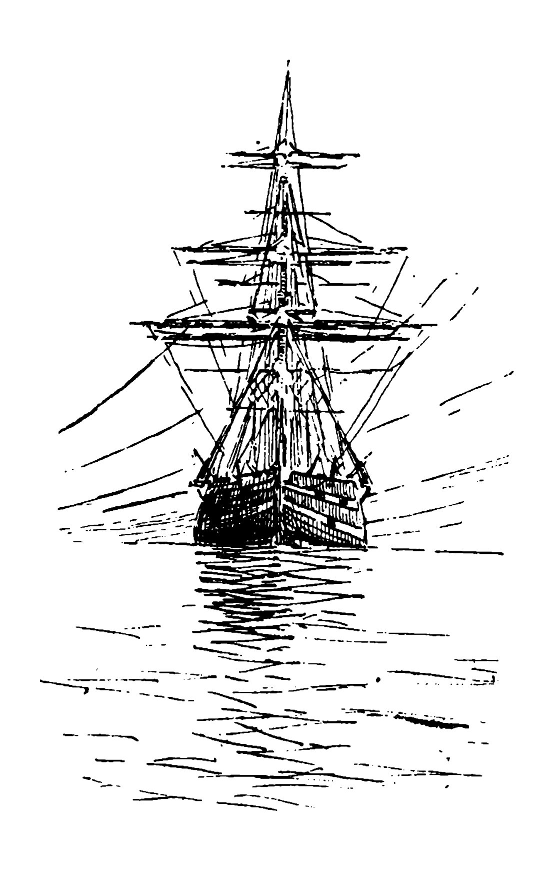
УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-4475-4828-5

Родному Адреевскому флагу, свидетелю седой старины.

Рис. Кап. 2 р. С. А. Четверикова.

Корабль «Варяг» эпохи парусного флота
Рис. Кап. II р. С. А. Четверикова

Предисловие

Грозный вихрь разрушения пронесся над Россией. Величайшие духовные и материальные ценности уничтожены и может быть утрачены навеки.

Нам, видевшим и пережившим эту страшную эпоху, нельзя быть судьями. Слишком еще близки те события, свидетелями которых мы были. В тоже время перед нашими глазами прошли годы величайшего расцвета русской культуры. Мы ощущали всем существом своим ее красоту и величие. Вот почему, мне кажется, на нас лежит долг передать, грядущему поколению образы и дух родной культуры, живительного источника которой ему не пришлось коснуться.

Ведь этому поколению придется строить новую жизнь на еще дымящихся развалинах, среди одичания духовного и физического. С этим чувством я писал предыдущие мои книги: – «Брызги моря», «Нельзя забыть» и «Нашей смене», думая таким путем помочь новому поколению, в живых рассказах, познать красоты родной культуры. Выпуская теперь в свет новую мою книгу «На Варяге» я приношу глубокую благодарность всем коим читателям, не по заслугам оценившим мои книги. Я искренно признателен издательству «Слово», взявшему на себя громадный труд и расходы по изданию. Я убежден, что мои читатели, вместе со мною, горячо поблагодарят моего друга и однокашника Кап. 2 р. С. А. Четверикова, который своими блестящими и талантливыми рисунками так украсил книги «Нашей Смене» и «На Варяге». Как морской офицер, много плававший. Кап. 2 р. С. А. Четвериков, не только вложил в свои рисунки правдивое изображение того, что приходилось, встречать в течение нашей службы, но своим тонким художественным чутьем он одухотворил и воплотил в образах то, что мне хотелось рассказать в своих очерках.

Книга «На Варяге» написана мною по памяти и на основании отрывочных записей в моей записной книжке – дневнике о плаваньи на крейсере «Варяг» из Владивостока в Средиземное море в 1916 году. В это описание я включил то, что мне удалось прочесть в различных, иногда редких книгах, о Сибири, по отдельным вопросам океанографии и по истории тех стран, в которых побывал «Варяг» за это плаванье.

Таким образом, эта книга представляет собою описание большого интересного путешествия, в условиях жизни корабля Российского Императорского флота.

Крейсер «Варяг» я увидел впервые в 1902 году в Кронштадте, куда он пришел из Америки, где он строился.

Изящный, стройный, окрашенный в белый цвет, он готовился к походу на Дальний Восток. Характерные телескопические трубы[1] отличали его, как и броненосец «Ретвизан», тоже построенный в Америке, от всех кораблей нашего флота. «Варяг» погиб 27-го января старого стиля 1904 года, после боя близ Чемульпо в Корее. Японцы подняли его, исправили, изменили вид его труб и несколько изменили вооружение, после чего до конца 1915 года этот корабль был в японском флоте. Мы купили его, и он вновь поднял Андреевский флаг, получив прежнее имя «Варяг».

Этот крейсер был последним русским военным кораблем, на котором мне пришлось служить. Первым боевым кораблем, на котором я начал службу в действующем флоте Балтийского моря, был линейный корабль «Император Павел I-й». Оба эти корабля уже не существуют. Я буду счастлив, если мне, обреченному пережить их и видевшему величие и красоту России, удастся своими рассказами пробудить веру в молодом поколении, что все красивое, все культурное неистребимо. Пройдет, положенное Господом Богом,

[1] Трубы выдающиеся верхней частью из кожухов.

испытание, выпавшее на долю нашего народа. Вновь пробудятся в нем творческие силы; они поборят силы зла и разрушения и обновленная, просветленная тяжкими страданиями, Россия восстанет вновь, прекрасной и культурной.

Взойдет над нею солнце Веры, Надежды и Любви и пробудит оно вновь в нашем народе порыв к правде, кротости и всепрощению. В этих великих духовных началах, указанных нам Спасителем Мира, лежит источник нашей культуры и к нему я зову грядущее за нами молодое поколение.

Кап. 2 р. Б. Апрелев

26 марта / 8 апреля 1934 года.
Пасха Христова.
г. Шанхай

Крейсер «Варяг»

«О скалы грозные
Дробятся с шумом волны
И, с пеной белою крутясь, бегут назад.
От скал тех каменных у вас варягов кости.
От волн морских в нас кровь руда вошла».
(Песня «Варяжского гостя» из оп. «Садко»,
Римокого-Корсакова).

В 1899 году с верфи судостроительного завода Крампа в городе Филадельфии[2], был спущен крейсер, заказанный русским правительством, получивший наименование, по тогдашней номенклатуре, крейсер I ранга «Варяг». Элементы этого корабля были следующие: водоизмещение 6.500 тонн; артиллерия XII–6, XII–75 м/м, 8–47 м/м, 5 минных аппаратов, ход 24,6 узла, боевой коэффициент 14,2.

В 1902 году летом «Варяг» пришел из Америки в Кронштадт. На редкость он был красив. Готовясь идти на Дальний Восток, он по тогдашним правилам, был окрашен по «заграничному». Корпус, надстройки и шлюпки в белый цвет, трубы, вентиляторы – в желтый цвет. Пассажирские пароходы из С.-Петербурга и из Ораниенбаума ежедневно доставляли в Кронштадт многочисленную публику, которая желала посмотреть на красивый корабль – чудо тогдашнего кораблестроительного искусства.

Страшная судьба ожидала этот корабль, и о ней мне хотелось бы рассказать моим читателям.

«Варяг» ушел на Дальний Восток, куда и прибыл благополучно, войдя в состав нашей Тихоокеанской эскадры.

---

[2] Соединенные Штаты Северной Америки.

Эта эскадра была тогда под флагом вице-адмирала Старка при младших флагманах контр-адмирале князе Ухтомском и капитане I ранга Ренценштейне.

Она состояла из следующих кораблей: линейные корабли: – «Цесаревич» (флаг командующего эскадрой), «Ретвизан», «Победа» (флаг контр-адмирала князя Ухтомского), «Пересвет», «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск». Броненосные крейсеры: – «Баян», «Громобой», «Россия» (брейд вымпел капитана I ранга Ренценштейна), «Рюрик».

Крейсеры: – «Богатырь», «Аскольд», «Варяг», «Паллада», «Диана», «Боярин», «Новик». Канонерские лодки – «Отважный», «Гремящий», «Гиляк», «Манджур», «Кореец», «Бобр», «Сивуч». Старые крейсеры (не имеющие боевого значения): – «Забияка», «Разбойник», «Джигит». Минные крейсеры: – «Всадник» и «Гайдамак», 1-й и 2-й дивизионы эскадренных миноносцев – всего 25-ть эскадренных миноносцев. Один дивизион миноносцев, состоящий из 10-ти миноносцев. Вспомогательные крейсеры «Лена» и «Ангара». Заградители: – «Енисей», «Амур», «Богатырь». Госпитальные суда: – «Ангара», «Монголия», «Казань».

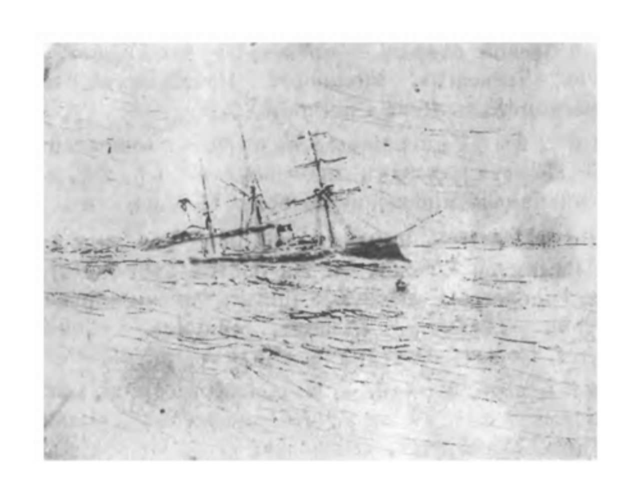
Из этих судов были во Владивостоке под брейд-вымпелом капитана I ранга Ренценштейна – броненосные крейсеры: «Россия», «Громобой», «Рюрик», крейсер «Богатырь» и 10-ть миноносцев.

Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», находились в качестве стационаров, в распоряжении нашего посланника в Сеуле (Корея).[3]

К Январю 1904 года политическое положение на Дальнем Востоке чрезвычайно осложнилось и можно было ожидать столкновения между Японией и Россией.

---

[3] Остальные суда нашей эскадры были сосредоточены в крепости Порт-Артур.

Канонерская лодка «Кореец».
Год спуска 1886. 1437 тонн; 13,3 узла;
2–8 дм. (коротких); 1–6 дм. (короткая); 4–9 фунт.;
2–47 м/м; 4-37 м/м; 1 десант. орудие.
Экипаж 176 человек.

Весь годный для боевых действий японский флот был объединен в одно целое и получил наименование «Соединенный Флот». Он состоял из трех эскадр.

1-я ЭСКАДРА. Командующий он же Главнокомандующий флотом, вице-адмирал Того Хейхаширо. 1-й боевой отряд – линейные корабли: – «Миказа» (флаг Главнокомандующего), «Асахи», «Фуджи» «Яшима», «Шикишима», «Хатцузе», посыльное судно – «Татцута».

3-й боевой отряд – крейсеры: – «Читозе», «Такасаго», «Касаги», «Иошино». Начальник отряда контр-адмирал Дева Сигенори.

1-й, 2 й и 3-й дивизионы эскадренных миноносцев, всего 11 эскадренных миноносцев. 1-й, 2-й, 3-й и 14-й дивизионы миноносцев, всего 15 миноносцев.

2-я ЭСКАДРА. Командующий эскадрой вице-адмирал Камимура Хиконоджо. 2-й боевой отряд – броненосные

крейсеры: «Идзумо» (флаг вице-адмирала Камимура), «Азума», «Азама», «Якумо», «Токива», «Ивате». Посыльное судно – «Чихая».

4-й боевой отряд. – Начальник отряда, контр-адмирал Уриу Сотокичи – крейсеры: «Нанива», «Акаши», «Такачихо», «Ниитака».

4-й и 5-й дивизионы эскадренных миноносцев, – всего 8-м эскадренных миноносцев.

9-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й дивизионы миноносцев. Всего 22 миноносца.

При этих двух эскадрах состояло 17-ть паровых транспортов.

3-я ЭСКАДРА. Командующий эскадрой вице-адмирал Катаока Сичиро. 5-й боевой отряд – крейсеры; «Итсукушима» (флаг вице-адмирала Катаока Сичиро), «Хашидате», «Матсушима», старый броненосец «Чин Иен» и посыльное судно «Яйеяма».

6-й боевой отряд – крейсеры: «Идзуми», «Сума», «Акицушима», «Чиода». Начальник отряда контр-адмирал Того Масамичи.

7-й боевой отряд – броненосцы береговой обороны: «Фузо», «Хей Иен» и «Сай Иен», канонерские лодки: «Каймон», «Тсукуши», «Чокай», «Атаго», «Ошима», «Акаги», «Майя», «Уджи», «Банджо». Посыльное судно «Мияко». Начальник Отряда контр-адмирал Хосоя Сукендзи.

6-й, 7-й, 10-й, 11-й, 12-й, 15-й, 16-й дивизионы миноносцев. Всего 27 миноносцев. Кроме того к 3-й эскадре было придано 4 паровых транспорта.

Японский флот был значительно сильнее нашей эскадры по количеству броненосных крейсеров; это преимущество для него еще увеличилось с присоединением двух броненосных крейсеров «Нишин» и «Касуга».

24 января 1904 года японский флот вышел из своей главной базы Сасебо. 25 января у Мокпо 4-й боевой отряд

к.-а. Уриу, с приданным ему крейсером «Азама» отделился и, конвоируя транспорты с войсками, направился к Чемульпо, где стояли «Варяг» и «Кореец».

Крейсер «Чиода» уже находился в Чемульпо для наблюдения за нашими судами. Там же в Чемульпо стояли французский крейсер «Паскаль», английский. «Тальбот», итальянский «Эльба» и несколько иностранных транспортов и пароходов. Напомним, что силы японцев, подошедшие к Чемульпо, значительно превосходили силы «Варяга» и «Корейца». Как было указано выше, боевой коэфициент «Варяга» был 14,2; канонерской лодки «Кореец» всего 0,05, – а крейсеры адмирала Уриу имели в сумме боевой коэфициент 52,84, причем один «Азама» – 37,6. Таково было соотношение сил.[4]

В полночь 25 января 1904 года крейсер «Чиода» снялся с якоря и вышел из Чемульпо. Предварительно в этот же день японцы на берегу прервали телеграфное сообщение между Чемульпо и Порт-Артуром. Поэтому командиры «Варяга» и «Корейца», равно как и наш посланник в Сеуле, не знали о том, что делалось вне Кореи.

26 января командир «Варяга» кап. I ранга Руднев, с разрешения нашего посланника в Сеуле, послал кан. лод. «Кореец» в Порт-Артур с предложением выяснить положение. Едва «Кореец» вышел из шхер, как он встретил 4 японских миноносца, которые его атаковали, выпустив три мины, из них 2 прошли мимо, а третья, не дойдя, утонула. Один из японских миноносцев при этом сел на мель.

Надо сказать, что вход в Чемульпо имеет типичный шхерный фарватер, настолько узкий, что он лишает возможности на нем маневрировать. «Кореец» не отвечая на враждебные действия японцев, вернулся обратно на рейд Чемульпо. Командиры «Варяга» и «Корейца», через коман-

---

[4] «Соврем. Морская война». Н. Л. Кладо, изд. 1905 г.

диров и иностранных стационеров заявили протест японскому консулу о недопустимых действиях японских миноносцев.

Того же числа, 26-го января 1904 года, около 5 часов вечера у входа на рейд Чемульпо появился отряд адмирала Уриу. Японские транспорты с войсками вошли на рейд и немедленно приступили к высадке десанта. Несколько японских крейсеров тоже вошли на рейд и стали на якорь между своими транспортами и нашими судами.

«Варяг» и «Кореец» все еще не знали, что война началась и стоя в нейтральном порту (ибо Корея была нейтральным государством), точно исполняли постановление Морского Международного Права, не предпринимая против японцев никаких враждебных действий.

27-го января, в 6-ть часов утра, японские крейсеры и транспорты, закончив высадку десанта, вышли в море. В 8-мь часов утра на-английском крейсере «Тальбот» собрались командиры «Паскаля» и «Эльбы», пригласив на это заседание командира «Варяга» кап. I ранга Руднева. При открытии заседания, старший из иностранных командиров (к-р крейсера «Тальбот») вручил кап. I ранга Рудневу письмо к.-а. Уриу.

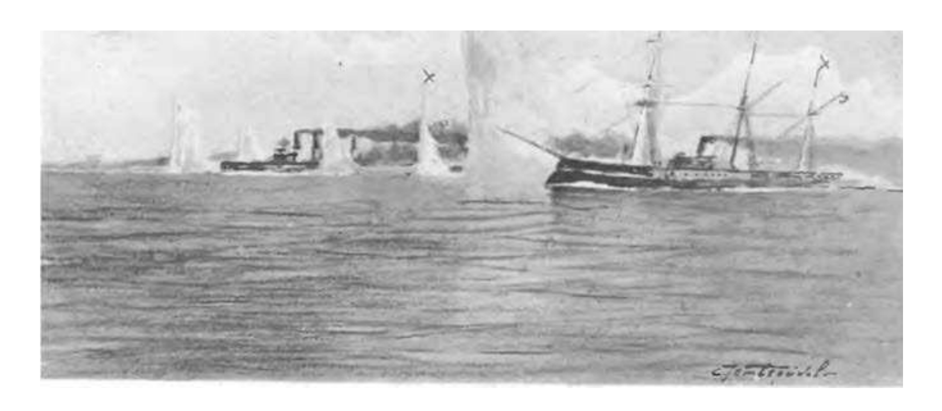
Японский адмирал сообщал командиру «Варяга», что война между Россией и Японией началась и что он, адмирал Уриу, приглашает «Варяг» и «Кореец» выйти из Чемульпо в море и сразиться с его эскадрой. На случай отказа, японский адмирал сообщал что, пренебрегая положениями международного права, он войдет на рейд Чемульпо и атакует «Варяг» и «Кореец» в нейтральном порту.

Передавая это письмо кап. I ранга Рудневу, иностранные командиры, взволнованные всем происщедшим, сказали, что они на некоторое вредя оставляют, командира «Варяга» одного, чтобы дать ему время обдумать положение. Как впоследствии выяснилось, командиры «Тальбота», «Паскаля» и «Эльбы», тайно от Кап. I ранга Руднева, убедившись, что их

протест перед японцами не достиг цели, решили, в случае отказа «Варяга» и «Корейца» выйти в море, покинуть рейд Чемульпо предоставив японцам уничтожить русские суда на якоре.

Когда командиры «Тальбота», «Паскаля» и «Эльбы» вошли обратно в помещение, где они оставили командира «Варяга», они застали последняго совершенно спокойным. Выждав минуту кап. I ранга Руднев, твердо и с большим достоинством сказал, что он протестует против нарушения японцами законов международного права, что он теперь знает, что война объявлена, что корабли Российского Императорского флота никогда не откажутся от боя, а посему он просит передать японскому адмиралу, что «Варяг» и «Кореец» выходят немедленно в бой.

Слова и решительность кап. I ранга Руднева произвели потрясающее впечатление на иностранных командиров. Они наперерыв пожимали ему руки, выражая восторг перед его доблестью. Ответное письмо написано и подписано. Кап. I ранга Руднев вернулся на «Варяг». Через несколько времени из всех четырех труб блестящего русского крейсера повалил густой черный дым. Задымилась также труба маленького «Корейца». Русские корабли подымали пары во всех котлах. В 11 час. 20 мин. утра на «Варяге» и «Корейце» была пробита боевая тревога. На гафеле «Варяга» торжественно развернулся громадный шелковый, парадный Андреевский флаг, на мачтах обоих русских кораблей взвились стеньговые Андреевские флаги. Красавец крейсер снялся с якоря; ему в кильватер лег «Кореец». Они обошли стоящие на якоре «Тальбот», «Паскаль» и «Эльба», с которых неслись возбужденные крики сотен голосов «vive la Russie», «eviva Russia», «bravo», «hurah». С иностранных крейсеров слышались звуки нашего гимна «Боже Царя храни».

Бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой контр-адмирала Урию, 27-го января 1904 г. близ Чемульпо Акварель Кап. II р. С. А. Четверикова.

Прибой

«Варяг» и «Кореец» скрываются за островами шхер. Десятки биноклей, с иностранных судов, следят за ними. Эскадра адмирала Уриу ждала их за островом Иодолми. Прошло еще немного времени и с моря донесся грохот пушечной канонады.

Бой начался.

Он был короток. Тяжелые семипудовые снаряды 8" орудий «Азамы», страшными взрывами, рвали борта и

надстройки «Варяга». Десятки 6" и 120 м/м снарядов с других японских крейсеров тяжелым градом сыпались на него и вокруг него. Первым попаданием был убит мичман граф Нирод. «Варяг» энергично отвечал на огонь противника. «Кореец» за дальностью расстояния, не мог стрелять из своих старых пушек. Узкость шхерного фарватера не давали «Варягу» возможности свободно маневрировать. При малейшей аварии руля он рисковал выскочить на мель и стать легкой добычей врага. Наоборот, японская эскадра, имея притом подавляющее превосходство в артиллерии, могла легко держать «Варяга» на накрытии, свободно маневрируя на широком плесе.

Через 20 минут боя «Варяг» имел 5-ть подводных пробоин; более половины его артиллерии было выведено из строя; из 573 человек команды к этому моменту было, 115 убитых и тяжело раненых и 100 человек легко раненых. Наконец, попадание японского снаряда повредило ему рулевой привод и крейсер потерял возможность управляться. Идти вперед – значило наверное выскочить на мель или затонуть на мелком месте благодаря подводным пробоинам. Гибель крейсера неизбежна. Надо найти глубокое место, чтобы он мог затонуть и не достаться врагу. Лишь на рейде Чемульпо были глубины, отчасти удовлетворяющие этому требованию.

С тяжелым сердцем кап. I ранга Руднев, развернувшись машинами, повернул обратно в Чемульпо, отстреливаясь из уцелевших орудий. Громкое «ура» с иностранных крейсеров встретило «Варяг», который представлял собою тяжелую картину разрушения. Еще час тому назад стройный силует крейсера – был теперь неузнаваем: разбитые трубы, исковерканные пушки, громадные рваные пробоины в борту, разрушенные надстройки, лужи запекшейся густой, почерневшей крови на палубе.

Тихо подошел «Варяг» к самому глубокому месту на рейде. К нему направились шлюпки иностранных судов с докто-

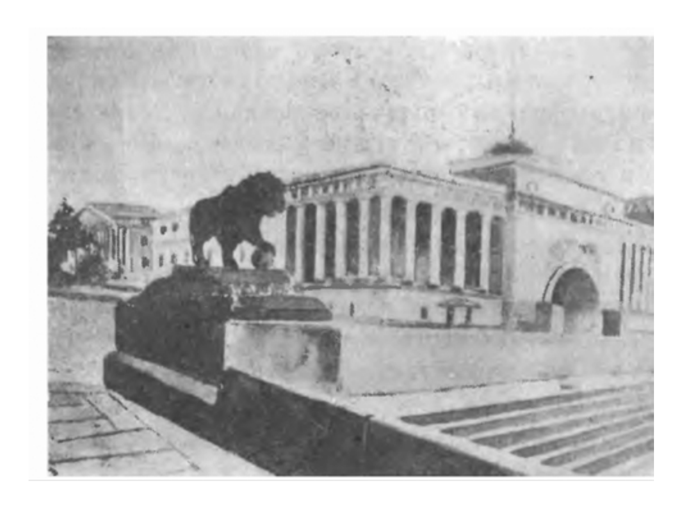
рами, фельдшерами и санитарами. Начали свозить раненых. Отвалил барказ, наполненный убитыми, тела которых покрыты Андреевским флагом; затем отвалили шлюпки с командой, после с офицерами и последним сошел с крейсера его командир кап. I ранга Руднев. Глухо ухнули заложенные под ходильники, подрывные патроны и крейсер начал медленно тонуть. Вот исчезла под водой верхняя палуба. Крейсер накренился. Из воды торчат только изодранные трубы и уцелевшая мачта. Глубина оказалась слишком малой, чтобы позволить кораблю совершенно утонуть. Через минуту громовой взрыв потряс рейд Чемульпо, это командир «Корейца», свезя команду на иностранные суда, взорвал свой корабль. «Кореец», сломавшись пополам, исчез под водою навсегда.

Так кончился этот славный по доблести и грустный по результатам, бой. Как потом выяснилось, «Варяг» повредил в бою броненосный крейсер «Азама» и крейсер «Такачихо». Большего он сделать не мог. Государь Император назначил Командира «Варяга» своим Флигель-Адъютантом. Командир и офицеры крейсера получили ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени... Вся команда была награждена знаками отличия Военного Ордена.

Как ни безвольно, как ни антинационально было тогдашнее русское интеллигентное общество, геройское поведение «Варяга» нашло отклик даже в нем. Всю Россию облетела песня «Варяг», слова которой были написаны неизвестным автором и положены на музыку нашим знаменитым композитором Цезарем Антоновичем Кюи...

«Наверх молодцы, поскорей по местам.
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает».

Но «Варяг» не умер. Ему суждено было снова поднять Андреевский флаг.

Санкт-Петербург. Адмиралтейство

Океан Земли

От С.-Петербурга до Челябинска

Начало 1916 года было тем периодом Европейской войны, когда противники на всех фронтах, после отчаянных попыток прорвать сплошные линии укреплений, стояли неподвижно друг перед другом, накопляя в тылах страшные ресурсы современной войны и готовясь к новым кровавым ударам.

Русские фронты тянулись от Балтийского к Черному морю; и от Черного моря к Персии. Этот грандиозный по длине фронт на своем правом фланге имел морской театр – Балтийское море, где шла борьба подводными лодками и минными заграждениями, а крайний левый фланг упирался в безводные пустыни Персии, где отсутствовали даже намеки на современную технику и культуру и где показывали чудеса храбрости Терские и Кубанские казаки Отдельного корпуса доблестного генерала Н. Н. Баратова.

Если теперь, когда эта эпоха уже ушла в Историю, посмотреть на этот грандиозный русский фронт, просто с точки зрения обычного русского человека, не специалиста военного дела, то не увидим-ли мы в этом контрасте между подводными лодками и миноносцами Балтийского моря и казаками Хамаданского отряда живое воплощение того разнообразия и той мощи, которые хранила в себе наша Родина. Видя это, и переживая с ней вместе ее теперешнее унижение и страдание, – мы можем найти утешение в пророческих словах Князя Владимира Красное Солнышко из былины «Змей Тугарин», графа А. К. Толстого:

«Нет шутишь! Живет наша русская Русь,
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,

За честь нашей Родины я не боюсь –
Ой ладо, ой, ладушко – ладо!
А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, промолвил свет-солнышко князь,
Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней – свиньи лишь могут!»

Наш упорный враг в своем стремлении лишит Россию возможности получить военное снаряжение от наших союзников, напрягал все усилия. Летом 1915 года оказалось, что мы будем иметь еще новый фронт – Белое море и Ледовитый Океан, в районе Мурманского побережья. В горле Белого моря, появились минные заграждения, повидимому поставленные с нейтральных судов. Затем определилась угроза появления на этом театре неприятельских подводных лодок и корсаров.

Для парирования этого удара, Морской Генеральный Штаб решил сформировать «Флотилию Северного Ледовитого Океана». Ядром этой Флотилии предполагалась бригада легких крейсеров, которые мы думали купить у Южно-Американских Республик: Аргентины, Бразилии и Чили. Крейсеры эти были следующие: Чилийский – «Чакабуко» – II–8", X–120 м/м, XII–76 м/м; Аргентинский – «Буэнос-Айрес – II–8", IV–6", VI–120 м/м. Оба с ходом 23 узла. Бразильские: «Бахия» – X–120 м/м и «Рио-Гранде-до-Суль» – X–120 м/м». Оба с ходом 27 узлов. Частным образом даже названия им уже были намечены: «Чакабуко» – «Варяг», «Буэнос-Айрес» – «Боярин», «Бахия» – «Изумруд» и «Рио-Гранде-до Суль» – «Жемчуг» (по имени нашего крейсера погибшего в начале войны в бою с «Эмденом» в Пуло-Пенанге). Эта бригада, как предполагали, должна была быть укомплектована экипажами всех частей нашего флота: Гвардейским Экипажем, Балтийским флотом, Черноморским флотом и Сибирской флотилией.

Интриги Германии в Южной Америке не дали возможности осуществить этот план и Морской министр генерал-адъютант адмирал И. К. Григорович, решил принять предложение Японии и купить у нее наши бывшие суда, затопленные нами в Порт-Артуре и в Чемульпо, и поднятые японцами. Суда эти носили японские названия: «Сагами» (бывший «Пересвет), «Тонго» (бывшая «Полтава») и «Соя» (бывший «Варяг»). Корабли эти были куплены и зачислены в состав нашего флота под именами: «Пересвет» (быв. «Сагами»), «Чесма» (быв. «Тонго») и «Варяг» (быв. «Соя»).

«Варяг» был укомплектован Гвардейским Экипажем, «Пересвет» – Балтийским флотом и «Чесма» – Черноморским флотом.

В конце 1915 года эти корабли пришли из Японии во Владивосток, были переданы японцами нашим экипажам и торжественно подняли вновь Андреевские флаги.

Они составили «Отдельный отряд судов особого назначения», командовать которым был назначен к.-адм. А. И. Бестужев-Рюмин. Флаг командующего был поднят на линейном корабле «Пересвет».

По прихоу из Владивостока в Средиземное море к нему должен был присоединиться находившийся там крейсер «Аскольд» (Сибирской флотилии), после чего всему Отряду намечался поход на Мурман.

Элементы судов Отряда были следующие: Лин. кор. «Пересвет» – 12.700 т. водоиз. IV–10", X–6" и XVI–76 м/м. Ход 17 узлов. Лин. кор. «Чесма» 11.000 т. водоиз. IV–12", XII–6", VIII–75 м/м., IV–47 м/м. Ход 16 узлов. Крейсер «Варяг» – 6.500 т. водоиз. XII–6 и X–76 м/м. Ход 20 узлов. Крейсер «Аскольд» – 5.900 т. водоиз. XII–6", XII–75 м/м и X–47 м/м. Ход 23 узла.

В начале 1916 года «Пересвет», «Чесма» и «Варяг» должны были выйти из Владивостока в Средиземное море, где в Тулоне их ожидал «Аскольд».

22-го марта 1916 года на Николаевском вокзале в С.-Петербурге, к отходу скорого Сибирского поезда собралась маленькая группа: две пожилых дамы, одна молодая дама – жена морского офицера, энергичный бодрый адмирал и молодой кап. II ранга. Приехал также на вокзал флаг-офицер британского адмирала, командующего Английской эскадрой в Белом море – лейтенант Дженкинсон.

Петроград. Николаевский вокзал. 1916 г.

Мест. Барановичи. Отъезд из Стави Верховного Главнокомандующего. 1915 г.

Дровосеки в лесу

Эта группа людей провожала пишущего эти строки, уезжающего на отряд адмирала Бестужева-Рюмина. В прекрасном купе II класса, которое отвели по наряду Морского Генерального Штаба, мне предстояло ехать в первый раз в жизни более восьми суток непрерывно по сухому пути. Если мои читатели испытывают какое-то особое приятное чувство новизны вступив на палубу парохода, на котором они пойдут пассажирами в плаванье, то почти такое же чувство испытывает морской офицер, садясь пассажиром в поезд, да еще в предвкушении самого редкого по красоте путешествия через «Океан земли».

Со мною в купе ехал на отряд юноша, юнкер флота, с совсем еще детскими глазами, имевший на груди знак отличия Военного Ордена и значек Императорского Училища Правоведения.

«Вам будет хорошо», говорил заботливый, добрый адмирал. Купе действительно представляло собою, точно маленькую каюту; часть его занимали громоздкие пакеты и ящики, посылаемые на отряд из Морского Генерального Штаба. Со мною было много интереснейших книг, которые я мечтал проглотит, пользуясь вынужденным отдыхом во время долгого пути.

Наши близкие снабдили меня и моего спутника большим количеством папирос и сластей. В дверях вокзала послышался звонок швейцара и его голос: «Второй звонок. Скорый Петроград – Вологда – Иркутск; поезд стоит на первом пути»... Пора прощаться!

Последнее благословение моей матери, крепкий поцелуй адмирала, перекрестившего меня на дорогу, объятия Дженкинсона, желающего мне скорейшего возвращения на Мурман и... прощай Петербург!

Я описываю так подробно этот момент, потому что, больше мне не пришлось уже увидеть этот чудный город. Это было 22-го марта старого стиля 1916 года.

Ровно в 2 ч. 25 минут пополудни поезд плавно заколыхался и отошел от дебаркадера... Группа провожающих близких и любимых людей уже исчезла на общем фоне уходящего назад вокзала.

Поезд перешел через Обводный канал, пролетел мимо платформ: «Глухоозерского завода», «Фарфоровской», «Сортировочной» и подкатил к станции «Обухово». Петербург остался позади.

Наш поезд шел по Северной железной дороге, составляющей западное звено Великой Магистрали, протяжением в 8.931 верст – соединяющей С.-Петербург с Владивостоком и воды океанов Атлантического с Великим.

После напряженной работы в Белом море, и в Морском Генеральном Штабе, я с величайшим наслаждением растя-

нулся на диване и успокоенный плавным покачиванием поезда, начал читать книги, где были описаны те места, по которым мы ехали.

Какое необъятное пространство представляет наша Россия!

Северная железная дорога проходящая через Вологду на Вятку имеет 1157 верст длины. Открытая лишь в 1907 году, она прорезает совсем почти нетронутые места Петербургской, Костромской и Вятской губерний. На ней 20 железнодорожных мостов. Из них самые длинные, через Волхов (150 саж.), через Унжу (100 саж.) и через Вятку (300 саж.).

Лишь только поезд прошел Петербургскую губернию начались густые хвойные леса. Не доезжая Тихвина, мы увидели у самого полотна железной дороги тетерку с выводком маленьких тетеревят, серых точно мышки. Она даже не испугалась поезда и только с любопытством смотрела на него. В 6 ч. вечера мы были уже в Тихвине. На месте этого города, входившего в состав «Обонежской Пятины Господина Великого Новгорода» в 1383 году было чудесное явление иконы Божьей Матери. Проехали Череповец и в 2 часа ночи подошли к Вологде.

Основание этого города относится к 1147 году, где в это время был посад «Воскресение». Вологда находится в пересечении Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. По своим размерам Вологодская губерния почти равна Швеции.

23-го марта, проехали Галич, Костромской губ. и к 3 часам дня подкатили к Вятке. Город основан Новгородскими колонистами в 1174 году, под названием «Хлынов». Имя Вятка, он получил с 1781 года.

За время путешествия по Северной железной дороге, мы с моим спутником сделали «расписание» нашей жизни на время «плавания» по «Океану земли». Вставать в 7 часов утра. Приборка. К «подъему флага» (8 ч. утра), поочередный выход

в вагон-ресторан к чаю. Затем до 12 ч. дня чтение разных книг. В 12 ч. дня опять поочередный выход к обеду, затем до 2-х отдых, далее опять чтение. В 6 ч. вечера ужин, после которого я занимался разными делами, связанными с флотилией Северного Океана, а мой спутник «подзубривал» морские науки, теорию которых он порядочно подзабыл непрерывно плавая у берегов Анатолии на лихом 1-м дивизионе Черноморской минной бригады. В поезде была прекрасная ванна и мы перед сном часто ею пользовались. «Руководствуясь указаниями лоции», как мы называли «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге», мы, опять-таки поочередно «съезжали на берег» на больших остановках» отдавая дань кулинарному искусству буфетчиков станций, изготовлявших замечательные местные блюда.

От Вятки началась Пермская жел. дор. идущая на протяжении 1035 в. через Пермь на Челябинск. От станции Кез (261 в.) железная дорога выходит из Вятской губернии, и переходит в Пермскую, лежащую по обеим сторонам Уральского хребта. Длина этого хребта в пределах Пермской губ. 600 верст. Уральский хребет делит Пермскую губернию почти на две равные части Европейскую и Азиатскую. В недрах Урала лежат богатые залежи золота, платины, серебра, никеля, меди, железа, свинца, каменного угля, соли и драгоценных камней. Из рек Пермской губ. Тобол и Печора принадлежат к бассейну Ледовитого Океана, а Кама – бассейну Каспийского моря.

Пермская губерния с XI века принадлежала «Господину Великому Новгороду», а с его падением (1471 г.) подчинилась власти Московских князей. Редкия по красоте места видит путешественник едущий по этой дороге – то густые леса, то реки, то зеленые холмы, то отроги Урала.

24 марта в 4 часа, утра мы оказались в Перми, живописно раскинутой на левом берегу Камы. На месте нынешняго

города, была раньше деревня Брюханово, принадлежавшая Строгановым.

Пермь-Кунгур – Екатеринбургская линия начинается близь моста через реку Каму. Около города Кунгур, дорога переходит реку Ирень и вступает в узкую красивую долину реки Сылвы, с высокими, крутыми, покрытыми хвойным лесом берегами, и отдельно возвышающимися скалами. Далее линия подымается по склону долины реки Сылвы, переходит водораздел ее излучины, и, пройдя реку Барду, вступает в сплошные девственные еловые и пихтовые леса. Затем, поднявшись на Баскинский хребет, линия спускается в долину реки Дикой Утки и выходит на левый берег реки Чусовой, столь красочно описанный Аксаковым, в его «Детстве Багрова внука».

Извиваясь по крутому косогору над рекой Чусовой, линия прорезывает нависшую над рекой скалу, затем пересекает Московский Тракт и подымается по Европейскому склону на перевал с отметкой 103,5 сажени. Здесь стоит на границе Европы и Азии разъезд «Вершина», откуда линия спускается по Азиатскому склону хребта и подходит к Екатеринбургу.

В 2 ч. 45 мин. наш поезд подошел к Екатеринбургу, расположенному на берегу реки Исеты (56°49', сев. шир. и 30°16', вост. долг, от Пулково). Место столь ужасно трагическое ныне, по зверскому убийству Государя и Его Семьи.

Линия Екатеринбург – Челябинск соединяет Пермскую ж. д. с Великой Сибирской Магистралью. Она отличается извилистостью.

Мимо проносятся красивые пейзажи, последния остатки горных складок. Мелькают станции Уфалей, Кыштым (знаменитый своими заводами) и в 10 часов вечера 24 марта мы подкатываем к станции Челябинск.

В 11 ч. вечера наш поезд, увеличенный Московским составом, покинул Челябинск и вступил в безграничную ширь Западной Сибири.

Сибирь

Какое то особенное чувство охватило меня, когда роскошный, комфортабельный поезд мчал нас по равнинам Сибири!

Я действительно чувствовал себя точно среди океана. Только вместо волн, бесконечно тянулись до горизонта, то волнистые степи, то заболоченные места, то серо-зеленые холмы. Часто у самого полотна железной дороги, в подходивших к нему стоячих водах болот и озер, плавали дикие утки.

Все кругом казалось мощным, безграничным. Сибирь занимает площадь в 12.000.000 квадратных перст или 1 миллиард 285 миллионов десятин. Она в полтора раза больше всей Европы и равна половине Африки. При этом она представляет собою почти нетронутый девственный мир, который скрывает для будущих русских поколений неисчерпаемые богатства в виде золота, серебра, свинца, меди, железа, цинка, марганца, ртути, олова, никеля, сурьмы, серы, соли, каменного угля, нефти, графита, драгоценных камней, янтаря и мамонтовых костей. В ее суровых дремучих, девственных лесах, и по бескрайним тундрам и степям бродят в громадном количестве дикие звери: лоси, северные олени, козули, маралы, медведи, волки, лисицы, рыси, росомахи, белки.

В отношении животного царства необъятная лесная таежнея зона Сибири переживает ныне, давно прошедшие для Европы времена. Европа в таком состоянии животного царства находилась примерно 2000 лет тому назад, во времена Юлия Цезаря, а средняя Россия более 800 лет тому назад при Владимире Мономахе.

Кроме этих животных, более обычных, в Сибири и по ее окраинам водятся и другие редкие звери: соболь, единственный в мире по красоте шкурок, горностай, белый медведь, темно-бурая лисица, песец, красный и альпийский волк, ал-

тайский или горный баран, сайга, антилопа, кулан, енотовидная собака, барс, тигр. В океанах, омывающих Сибирь живут: тюлени, моржи, сивучи, несколько пород китов, встречающийся только здесь (у Командорских островов) морской котик (otaria ursina) и безчисленное количество разнообразной морской рыбы.

Богатство птичьего царства таково, что одна Томская губерния наиболее исследованная, дает 324 вида птиц. Мощные реки Сибири и ее озера кишат рыбой, особенно много их из породы сигов, как-то: нельма, омуль, максун. Затем красная рыба: калуга, осетр, стерлядь и кормилица всех прибрежных жителей да и населения внутренней Сибири – кета.

Прибавим к этому, что привольные степи Сибири, покрытые роскошной растительностью, дают возможность разводить здесь домашних животных в громадном количестве и в совершенно исключительных условиях.

Знаменитая сибирская тайга состоит преимущественно из хвойных деревьев, среди которых славится особенно кедр. В Уссурийском и Приморском крае растительность еще более богата и число пород деревьев в ней гораздо больше. Здесь, между прочим, встречается особое пробковое дерево и знаменитый целебный корень – «жень-шень» (Ponax ginseng Reg). Надо еще отметит, что Сибирский графит славится всемирной известностью и лишь по реке нижней Тунгузке залежи его определены в 10 миллионов пудов. В Тункинских горах Иркутской губернии залежи графита эксплоатировались коммерсантом Алибером для германской карандашной фабрики Фабер.

О древней истории Сибири имеются очень скудные сведения. Существует гипотеза, что родиной человечества служила центральная Азия, где горные выси Памира, Гиндукуша и Тяньшаня разобщили те народы, которые отсюда разошлись на все 4 стороны света. На Восток – Китайцы и

Монголо-Татары. На Юг – Индусы. На Западе – Семито-Иранцы и часть Европейских народов. На Севере – Славяно-Германцы. Ограниченность мест пригодных для заселения понуждало тех, кто шел к северу, садиться в долинах Алтайских и Саянских гор создавая, в некоторых местах, например, на юге Енисейской губернии и в Семиречьи, древния Курганные царства.

Тайга

Побидимому некоторые Арийские племена в отдельных пунктах осели и на Сибирских реках: Ангаре, Енисее, Оби, Томи, Чулыме, Иртыше, Туре, Товде, Тоболе и Ишиме.

Географ древней Греции Геродот писал, что за каменными горами (Уральскими) живут Аргиппеи с плоскими широкими видами и приплюснутыми носами; на Восток от них живут Исседоны, которые ведут непрерывную войну с мифическими Грифами, которые стерегут золото в стране, где замерзает земля на 8 месяцев в году.

Столь же баснословные рассказы о Сибири ходили и по древней Руси. В одном из древнейших Новгородских сказаний: «о человецех незнаемых в восточной стране» и о «языцех

иновидных», упоминается о 9 народностях, населявших тогда Сибирь:

1) Самоед–молгонзеи, людоеды; 2) линная самоед; 3) самоед по пуп мохнатая по долу; 4) самоед со ртом на темени; 5) самоед умирающая (замерзающая) на зиму или на два месяца. 6) Люди вверху Оби, живущие на земле; 7) безголовая самоед со ртом между плечами и с глазами в груди, стреляющая из железных трубок; 8) люди ходящие под землею, около озера, на котором есть город, где происходит немой торг; 9) Каменная самоед, которая облежит около Югорские земли.

С глубоким интересом, читая описания Сибири и ее красот, я невольно думал, почему мы так увлекаемся Южной Америкой, Центральной Африкой, Индостаном – когда у нас под боком в расстоянии всего двух дней железнодорожного пути от Петербурга лежит почти нетронутая девственная Сибирь – «Страна будущего», как называют ее иностранцы. Сколько таинственного сколько интересного хранит она, для пытливого ума человеческого!

А реки Сибири! Обь – Иртышский водный бассейн свыше 5.000 верст длины. Енисей – 3.760 верст Лена – 4.310 верст, Амур вместе с Аргунью и озером Далайнор – 4.188 верст.

А поезд наш летел все дальше и дальше на Восток, забираясь в самую глубь «Океана земли».

25 марта в 5 ч. 32 м. дня мы были в Омске – столице Западной Сибири. Мысленно уносясь опять в историю нашей земли приходит на память, как в 1580 году партия Донских казаков и Поволжской вольницы, под командой атамана Ермака Тимофеевича, углубилась в безбрежные степи Западной Сибири идя «без пути» на солнце.

В том же году Ермак стал станом на берегу реки Туры, а 26 октября 1581 г. вступил в столицу Царства Сибирского – Искер или Сибирь на берегу реки Иртыш, подняв там русское знамя.

С этого момента Сибирь стала русской!

При розысках «новых землиц», казак Елисей Буза в 1673 году спустился вниз по Лене, до Ледовитого Океана и дошел до устья Яны. Его сподвижник казак Иван Постников дошел сухим путем до Индигирки. Казак Михаил Студухин открыл Колыму, основав Нижне-Колымск.

В 1648 году казак Семен Дежнев переплыл Берингов пролив. Казак Москвитин по реке Алдану спустился в Охотское море, а Поярков поднявшись по Алдану перешел Становой хребет и по реке Зее, вышел на Амур. В 1650 году атаман Ерофей Хабаров[5]; с горстью казаков основал Албазин и покорил России весь Приамурский Край, который по Нерчинскому договору 1680 года был отдан обратно Китаю.

Только 177 лет спустя в 1857 году, граф Н. Н. Муравьев-Амурский завершил дело Ерофея Хабарова и, Приамурский край вместе с Уссурийским были присоединены к России.

25 марта в 9 ч. вечера мы проехали 900 верст от Челябинска.

Остался позади Омск и река Иртыш, через которую перекинут мост длиною в 300 сажен. В 12 ч. ночи проехали Каинск – небольшой городок расположенный среди Барабинской степи при впадении реки Каинири в реку Обь.

26 марта в 8 ч. утра, в расстоянии 1328 верст от Челябинска, наш поезд перешел по красивому мосту через главную реку Западной Сибири – Обь.

Эту реку татары называют «Омар», остяки «Аз», а самоеды «Куам», что значит душа. Река Обь образуется из слияния двух рек Бии и Катуни. Река Бий (по-татарски князь) вытекает из живописного Алтайского озера Телецкое. Река Катунь (по-калмыцки – царица) берет свое начало на ледниках Алтайских гор. Длина Оби от соединения Бии с Катунью – 3200 верст.

---

[5] По его имени назвав г. Хабаровск.

После слияния с Иртышем, Обь дробится на притоки охватывая ими большой район. Обь очень богата рыбой, которая славится своим особо хорошим вкусом.

В 2 часа дня кончились бескрайние степи окружающие нас и со станции Тайга, от которой идет ветка к городу Томску, начались леса.

Когда едешь по Великой Сибирской дороге, то невольно чувствуешь, всю огромность культурной работы, которая сделана русскими людьми. Мне лично пришлось проехать по линии «Candian Pacific railway Co.» от Нью-Йорка до Ванкувера, но эта линия не производит такого грандиозного впечатления, как Великая Сибирская ж. д. Мысль об ее постройке возникла в России еше в шестидесятых годах XIX столетия. В 1882 году, тогдашний министр путей сообщения, генерал-адъютант, адмирал Поссьет впервые высказал решительное мнение, за начало постройки этой дороги и в первую голову линии Самара–Челябинск.

21 февраля 1891 года Государь Император Александр III утвердил положение об одновременной постройке железной дороги от Урала до Тихого Океана.

Высочайшим рескриптом от 17 марта 1891 года, на имя Наследника Цесаревича, ныне покойного Государя Императора Николая Александровича, ему поручалось совершить закладку Великого рельсового пути. 19 мая 1891 года, покойный Государь Император Николай Александрович лично положил первый камень в городе Владивостоке, во главу Великого пути. Вслед затем, он лично наполнил тачку землею и эту тачку привез и высыпал на начальное место постройки; за ним потянулись длинной вереницей тачки рабочих и грандиозное сооружение, начало быстро углубляться в «Океан земли» одновременно от Тихого Океана и от Уральских гор. Строющаяся железная дорога была длиною 6.669 верст и обошлась свыше 432 миллионов рублей. Построенная впо-

следствии Китайская Восточная ж. д. длиною 2377 верст обошлась более 258 миллионов рублей и явилась добавлением к этому громадному техническому сооружению.

27 марта в 3 ч. ночи, мы прибыли в Красноярск, отъехав 2046 в. от Челябинска. Красноярск, красивый город, расположен на левом берегу реки Енисея, при впадении в него реки Качи. Река Енисей, вырываясь у Красноярска из горной теснины, имеет быстрое течение и разделяется перед городом на два протока красивыми островами.

Енисей, одна из величайших рек Сибири; образуется в Монголии из слияния двух рек Хакама и Бикема. Войдя в пределы Сибири, река получает свое название от тунгусского слова «Ионеси», что значит «Большая вода». Прорвав Саянский хребет Енисей до г. Минусинска сохраняет горный характер. В 12 верстах ниже Минусинска, слева в него впадает судоходный приток Абакан, а справа, несколько ниже, тоже судоходная река Туба. Начиная от Красноярска, вниз по течению, ширина Енисея 1 верста и более. Длина реки 3100 верст. Во время весенних разливов уровень воды в реке подымается на 5 сажен. Морские суда со средней осадкой могут подыматься по Енисею до города Енисейска. Енисей изобилует рыбой, но вкус ее хуже Обской.

Железнодорожный мост через Енисей, красивейший из всех на Сибирской дороге. Его длина 434½ сажени при шести пролетах. Мост спроектирован профессором Л. Д. Проскуряковым. Литое железо изготовлено Нижне-Тагильскими заводами наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато.

Того же 27 марта в 2 ч. 43 м. проехали станцию Тайшет и до Нижнеудинска (6 ч. 36 м.) справа и слева виднелась густая тайга. В 5 ч. 3 м. утра, проехали станцию «Половина» (2968 в. от Челябинска) и 23 марта в 8 ч. утра наш поезд пришел в город Иркутск. Западная Сибирь – позади нас.

Перед Иркутском станция Иннокентьевская. Она названа в честь св. Иннокентия, Епископа Иркутского, столь чтимого

в Сибири Чудотворца. Близ этой станции на левом берегу Ангары в 4 верстах ниже Иркутска расположен Вознесенский, святителя Иннокентия, общежительный монастырь, основанный в 1672 году.

Святитель Иннокентий в мире Иоанн Кульчитский родился в Малороссии. 5 марта 1691 года он был хиротонисан во Епископы Переяславские с назначением в Пекинскую духовную миссию. Хиротонию совершал Митрополит Стефан Яворский с Архиепископом Феодосием Яновским и Феофаном Прокоповичем. Хиротония совершалась в присутствии Петра Великого. Святитель скончался 27 ноября 1731 года, пробыв Иркутским Епископом менее 4 лет.

В Иркутске интересен также женский Знаменский монастырь, в котором была пострижена при Императрице Анне Иоанновне дочь казненного кабинет-министра Артемия Волынского, девица Анна.

Интересны в Иркутске Триумфальные ворота, воздвигнутые в память Айгунского договора 1858 года с надписью: «Дорога к Великому Океану».

От Иркутска до Владивостока

Со станции Иннокентьевской начинается Забайкальская железная дорога.

Вот открылась спокойная поверхность бирюзового озера Байкал.

«Славное море, священный Байкал.
Славный корабль – омулевая бочка,
Эй, «Баргузин» пошевеливай вал!
Плыть нам с тобой недалечко!

(Сибирская песня)

Байкал одно из величайших озер земного шара. Местные русские жители называют его «Святым морем»; китайцы –

«Пэ-хой» (северное море); монголы – «Далай Нор» (священное море). Длина озера 600 верст, ширина до 85 верст. Высота Байкала над уровнем океана 1561 фут. Наибольшая измеренная глубина – 791 морская сажень[6]. Красивые Байкальские и Забайкальские горы, окружающие Байкал, придают ему величественный и живописный вид.

Вода Байкала чиста, прозрачна и очень приятна на вкус. Климат Байкала суровый, лето короткое, ночи холодные. В южной части озера от мая до июля дуют N. O. ветры, имеющие местное название «Баргузин». С августа начинаются S. W. ветры – «Култук». Самые сильные N. W. ветры называются «Сорма».

Байкал изобилует рыбой, среди которой особенно многочисленны: омуль, байкальский сиг, хариус и таймень. Самой интересной рыбой Байкала, которая водится только в нем, является «голомянка» (Comephorus Baicalensis). Она водится на самых больших глубинах (свыше 300 саж.), где давление воды столь велико, что когда эту рыбу вытащат на поверхность, то тело ее разрывается. В водах Байкала водится четыре вида губок, красивого темно-изумрудного цвета. Интересен Байкальский тюлень, которого буряты называют «хансеганум».

На зимнее время Байкал замерзает на 4 с половиной месяца.

Железная дорога идет по южную сторону Байкала, до станции Култук, на протяжении 81 версты и только ради того, чтобы проехать по этому участку носящему название Круго-Байкальской ж. д. стоит совершить это громадное путешествие. Здесь непрерывно мелькают, как в кинематографической ленте, такие красивые пейзажи, какие редко можно встретить на земле. Железная дорога змейкой вьется

---

[6] Морская сажень – 6 футов.

по утесистым берегам Байкала, то входя в темные туннели, то лепясь по страшным откосам прибрежных скал. Здесь 39 туннелей, постройка которых стоила более 10 миллионов рублей. Отойдя от Байкала, поезд понесся среди лесов и гор Забайкалья и в 8 ч. вечера того же 28 марта, мы были уже в Верхнеудинске, на расстоянии 450 в. от Иркутска.

29 марта, пролетев станции Чита и Карымскую, поезд примчал нас; на станцию Маньчжурия Китайской Восточной железной дороги в 9 ч. вечера и в расстоянии 1424 верст от Иркутска.

Со станции Маньчжурия, поезд вышел в 10 ч. 5 м. вечера по Петербургскому времени или в 4 ч. 30 м. утра по Харбинскому времени. Разница между Харбинским и С.-Петербургским временем 6 ч. 25 м. т. е. более четверти суток. Вот какова величина России по долготе. В 6. ч. утра поезд забрался на самую высоту Хинганского хребта и пролетел знаменитый разъезд № 26 называемый «Петля», где поезд, войдя в туннель, делает полный круг и вылетает чуть ниже того места, куда он вошел.

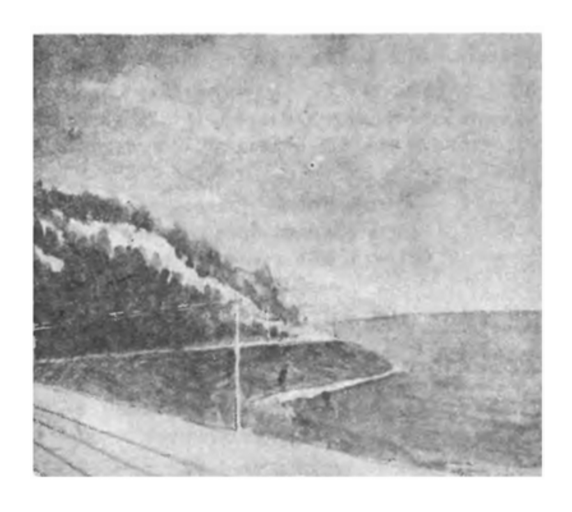
Проехали ряд станций с нерусскими названиями Бухэду, Чжалантунь, Ламацзянцзи и в 5 ч. 40 м. по С.-Петербургскому или в 12 ч. 5 м. ночи местного времени раздался голос кондуктора: «Станция Харбин, поезд стоит 35 минут».

Мы с моим спутником, даже и не поинтересовались этой станцией и мирно легли спать.

30 марта в 8 ч. 50 м. утра через станцию Пограничная, мы вновь въехали в Россию. Опять русския названия, Гродеково, Хорватов, Никольск – Уссурийский. Мы едем по Уссурийской жел. дороге.

В 1 ч. 38 м. по С.-Петербургскому времени, мы подъехали к станции Угольной (в 29 верстах от Владивостока и в 1575 верстах от станции Маньчжурия).

«Необъятной пеленою
Развернулось предо мною,
Друг мой старый – море».
(Старинное стихотворение).

Байкал

Перед нами открылась синяя гладь Тихого Океана. Промелькнули станции Океанская, Первая Речка и в 2 ч. 50 м. дня по С.-Петербургскому времени 30 марта 1916 года наш поезд, пробыв 8 дней в пути, плавно подкатил к вокзалу Владивостока.

«Океан Земли» остался позади.

Теперь скорее в порт, на отряд, а там дальнее плавание по Великому Океану.

Из онка вагона

На опушке рощи

Пахарь в Маньчжурии

«Хозан-мару»

Тихий Океан

Отдельный Отряд судов особого назначения

Расторопный писарь из штаба Отряда с тремя матросами поджидал нас на вокзале. Быстро вытащены наши вещи, взят багаж, и автомобиль помчал нас по Светланской улице[7]. Как далеки мы от Петербурга и в то же время, как тесно мы с ним связаны землею. Ведь, Владивосток та же Россия, просто один из ее провинциальных городов. Если взять, например, английский Гонконг, ровестник Владивостока, то это английская колония, и при том дальняя. Там кучка англичан, оторванная от метрополии, затерялась среди многих тысяч туземцев – здесь, бородатые русские мужики переселенцы и старожилы, матросы и солдаты, живут вперемешку с китайцами, которые сами, как бы пришельцы в этой русской стране. В этом и заключается громадная разница между английскими колониями и нашими окраинами.

Есть и преимущества, есть и недостатки окраин перед колониями.

Англия питается за счет своих колоний, наши окраины питаются за счет России. Колония чрезвычайно быстро развивается материально, ее технический скелет выростает в одно-два десятилетия. Окраина, как отдаленный орган огромного тела, гораздо медленнее получает по кровеносному сосуду – железной дороге, живительные соки современной культуры.

Все англичане в своих колониях являются привилегированным классом по отношению к туземцам.

Мы русские в своих окрайнах были такими же подданными нашего Государя, как и инородцы.

---

[7] Названа в честь фрегата «Светлана».

Окраины крепче привязаны к России, чем колонии к Англии.

Одним из тяжелых условий того, что у нас были окраины, а не колонии – была невозможность иметь единый флот: наши моря были разделены «Океаном Земли». Нам надо было иметь три флота: Балтийский, Черноморский и Тихого океана. Назревала острая необходимость иметь флот и в Северном Ледовитом океане. Это распыляло наши силы. Англия могла иметь единый флот, который господствовал на всех морях, омывавших ее колонии.

Автомобиль быстро примчал нас в порт, где у пристани ждал паровой катер с «Пересвета». Здесь мы расстались с моим спутником, который на «юли-юли»[8], отправился на «Чесму».

Оставляя за собой полоску белой пены, мой катер бежал по красивому «Золотому Рогу» к стоящему на рейде отряду.

Вот трехтрубный «Пересвет». У него на фор-брам стеньге, поднят контр-адмиральский флаг – Андреевский флаг с красной полоской внизу. Вот «Чесма», между двумя трубами которой, видна тонкая труба для выпуска отработанного пара. Вот красивый «Варяг», над которым возвышаются легкие надстройки и четыре трубы. Как они хороши, эти корабли на синей поверхности залива, окрашенные в серо-серебристый цвет. Какой чудный поход нам предстоит на них!

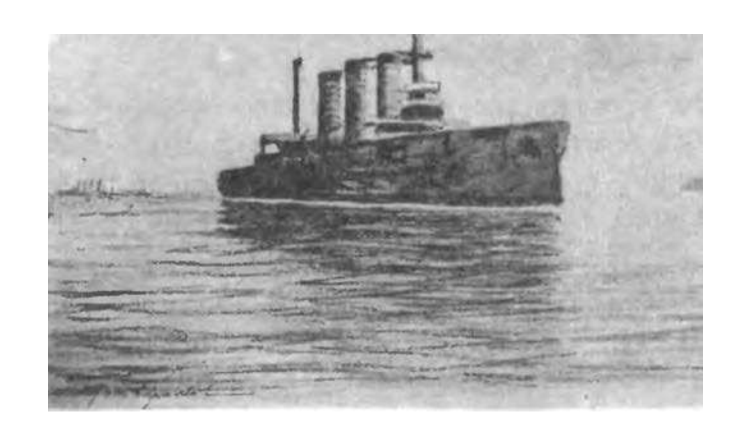
Как интересно мне это дальнее плавание. В первый раз за мою службу, мне придется идти не на строевой, а на штабной должности, оставляющей так много свободного времени для интересной научной работы.

Только бы скорее были готовы корабли! Только бы скорее уходить!

Вот и «Пересвет». Я на палубе. Какой красивый корабль!

---

[8] От слова юлить. Китайская шлюпка, приводимая в движение одним кормовым веслом.

Линейный корабль «Пересвет». Спущен в 1898 году.
12.700 тонн; 19,1 узла; 4–10 дм.; 11–6 дм.; 20–75 м/м; 8–87м/м;
2 десантных пушки. Экипаж 778 человек.

«Здравствуйте, здравствуй», со всех сторон ко мне тянутся руки для рукопожатий. Объятия. Поцелуи. Кругом бодрые энергичные, милые и дорогие мне лица старых соплавателей и друзей.

«Ну, бегите скорее к адмиралу», расцеловавшись со мной, говорит флаг-капитан[9].

Я вхожу в адмиральское помещение. Сколько здесь света и воздуха по сравнению с новыми кораблями.

Адмирал, поднялся из глубокого кожаного кресла. В руке его пачка свежеотпечатанных листочков, конечно, сообщения Ставки Верховного Главнокомандующого.

«Вашему Превосходительству является помощник флаг-капитана по оперативной части» ...начал я установленную фразу, но адмирал не дал мне докончить. Крепко поцеловав и обняв меня, он усадил меня рядом с собой в кресло и с живым интересом начал распрашивать обо всем, что мне поручено было доложить ему.

[9] Начальник штаба в чине штаб-офицера.

Начальник Отряда, молодой контр-адмирал А. М. Бестужев-Рюмин был из славной школы адмирала Н. О. Эссена. Лихой командир миноносца, он во время войны получил в командование, только что вступивший в строй линейный корабль дредноут «Севастополь». Когда обстоятельства военного времени, настоятельно потребовали сформировать флотилию Северного Ледовитого Океана, его предназначили, на этот ответственный пост. Ему надлежало привести Отряд из Владивостока на Мурман. Командирами судов Отряда были прекрасные боевые офицеры: капитан I ранга Заботкин («Пересвет»), капитан I ранга В. Н. Черкассов («Чесма»), гвардейского экипажа капитан I ранга Ден («Варяг») и капитан, I ранга Кетлинский («Аскольд»).

Так как Отряд должен был составить ядро флотилии Северного Ледовитого океана, то он взял себе штаб размером по расчету на флотилию. У нас был флаг-капитан, два его помощника (по оперативной и по распорядительной части), флагманские: штурманский, артиллерийский и минный офицеры (частью из старших судовых специалистов), флагманский инженер-механик, флагманский врач, флагманский обер-аудитор[10] и иероманах – флагманский благочинный. Кроме того два флаг-офицера. Для Отряда штаб был, конечно, велик, но адмирал предполагал сделать переход на Мурман возможно скорее и на походе разработать детальнейшим образом все оперативные, строевые и технические инструкции для Флотилии Северного Ледовитого Океана. В состав ея, по приходе на Мурман, должны были войти: 1) Отдельный британский отряд английского контр-адмирала Кэмп, в составе линейного корабля «Альбемарль», крейсера «Ифиджинайя», отделения тральщиков и нескольких противолодных судов. 2) Наша дивизия траления Белого моря из

---

[10] Из офицеров окончивших Императорскую Александровскую Военно-Юридичөскую Академию.

48 тральщиков. 3) Отряд противолодных посыльных судов. 4) Дивизион эскадренных миноносцев. 5) Отряд ледоколов. 6) Полудивизион подводных лодок. 7) Служба связи. 8) Береговая оборона оперативной базы Иокангского рейда, Кольского залива и устья реки Северной Двины и 9) Авиация.

Если бы все предположения адмирала сбылись, то на походе штабу было бы по горло работы.

«Организация – мать победы». Этот принцип неуклонно проводился нашим Морским Генеральным Штабом и плоды его мы ясно видели в минувшую войну.

Эскадренные миноносцы: «Лейтенант Сергеев», «Капитан Юрасовский», «Бесшумный», «Беспощадный», «Властный» и «Грозовой» (350 тонн, 26 узлов, 2–75 м/м., 6 пулеметов, и 2–3 надводных минных аппарата) уже вышли из Владивостока и находились в пути на Мурман.

Их плавание, учитывая их небольшую величину, предполагалось более долгое и с большим числом остановок в пути.

Состояние, в котором японцы сдали, нам «Пересвет», «Чесму» и «Варяга» было столь запущено, что выходить немедленно в дальнее плавание, нечего было и думать. Детальный осмотр судов показал, что масса приборов и вспомогательных механизмов испорчено и проржавлено и только снаружи чисто закрашено японцами. 12" пушки «Чесмы» могли делать только 1 выстрел в 4 минуты, а 10" «Пересвета» – 1 выстрел в 2 минуты.

Для современной стрельбы, это было совершенно недостаточно. Приходилось переделывать своими средствами.

Жилые помещения на всех трех кораблях были сделаны на японский рост и наша команда, особенно гиганты гвардейского экипажа «Варяга», совершенно не могли поместиться в них. Бань для команды тоже не оказалось, а вместо них на всех трех кораблях было много грязных крошечных японских ванн, для нас совершенно непригодных.

Надо было заменять во многих местах электрическую проводку. Пришлось озаботиться улучшением вентиляции погребов и принять особые предосторожности для хранения японского нитроглицеринного пороха, который, в отличие от нашего, разлагается не только при высокой температуре, но и при низкой.

Наконец, японцы оставили на судах только старые бронебойные снаряды, снаряженные черным порохом.

Поэтому, в первую голову, адмирал решил привести корабли в порядок средствами Владивостокского порта, а за это время выписать из Петербурга полный комплект боевых припасов для 12", 10", 6" орудий, а для 6" и 75 м/м выписать, кроме того, запас ныряющих снарядов, изобретенных в нашем флоте для борьбы с подводными лодками.

Но на это требовалось время и время большое; мы к июлю 1916 г. должны были быть уже на Мурмане, а между тем задержка во Владивостоке отнимала всякую надежду на это.

Дух личного состава начал падать. Сознание, что там в Черном и Балтийском морях и на фронтах идет борьба, в то время как мы тут, во Владивостоке заняты безнадежной работой на старых непригодных к бою кораблях, приводило офицеров и команду в отчаяние. Непонимание личным составом задач, возложенных на флотилию Северного Ледовитого океана, незнание им всех бывших предположений и причины почему корабли были куплены именно у Японии, вызывало глухой ропот.

Обвиняли, как всегда, и во всем штабе, и в первую голову его оперативную часть. Плавание Отряда на Мурман стало казаться никому ненужным пикником, преступным во время войны.

Сравнивая эти настроения наших офицеров и команд с таковыми же французов и англичан, с которыми мне пришлось много плавать, становится теперь ясным, как сильно

мы русские, отличаемся характером от европейцев. Мы легко воодушевляемсяи горячо беремся за дело, но также быстро охладеваем, и легко теряем голову при неудаче. Наше стремление всегда критиковать других, приводит к разброду действий и сколько несчастья приносили нам, эти наши отрицательные черты.

Однако, несмотря на все, непрерывный треск пневматических зубил, грохот молотков массы рабочих на судах Отряда показывали, что дело подготовки его к походу двигается вперед.

Совместными усилиями офицеров и команд, полным напряжением всех мастерских Владивостокского порта удалось приготовить к дальнему походу машины и котлы, произвести нужные переделки по части артиллерии, насколько возможно оборудовать по современному боевые рубки и переделать жилые помещения для команд.

Так как боевой запас и кое-какие механизмы еще не прибыли из Петербурга, то адмирал решил закупить в Японии целый ряд недостающих мелочей. По одной только артиллерийской части требовалось: 3 амперметра, 6 мегеров, (для испытайся изоляции), 3 батареи элементов, 3 ламповых реостата, 150 огнетушителей, 150 аккумуляторных фонарей, запасного провода, слесарный инструмент, ударные и гальванические трубки. Для закупки всего этого материала была назначена комиссия под председательствовом командира «Варяга», в состав которой вошли: помощник флаг-капитана по строевой и распорядительной частям старший лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, ревизор «Варяга», старший минный офицер «Пересвета», инженер из порта, один чиновник порта и я.

Заказали места на отходящем в Цуругу японском пароходе «Хозан-мару».

На «Пересвете» в адмиральском помещении было собрано совещание всех специалистов со всех 3-х кораблей, чтобы

еще раз проверить списки всего того, что нужно закупить в Японии.

Накануне отхода «Хозан-мару» в Цуругу, команда «Вяряга» и «Чесмы», гулявшая на берегу, принесла на корабли и передала офицерам несколько пачек прокламаций, отпечатанных от имени партии социал-демократов – большевиков с пораженческими призывами:

«Поражение Царской России, есть победа революции» – «Долой войну», «долой Царских офицеров – опричников». «Да здравствует социализм» и т. д.

Это были первые цветочки «великой и безкровной» – ягодки ее, наш несчастный народ видит теперь.

На вопрос, кто им дал эти прокламации, матросы угрюмо ответили: «Какие то вольные жидочки».

Когда об этом случае было заявлено коменданту крепости, последний пожал плечами и сказал, что уж несколько месяцев, как казармы и рабочие районы Владивостока, забрасываются массой подобных летучек, но что место, где они печатаются, так пока и не найдено, а ловить «вольных», которые их разбрасывают – это значит прибегнуть к слишком жестоким мерам – ибо крепость на военном положении и все подобные дела должны разбираться военными судами.

Невольно мысль моя переносится к нынешнему времени, и хочется спросить: «Что было бы, если бы сегодня во Владивостоке кто-нибудь стал разбрасывать прокламации? Как бы на это реагировало ГПУ?»

«Почему при «кровавом царизме», комендант крепости не решался арестовывать людей подрывающих власть, боясь подвести их под военный суд, который мог бы приговорить их к смертной казни?

Почему в нынешнем СССР, где «отменена» смертная казнь, тысячи невинных людей подвергаются «высшей мере наказания», заключающейся в насильственном отделении

души от тела, и при том способами, которые у всех цивилизованных народов считаются варварскими?»

Но, мои дорогие читатели, я боюсь вам наскучить своими вопросами, тем более, что вряд ли кто-нибудь может на них ответить в наше страшное время.

«Хозан-мару», дав три гудка, отвалил от стенки.

Наша комиссия, стоя на верхней палубе, любовалась роскошной панорамой Золотого Рога.

Среди публики мы заметили человека в сером костюме, с золотисто-рыжими кудрями.

«Или художник, или поэт?» Это оказался поэт Бальмонт.

Скоро все с ним познакомились. Пока мы разговаривали, любуясь закатом, произошел случай довольно редкий в море: на плечо одному из нас села синичка и начала чистить носик об его щеку.

«Какой вы счастливый, лейтенант», воскликнул Бальмонт: «Это редкое счастье».

Испуганная птичка вспорхнула, трепетно запорхала вокруг парохода и села, где то на мачте.

Соленый ветерок дул навстречу пароходу. Кроваво-красный диск солнца медленно катился к горизонту, окрашивая розоватыми тонами полосу белой пены, оставляемой за кормой... Бальмонт писал что то карандашем в своей записной книжке. После долгих уговоров он показал нам начало своего нового стихотворения:

«Япония, Ниппон, Нихон.
Основа солнца, корень света,
Прими от русского поэта
Его струны певучий звон...»

Горькая мысль мелькнула в моей голове: – прокламации владивостокских пораженцев несомненное варварство, Бальмонт – явление русской культуры; почему же это не русское

варварство называется прогрессом, вызываемая им революция – желанной, а русская культура так бессильна, что не может с этим бороться? Почему?

Но довольно вопросов. Русская культура ныне раздавлена тяжелым сапогом не русского социализма...

А тогда на «Хозан-мару» зажглись огни. Солнце спустилось за горизонт. Море почернело. На небе безчисленными алмазами засверкали звезды.

Спустилась ночь. Пассажиры разошлись по своим каютам и мирно заснули тем крепким сном, каким можно спать только в море, вдыхая воздух наполненный кислородом и ароматом морских испарений.

В Японию и обратно

Яркое солнце заливало своими жгучими лучами море и берега, когда «Хозан-мару» входил в Цуругу.

В то, хоть и не столь отдаленное от нас, время мы, русские, могли путешествовать по всему миру так же легко и с теми же удобствами, как и люди всех остальных цивилизованных наций. В частности, нам лично, как только японцы узнали, что на «Хозан-мару» находится «Русская миссия», была оказана особая любезность. Маленькие, желтые, подвижные, как ртуть, люди забрали наш багаж. На набережной оказался прекрасный лимузин и вот мы на вокзале. Билеты куплены и чистенький, кажущиеся игрушечным, после наших больших вагонов, скорый поезд помчал нас, то ныряя в туннели, то вылетая на волю, по направлению к столице Японии – Токио.

На меня пахнуло грезами и мечтами далекого детства. Будто, какая то фея коснулась своей палочкой моих глаз и перенесла меня из мира реального в мир сказки.

Все кругом казалось уменьшившимся в размерах; точно мы попали в страну лилипутов. В открытые окна вагона виднелись красивые, яркие пейзажи, точно набросанные тонкой

кистью – акварельные рисунки: мягкие складки местности, отсутствие диких скал и обрывов. Все угловатости, все резкости, обычно наблюдаемые в природе, все здесь было сглажено. Если за окном виднелись поля, то они были маленькие, четыреугольной формы, где кажется и повернуться невозможно, но между тем они были обработаны буквально человеческими руками. Невольно напрашивалось сравнение с нашими типичными русскими жалобами, что у нас: «негде куренка выпустить». Один вид этих японских полей даже профану показывал, насколько выше культура обработки земли японского крестьянина, чем нашего.

Если перед глазами проносились селенья, то они состояли из крошечных, точно картонных, домиков, в которых вместо стекол в окнах была провощенная бумага, а стены могли раздвигаться, как ширмы. Если виднелись, сравнительно редко, незаселенные места, то свободная природа, здесь, поражала нас своею миниатюрностью. Для нашего глаза – их клены, камелии, каштаньи, савара, (род кипариса), лавровые деревья – казались маленькими и только задумчивые, таинственные криптомерии, обычно растущие около храмов, выделялись своим большим ростом. Но, что особенно поражало – это цветы и дети. Недаром Японию называют страной детей и цветов.

Цветы виднелись везде близ жилища человека. Яркие, они были изумительно красивы: пионы, ирисы, глицинии, лилии, лотосы и хризантемы.

А дети!

Как они были приветливы, как доверчиво бросались, даже к нам иностранцам. По воспитанию детей быдо видно, как высока культура широких масс населения.

На одной из станций нам попался поезд с учениками и ученицами народных школ. Вокзал был наполнен точно щебетаньем птичек. Мальчики в пестро-сереньких кимоно с круглы-

ми, бритыми головенками, девочки, как бабочки, с яркими бантами. Учителя и учительницы, воспитатели и воспитательницы в национальных костюмах со спокойными, строгими лицами.

Ни одного грубого окрика, ни драки, ни ссор.

Японский пейзаж

Особенно врезалось мне в память, как при этой встрече один из ехавших в нашем поезде русских, с густой шевелюрой волос, и в синих очках – тип Чеховского интеллигента, взяв горсть цветов, с аффектированной сладенькой улыбочкой поднес их прыгающим на перроне детишкам. Те, как стая воробьев с шумом и писком окружили его и расхватали цветы.

В этот момент я поймал взгляд стоящего в стороне японца-воспитателя. На лице его была точно маска. Голова гордо поднята. Но в глазах его мелькнуло такое презрение, на губах заиграла такая улыбка, что краска стыда бросилась мне в лицо. Невольно, в воображении моем, встал образ русского народного учителя – неопрятного, вихрастого, принадлежащего к «передовой революционной демократии» – классиче-

ский тип русского социалиста-революционера. Каким он мне показался в эту минуту варваром, несмотря на свои якобы передовые идеи, по сравнению с этим японским народным учителем! Как ясно мне стало, что какой бы режим в России ни был – эта варварская полуинтеллигенция не способна поднять народ до уровня современной культуры.

Теперь, когда опыты всех режимов проделаны над нашей несчастной Родиной, когда наш народ в своем культурном развитии отброшен на уровень негров, когда отпечатком этой работы нашей полуинтеллигенции осталось только подлейшее слово «извиняюсь» – так или иначе, вопрос о народном воспитании и образовании для нас явится главнейшим. Мне верится, что тип будущего народного учителя и воспитателя будет действительно достойным России. Мне верится, что мы поймем наконец, что народный учитель и воспитатель есть основа национального развития и культуры нашей Родины.

Я отвлекся в сторону, но невольно, ибо нахлынувшие воспоминания слишком ярко восстановили передо мною эту картину, слишком больно отозвались в сердце. У меня лично нет никакой злобы к этой нашей полуинтеллигенции. Я знаю, что она такой же продукт нашей истории, как и все мы. Я знаю сколько, было истинных подвижников и тружеников среди наших народных учителей. Но мне хотелось бы напомнить русским людям, что нам надо, наконец, понять, что воспитание и культурность должны быть выше всяких идей, взглядов и партий. Только дабившись этого, мы сможем себя уважать, и нас будут уважать.

Я уверен, что в будущей России никогда не сможет повториться тот позор, который был во время Русско-Японской войны, – когда группа русского революционного студенчества послала Японскому Императору телеграмму с поздравлением по случаю Цусимского боя. Сколько презрения было в

ответе Японского Микадо, приказавшего его передать, кажется через британское министерство иностранных дел. Этот ответ гласил, что Микадо благодарит за внимание и гордится, что среди Японцев не нашлось бы ни одного подобного тем, кто подписал полученную им телеграмму. Такое же презрение я прочел в глазах японца учителя – вот почему оно мне было тогда так больно.

Фудзияма

Наш поезд подошел к равнине Канто, где расположены города Иокогама и Токио. Близ станции Мианошита, слева мелькнула в красивом горном пейзаже знаменитая гора Фудзияма (12.387 футов над уровнем моря).

Прямо с вокзала в Токио, мы переехали в «Империал» отель, где каждый снял по комнатке с полным пансионом. Здесь началась для нас кипучая деятельность. Прежде всего мы направились к нашему военно-морскому агенту капитану I ранга А. Н. Воскресенскому.

Я не могу не сказать несколько слов об этом, ныне покойном, выдающемся офицере нашего флота. Он был морским агентом в Японии уже много лет. Владея в совершенстве французским и английским языками, он изучил японский язык так, как редко это мог бы сделать кто-нибудь из европейцев. Совершенствование в японском языке ему облегчило и то, что он был женат на японке. Перу покойного А. Н. Воскресенского принадлежит, ставший классическим, перевод многотомного описания войны на море 1904–1905 годов, составленного Японским Морским Генеральным Шатбом.

С помощью А. Н. Воскресенского мы быстро выяснили у каких фирм, что именно и по каким примерно ценам, можно купить то, что нам нужно.

Затем состоялся наш прием в Российском Императорском Посольстве, где нам был предложен завтрак и где за временным отъездом посла нас приветствовал советник Посольства. Далее пришлось побывать в Японском Морском Генеральном Штабе, где мы выяснили целый ряд вопросов относительно судов нашего Отряда.

В следующие дни в нашем отеле начали появляться представители разных фирм по нужным нам предметам.

Очень много времени уходило на переводы наших списков и на объяснения разных деталей. Наконец, выяснилось, что все что нам нужно имеется и, благодаря конкуренции, по достаточно низким ценам. Всего мы заказали разных материалов и предметов, примерно, на сумму в 150.000 иен.

Среди суматохи этих дней в нашем отеле появился молодой, веселый жизнерадостный японец, с массою прелестных черепаховых изделий. Он нас приветствовал точно родных, с выражением знаков величайшего почтения. Он прибыл из Нагасаки и оказался сыном Изаки, известного во флоте «черепахи-человека», как прозвали его отца на нашей Тихоокеанской эскадре в былое время. Его отцу принадлежала

знаменитая фраза, определяющая в понятии японцев характер нас русских.

Изаки-отец был маленьким торговцем черепаховых вещей в Нагасаки, и когда туда приходила русская эскадра, он появлялся на кораблях, предлагая свои изделия. Как и другие торговцы, он развертывал, где-нибудь на левом шкафуте маленький коврик, раскладывал на нем свои товары и терпеливо объяснял, ломанным русским языком, каждому подходившему матросу, качество, пользу и дешевизну своих черепаховых вещей. Этого «черепаху-человека» знала и любила вся наша эскадра. Однажды на одном из кораблей, где производил свой торг Изаки-отец, поднялся какой-то «аврал», не то тревога, не то прибытие начальника эскадры, не знаю, но только старший офицер приказал всех торговцев убрать со шкафута и отправить на берег. Изаки – отец замешкался и шканечный унтер-офицер начал его торопить: – «Ну, собирайся скорей, вались к трапу, отваливай! Скорей!»

Изаки, торопясь, раздраженный тем, что не удалось продать свой товар, бросился к трапу и вдруг на верхней площадке разразился тирадой, вызвавшей общий хохот:

«Русска всегда так. Ничего! Ничего! Параздник! Праздник! А потом сакарей! Сакарей! Сакарей!»

Появление у нас в отеле Изаки – сына, напомнило мне этот забавный рассказ. Торговля Изаки-отца на нашей эскадре оказалась прибыльной и его сын в Нагасаки получил в наследство большой магазин черепаховых изделий. Узнав из газет о нашем приезде, он примчался в Токио, и как мы не отбивались, принудил каждого из нас купить по черепаховой вещице.

Наконец, наши переговоры с Мицубиши, Окура и другими фирмами, выяснили, что все нами заказанное может быть доставлено для осмотра нашей комиссией не ранее, как через две недели, после чего все, принятое нами будет отправлено во Владивосток.

В течение этих недель нашей комиссии волей-неволей приходилось бездействовать. Наш председатель решил, что лучше всего использовать свободные дни на ознакомление с Японией. И вот мы, не разделяясь, систематически, стали приводить это в исполнение.

Мы начали жить точно среди волшебного калейдоскопа: задумчивые аллеи в парках Токио... Знаменитые вишневые деревья, лотосы на каналах... Полные глубокого мистицизма Буддийские храмы... Поразительные своей красотой и своеобразием храмы культа «Шинто». Японский национальный театр «Кабукиза». Пляски и пение гейш в японских ресторанах... Меланхолические звуки «сам-синов» и «кото» – все это погрузило нас в атмосферу видений, настроений и звуков, которые можно пережить, слушая оперу «Мадам Бетерфлей» или читая, полную соблазнительной прелести, книгу Пьера Лоти. Охваченные этими чарами, мы выехали в экскурсию в Камакуру.

Здесь – опять та же непередаваемая прелесть японских пейзажей, на фоне которых повсюду находишь произведения искусства, этого, удивительного по своеобразию и тонкости вкуса, народа.

Лично меня особенно поразило в Камакуре, чудной, лунной ночью, созерцание статуи «Дайбудцу» (высотою 56 футов) из позеленевшей от времени, бронзы. Игра света и теней в эту ночь создали впечатление, будто веки великого мыслителя Востока, вот, вот приподнимутся и он взглянет на нас.

Замершая улыбка, на его бронзовых сжатых устах, казалось сейчас оживет.

Смотря на эту статую, произведение и отражение духа совсем чуждых Европе народов, невольно испытываешь удивление и восторг, перед красотою и разнообразием Божьего творения.

Затем, опять новая волшебная картина… Мы в Мианошите... Это курорт близ горного озера Хаконэ. Чистенький

японский отель. Повсюду проведена холодная и горячая вода, последняя непосредственно из горячих источников.

В Японии

Камакура. Дайбудцу

Токио. Шибиа парк

Кругом рощи криптомерий, в которых при закате солнца, точно сотни серебряных колокольчиков, звенят «хигураси»[11].

На дворе отеля в искусственном озерке, куда журча и прыгая по скалам, низвергается с высоты ручеек, плавают золотые и серебряные карпы. Они так привыкли к людям, что когда вы подходите к берегу, они толпой плывут к вам, высовывая с нетерпением свои головки, в ожидании, что вы бросите им хлеб.

Когда ночь спускается над этим горным курортом, в окружающей темноте начинаются шорох и треск различных насекомых на фоне которых, точно мелодичные звуки стальной струны, слышно пение «сузи-муси»[12].

Вот, по аллее, вьющейся среди высоких криптомерий, показались две изящные фигурки; у них в руках круглые бумажные фонарики: это две японки идущия в расположенную ниже отеля деревушку. Оттуда доносятся к нам тихие звуки

[11] Большая цикада.

[12] Музыкальное насекомое вроде сверчка, которое японцы держат в маленькихъ бамбуковых клеточках в домах.

«самсина». Кругом ночь, с ее таинственными звуками с говором ручейков... Теплая чудная ночь...

Невозможно заставить себя вернуться в комнату. Вот взошла луна. С неба полились серебристые струи нежного света, и окружающая наш отель ночная тьма, точно занавес темного газа, при перемене декорации, исчезла, а перед глазами развернулась роскошная панорама гор, озаренных лунным светом.

В мягком, удобном автомобиле прибыли мы на другой день на берег озера Хаконе, в котором, как в зеркале, отражались вершины окружающих его гор.

По извилистой горной дороге с рискованными поворотами автомобиль доставил нас опять в отель, затем на станцию железной дороги, и мы выехали в Киото.

Здесь опять бесконечные осмотры.

Удивительной красоты храмы, в которых так много золота и чудного цветного лака.

Непередаваемое ощущение испытали мы, вступив в так называемый «поющий храм». Когда идешь по галерее, окружающей его, то все кругом наполняется музыкальными звуками, которые издает пол этого удивительного храма.

Последнее сильное ощущение в Киото было плавание на плоскодонной лодке через каскады и пороги реки.

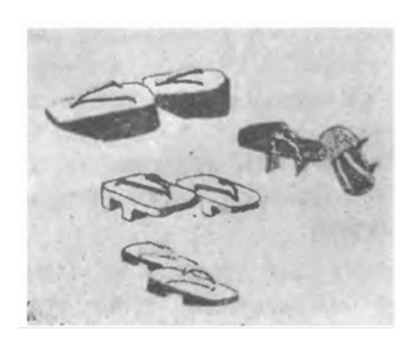
Мы снова в Токио. Закуплены материалы, осмотрены, приняты, запакованы в ящики и отправлены во Владивосток.

Мы проехали с прощальным визитом к Архиепископу Японскому, Высокопреосвященному Сергию.

Удивительное впечатление производит православная миссия в Токио. Какая громадная, незаметная культурная работа была сделана ею. Красивый собор, на высоком холме Цуруга-дай в квартале Канда-ку. Кругом все домики и лавочки населены православными японцами. У всех детишек на шейках маленькие серебряные крестики.

Как только ударит большой колокол в соборе, призывая к молитве, вы видите, как глаза всех обращаются к кресту, сия-

ющему на золоченом куполе собора, и люди осеняют себя крестным знамением.

«Гетта» (японская обувь)

Внутри собор совсем русский. Иконы написаны русскими художниками. Прекрасно поют два хора: мужской семинарии на правом клиросе, женской Ольгинской православной гимназии на левом.

Богослужение на японском языке. Священники – японцы, получившие богословское образование в России.

Простившись с Владыкой, мы выехали обратно в Цуругу. Там мы поместились на пароходе Добровольного флота «Симбирск», капитан которого уроженец Финляндии приветствовал нас, хорошим русским завтраком.

В море ночью «Симбирск» поймал радио-телеграмму «Пересвета». Атмосферные разряды помешали восстановить полный текст, однако, из обрывков его было ясно, что «Пересвет» нуждается в помощи и вызывает к себе «Чесму».

В тяжком ожидании прошла для нас эта ночь. Утром, придя во Владивосток, мы узнали, что «Пересвет» ходил на уничтожение девиации компасов. Внезапно спустился густой туман и «Пересвет» надеясь малым ходом благополучно вернуться, выскочил на камни у мыса Ирода в бухте Патрокл. Это было для нас страшным ударом. Лучший корабль отря-

да, выбыл из строя. Очевидно, придется менять все наши расчеты.

Моя прекрасная каюта на «Пересвете» в два иллюминатора, только что приготовленная для дальнего плавания, свежеокрашенная в светло-фисташковый цвет, которую я успел полюбить, не будет моей келией, где я мечтал отдаться научной работе, по подготовке оперативной части Флотилии Северного Ледовитого Океана.

Сердце мучительно болело за бедного адмирала, за командира «Пересвета» и за весь его личный состав.

От меня судьбою еще было скрыто, что «Пересвет» погибнет на германской мине близ Порт-Сайда 4-го января 1917 года, догоняя Отряд.

Не знал я и того, что, прощаясь во Владивостоке, с командиром «Симбирска» в июне 1916 года мне придется встретиться с ним в 1920 году в Белграде в Югославии, где он окажется Финляндским консулом...

Тогда же, на портовом буксире, охваченный мрачными мыслями, я шел на бедный «Пересвет», стремясь скорее узнать, что решил адмирал.

Владивосток – Гонконг

Грустная встреча на бедном «Пересвете». Адмирал за эти дни осунулся, похудел. Печально смотрят глаза офицеров и команды несчастного корабля. В них видны страдание и стыд за свой корабль и тоска, что повидимому не придется им идти вместе с «Чесмой» и «Варягом».

Обследование условий аварии «Пересвета» показало, что фактически никто не был виноват в ней. Разве лишь, что командир не отдал немедленно якоря, как только нашел туман. Но он находился в этот момент, как раз на фарватере для входа на рейд, и стань он на якорь в проходе, он мог бы рисковать тем, что любой корабль, входящий на рейд был бы опасен для него возможностью столкновения.

С другой стороны оказалось, что после пробы машин и котлов, еще не уничтоженная девиация, именно на этом курсе, была столь велика, что корабль прямо вышел к бухте Патрокл.

Так или иначе, съемка «Пересвета» с камней казалась очень трудной. Корабль плотно засел носовой частью на каменной гряде. Ни буксиры, ни даже попытки «Чесмы» сорвать его, успеха не имели, равно, как и размывка винтами «Чесмы» дна около «Пересвета».

Пришлось начать снимать грузы. Работая день и ночь, выгрузили уголь, освободили патронные, бомбовые, и пороховые погреба. Наконец начали, своими средствами, снимать носовую 10 дм. башню. Эта работа заняла массу времени. Люди надрывались, чтобы скорее исполнить ее. Но видимо Господу Богу было угодно испытать до конца их терпение. Даже съемка носовой башни и всех якорей не помогла, «Пересвет» по прежнему прочно сидел на гряде.

Тогда вызвали из Японии спасательную партию и поручили ей работы по съемке корабля.

Адмирал решил, что пойдет с «Чесмой» и «Варягом», а лишних чинов Штаба отправит на Мурман, для производства там всех нужных работ.

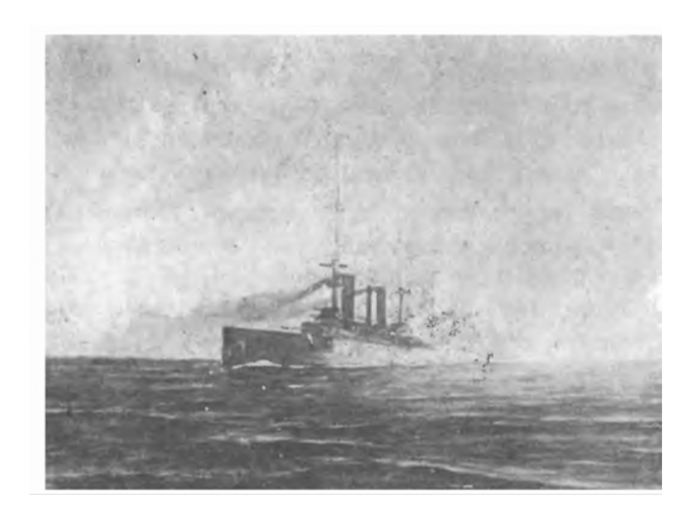
Только что это решение было принято и собирались телеграфировать об этом Морскому Министру, как от последнего пришла телеграмма, с предписанием немедленно отправить весь Штаб в Петроград, для дальнейшего назначения на Мурман, оставив у себя лишь одного флаг-офицера; поручить «Пересвет» заботам Владивостокского порта и идти по назначению с «Чесмой» и с «Варягом».

Хотя все это было совершенно логично и ясно, но получение этой телеграммы было очень больно и адмиралу и чинам его штаба, ибо показывало, что все происшедшее у нас, принято в Петрограде с величайшим неудовольствием, и, конечно, ставилось в вину Штабу Отряда.

Одновременно стало известно, что командир «Пересвета» отзывается в Петроград, вместе со старшим офицером, на их места назначаются другие офицеры и все дело обороны Мурмана и Белого моря переходит под непосредственное руководство Морского Министра.

Следовательно, наше опоздание на Мурман уже учтено в Петрограде и вся организация изменена согласно создавшейся обстановке. При этих условиях, приход наших двух кораблей на Мурман, вряд ли сильно менял там дело; оставалась единственная надежда, что может быть по пути они пригодятся в Средиземном море в случае совместных действий с союзниками против Дарданелл.

С этим расчетом адмирал просил морского министра, оставить на Отряде, корпуса морской артиллерии генерал-майора Петрова, который только что прибыл к нам, доставив из Петрограда просимый ранее боевой запас.

Линейный корабль «Чесма» спущен в 1894 году. 10,960 тонн. 4–12 дм., 12–6 дм., 8–75 м/м., 4–47 м/м. Экипаж 651 человек

Адмирал перебрался на «Чесму», где и был поднят его флаг. Я лично пока жил в моей каюте на «Пересвете» уложив свои вещи для отъезда обратно в Петроград.

В день нашего отъезда на «Чесме» состоялся завтрак. Экспресс отходил в Петроград вечером в 10 часов 20 минут.

Не весело проходил этот завтрак. Все чувствовали себя подавленными и расстроенными, видя, что все расчеты оказались разбитыми аварией «Пересвета» и задержкой Отряда во Владивостоке.

После завтрака ко мне подошел командир «Варяга» и предложил пойти на «Варяг» на должность младшего артиллерийского офицера. Я невольно заколебался, ибо с одной стороны чудный поход предстоящий кораблю слишком меня соблазнял, в то время, как на Мурмане мне предстояла тяжелая и очень неблагодарная работа, а с другой стороны все дело обороны Мурмана перешло в Петроград, и мне пришлось бы вероятно вместо того, чтобы быть в самом центре этой новой борьбы, сидеть далеко в тылу и работать в Морском Генеральном Штабе.

Из моего сомнения меня вывел сам командир «Варяга» высказав уверенность, что мне, как ведающему оперативною частью Флотилии, было бы тяжело вернуться не увидев лично, как дойдет Отряд до Мурмана и не, добившись того, чтобы пережить с ним до конца все его горести и все его надежды.

Это вывело меня из нерешительности, и я ответил, что согласен, но прошу, чтобы на назначение мое на новую должность было бы испрошено согласие Морского Министра, дабы это не носило характер, что я уклоняюсь от исполнения прежней должности, как только она стала менее боевой и интересной.

Вечером чины Штаба, кроме меня, флагманского артиллериста и двух младших флаг-офицеров, уехали в Петроград.

Грустно мы простились на вокзале и я вернулся на «Пересвет».

Через день пришла телеграмма от Морского Министра с согласием на мое назначение на должность младшего артиллерийского офицера на «Варяг», «временно», как указывалось в телеграмме, «впредь до прибытия Отряда на Мурман».

Этой же телеграммой, в распоряжении Адмирала оставлялся еще один младший флаг-офицер по имени Феликс.

Старший флаг-офицер послал флаг-капитану в догонку условную телеграмму, сообщающую все эти новости в таком виде:

«Флагарт[13] наш вызван в Петроград,
А генерал Петров не рад
До Дарданелл флагартом он
Идет, Минмором[14] наряжен.
Апрелев, Феликс остаются,
Но с нашим штабом расстаются».

Флагманский артиллерийский офицер лейтенант барон Фитингоф оставался еще на Отряде, чтобы облегчить работу по съемке орудий с «Пересвета».

В телеграмме вызывающей его, указывалось, что ему срочно надо прибыть на Мурман для установки там орудий на береговых батареях и на уже пришедших, противолодных судах.

Во исполнение этого барон Фитингоф 16-го июня вечером, со скорым поездом, выехал в Петроград.

18-го июня 1916 года в 11 часов 30 минут утра я перебрался со своими вещами с «Пересвета» на «Варяг».

Новая обстановка, новое дело. Я сразу почувствовал, как будто упала с души тяжесть. Ответственность моя уменьшилась до размера той должности, которую я теперь принял.

[13] Кодированное – флагманский артиллерийский офицер.

[14] Кодированное – Морской Министр.

Большие планы, большие надежды, остались, где-то позади, теперь в голове только забота о патронных и бомбовых погребах, которые находятся в моем ведении, да о противоминной артиллерии, огнем которой, в случае боя, мне надлежит управлять. Нас артиллеристов на «Варяге» было всего двое и работы было очень много.

Каюта моя оказалась в нижнем жилом помещении по правому борту. Каюта маленькая, которую так и не успели переделать. Поэтому и шкапик, и умывальник и койка – все японское. Один маленький иллюминатор и тот так низко над ватерлинией, что на ходу его открывать было нельзя, да и на рейде его можно было держать открытым лишь в тихую погоду.

Зато меня приятно поразил состав кают-компании и команды.

Все вахтенные начальники были из прекрасных офицеров гвардейского экипажа. Вахтенные офицеры частью тоже из офицеров гвардейского экипажа, частью прикомандированные к нему.

Команда казалась прямо гигантами, после сравнительно малорослых матросов «Чесмы». Громадные люди, с красивыми чистыми лицами, с георгиевскими ленточками на фуражках, с золотой надписью – «Варяг», хорошо одетые, дисциплинированные, производили отличное впечатление. В кают-компании на переборке, был помещен большой портрет Августейшего Шефа Гвардейского Экипажа Е. И. В. Вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны. На корабле уже был сформирован прекрасный хор песенников и балалаечников, причем в число песенников вошло несколько юнг[15], которые своими еще детскими звонкими голосами очень украшали этот хор.

---

[15] Юнга – малолетний матрос: в Гвардейском Экипаже была специальная школа для детей матросов этого экипажа. Питомцы этой школы еще в юном возрасте плавали на судах экипажа.

Только что я успел разложиться в своей каютке, и наскоро осмотреть корабль, как наверху раздалась команда: «унтер-офицеры к люкам. Все наверх, с якоря сниматься».

Топот ног и трели дудок, показали, что пора выходить на свое место наверх.

Обычная картина съемки с якоря. Команды: – «пошел шпиль», «караул наверх». Наконец, последняя связь с родной землей порвана – «стал якорь» и затем: «чист якорь».

«Чесма» держит шары на «малый ход», «Варяг» ложится ей в кильватер. «Шары долой»; оба корабля направляются к выходу из Золотого Рога...

В отличие от обыкновенных выходов в море, команда на палубе, молча без приказаний обнажает головы, люди крестятся, смотря на виднеющиеся в городе купола церквей и на горящие на них золоченые кресты.

Прощай Россия! Увидим ли мы тебя, и когда? Это было 18-го июня ст. стиля 1916 года в 2 часа дня.

«Чесма» прибавила ход. Крики «ура», толпы провожающей нас и чернеющей на берегу, уже не слышны. Мы проходим Русский Остров. Вот виден бедный «Пересвет». Адмирал ложится на курс, ведущий возможно ближе к нему. На палубе «Пересвета» офицеры и команда поставлены во фронт. С «Чесмы» слышны звуки марша, который играет духовой оркестр. У нас на «Варяге» оркестра нет и наша команда готовится проститься с «Пересветом» криками «ура». С «Чесмы» слабо доносится голос адмирала, крикнувшего в мегафон. «До скорого свидания молодцы. Бог на помощь!» и по морю прокатился дружный ответ команды «Пересвета»: – «Покорно благодарим Ваше Превосходительство». «Счастливо оставаться Ваше Превосходительство». Затем громовое «ура», слившееся с криками «ура» с «Варяга» и «Чесмы».

Какая странная русская душа. Всего только несколькр месяцев, что Отряд был вместе. Люди еще совсем не привыкли

друг к другу, но смотря на команду «Варяга» я заметил, как при проходе мимо «Пересвета» у многих на глазах были слезы; многие быстро, точно стыдясь, крестили его. Казалось, будто люди предчувствовали трагическую судьбу этого корабля[16]. Видно было как им тяжело покидать соплавателя в тяжелую минуту. Те же чувства охватили и офицеров, которые как более выдержанные, только хмуро молчали, смотря печальными глазами на остающийся за кормою «Пересвет» около которого копошились буксирные пароходы, стояли шаланды и работали водолазы.

Авария Пересвета

Крики «ура» с «Пересвета» замолкли. Мы уже отошли далеко; вот и открытый океан. Тихая зыбь катится нам на встречу. Точно синяя скатерть развернулась перед кораблями. На «Чесме» взвился сигнал: – «Адмирал показывает курс», и затем: «эскадренный ход 12-ть узлов». Мы идем на середину Корейского пролива.

---

[16] «Пересвет», догоняя Отряд погиб на мине у порт-Санда 4-го Января 1917 года.

Рейд Гонконга

«Чесма» и «Варяг» в Гонконге

Жизнь на «Варяге» вступила в обычную колею. По части артиллерийской мы сразу начали приводить все в боевое состояние. Старший артиллерийский офицер все время занимается с артиллерийскими унтер-офицерами и комендорами-наводчиками управлением огнем и наводкой орудий на великолепном, новейшем приборе системы профессора Крылова, присланном нам из Петрограда.

Китайская джонка

Плутонговые командиры, все свободное время, в кают-компании упражняются в управлении огнем на приборе лейтенанта Длусского – тоже одно из гениальнейших русских изобретений.

На мою долю выпали бомбовые и патронные погреба, подача и приборы управления артиллерийским огнем.

Самым ответственным делом, в условиях тропического плавания, были, конечно, погреба и поэтому я все первые дни похода употребил на то, чтобы разобраться в них, изучить их в совершенстве и обучить всему, что требуется «хозяев погребов»[17].

Японское море прошли почти при полном штиле. Становилось все более и более жарко. Офицеры и команда во всем белом у офицеров на головах тропическия каски.

Вот и Корейский пролив. Мы идем восточным каналом и приближаемся к тому месту, где 14-го мая 1905 года произошел Цусимский бой. Здесь геройски погибли броненосцы:

[17] Хозяином погреба называется заведующий им матрос, выбираемый из лучших матросов 1-ой статьи.

«Князь Суворов», «Ослябя», «Император Александр III», «Бородино», «Наварин» и другие суда 2-й Тихоокеанской Эскадры. Подходя к месту боя, «Варяг» и «Чесма» подымают момолитвенные флаги. Начинается панихида; у нас на «Варяге» богослужение состоялось на юте.

Роскошный солнечный день. Спокойное синее море. Плотной группой стоят офицеры. Тесными рядами окружает аналой вся свободная от службы команда, – несколько сот человек. Все с обнаженными головами. В черной фелони служит наш судовой батюшка иеромонах о. Антоний. Среди полной тишины раздается его голос: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков»... и по всей палубе минорным напевом несется ответ нашего прекрасного хора: «Аминь». В самую душу проникают божественные слова Ектении: – «О приснопамятных рабех Божиих, вождях и воинах во брани, на месте сем за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и в море погибших. Покоя, тишины, блаженные памяти их Господу помолимся»... Сотни людей осеняют себя крестным знамением, и скорбно звучит над «Варягом»... ...«Господи помилуй»... Ему, нашему кораблю, уже знакомы давно эти печальные звуки, эта грусть по убитым и погибшим соратникам. Он сам в Русско-Японскую войну, недалеко от тех мест, где мы проходим сейчас, испытал жестокий кровавый бой и сам был на дне морском.

Нигде панихида не может, произвести такого впечатления, как в море, на месте морского боя. Так было и при этой панихиде.

К моменту, когда певчие начали петь: – «Со святыми упокой» на ясном, безоблачном небе появились облака, мелкой сеткою окутал все кругом дождь, завыл ветер, застонали снасти... на нас налетел шквал с дождем… Прошло четверть часа... и снова кругом полная тишина и яркое жгучее солнце быстро просушивает слезы, пролившиеся с неба.

Панихида окончена. «На молитвенный флаг. Молитвенный флаг спустить», командует вахтенный начальник с передняго мостика. «Варяг» идя в кильватер «Чесмы» продолжает свой путь на юг. Вот и Восточно-Китайское море. Наш курс ведет в середину Фукиенского пролива между Формозой и Азиатским материком.

26-го июня 1916 года Отряд пришел в Гонконг. Мы в тропиках. Солнце печет невыносимо. Люди утомлены долгим походом. Между тем надо сейчас же грузиться углем и возможно скорей итти дальше.

Пока шли переговоры ревизоров с поставщиками о доставке угля, адмирал разрешил офицерам и командам съехать на берег. Всем было чрезвычайно интересно познакомиться с этой первой британской колонией на нашем пути.

Гонконг был приобретен англичанами в 1841 году. Во время нашего там пребывания в 1916 году – это был большой культурный город, с громадным торговым оборотом. Естественные условия прекрасной бухты еще более облегчили англичанам устроить здесь великолепный порт. Однако дыхание Европейской войны, сказывалось сильно, и чувствовалось, что торговля замерла.

По случаю войны мы съезжали на берег в форме, а не в статском платье, как полагается в мирное время. Англичане встречали нас, как союзников, очень ласково и приветливо. Мы получали и в одиночку и все вместе приглашения в клубы, в собрания, на концерты и тип. Всюду слышались звуки гимнов «Боже Царя Храни» и «God save the King».

Доставка нам угля несколько задержалась. Наконец, к «Варягу» и «Чесме» подвели баржи и начался «угольный ад». Хотя, благодаря тропической жаре, адмирал решил, чтобы грузили береговые грузчики-туземцы, но все же и офицерам и команде, для организации работы, приходилось участвовать лично. Благодаря этому многие из нас заболели,

не приспособившись достаточно быстро к непривычным тропическим условиям, при повышенной духоте и влажности. В число таких больных попал и я.

Пока наши корабли, почистившись после погрузки, красились в светло-серо-стальной цвет, командир отправил меня отлеживаться в «Peak Hotel» на горе Виктория. Там климат гораздо прохладнее, чем внизу в бухте.

Поехал я туда на подъемной железной дороге вечером 4-го июля; взял себе маленькую комнатку с прекрасным видом «на горы и на раскинувшуюся под ногами внизу бухту и уже на другой день почувствовал, что быстро поправляюсь.

6-го июля, перед заходом солнца, в дверь моей комнаты постучали. Оказалось наши варяжские песенники и балалаечники in corpore пришли меня проведать. Радостно приветствуя меня, они наперерыв начали рассказывать, как сейчас играли на самой вершине горы во дворце у «аглицкого» губернатора на «five o’clock tea».

«Ну и чудные люди англичане ваше высокоблагородие», захлебываясь говорил мне первый запевало, и фактический регент хора, матрос 1-й статьи Дышкант. «Мы им сыграли «Комара, а они, как развеселятся, как закричат все, как захлопают... Меня аж вызвали к самому губернатору. Я это стою перед им, смотрю значит прямо в глаза» тянусь, а он значит мне ручку подал, «вери гуд» говорит, «спландид».

На самом деле «командиром» наших песенников был младший боцман Трофимыч. Детина в сажень ростом, с черными усами. Тип лихого унтер-офицера Гвардейского Экипажа. В музыке он ровно ничего не понимал, но был назначен на эту должность «для порядку» и благодаря этому имел в руках дирижерскую палочку, которую важно держал у правого колена, сидя в стороне, во время исполнения хором программы и бросая грозные, начальнические взоры в сторону своих подчиненных.

Песенники упрашивали разрешить им поиграть для меня. Сомневаясь, что это возможно в строгом, чинном отеле, я вызвал «менеджера». Последний, к моему удивлению, с восторгом заявил, что это будет лучшим сюрпризом для его клиентов к сегодняшнему обеду.

Вечером ко мне приехало несколько моих соплавателей с «Варяга», и я заказал соответствующее число приборов за своим столик. Когда мы вошли в столовую, многие столики уже были заняты. Дамы в вечерних туалетах, мужчины в тропических белых смокингах. Все приветствовали нас вежливым поклоном. Обед начался как обычно в этом тихом горном отеле.

Но вот индус-слуга, с тюрбаном на голове, раскрыл настежь двери, и в коридоре послышалась зычная команда: «Песенники прямо». В зале появился Трофимыч, и затем, рядами по два вошли песенники и балалаечники, держа по уставу инструменты у правого бедра. Впереди шли маленькие юнги дисканты и альты, затем тенора, баритоны и громадные верзилы – басы и октавы. Все они были в белых форменках, белых брюках и в желтых туфлях. Рукава форменок были завернуты выше локтя, нижняя часть руки плотно облегалась красивой полосатой тельняшкой[18]. Трофимыч провел свое «войско» бодрым гвардейским шагом к эстраде.

Они представляли эффектное зрелище в этом европейско-азиатском зале среди англичан, слуг индусов и китайских боев.

Публика – англичане не выразили внешне никакого изумления. Только некоторые с интересом прислушались, когда балалаечники заиграли вступительный марш. Также сравнительно спокойно прошли еще несколько русских романсов и отрывков из русских опер. Так длилось примерно до середи-

---

[18] Матроская фуфайка с белыми и синими полосами.

ны обеда, когда Дышкант решил присоединить к балалаечникам хор песенников.

Выступив вперед, он красивым тенором запел:

«Как ныне сбирается Вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам».

По залу пронесся раскатистый удар бубна, в оркестре раздались свист и гиканье и хор дружно подхватил:

«Так громче музыка играй победу,
Мы победили и враг бежит.
Так за Царя, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое ура! ура! ура!
Так за Царя, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое ура! ура! ура!»

Звонкие, как колокольчики, дисканты, редко выделялись в этом могучем «ура», придавая ему особую прелесть.

В зале все ожило. Мужчины, вскочив со своих мест, бросились к эстраде; дамы с волнением смотрели туда же; слышались возгласы: «beautiful! splendid!»

А Дышкант, заливаясь, соловьем пел дальше:

«Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник.
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник»...

Певец смолк. Англичане, казалось, ждали продолжения... но в этот момент неожиданно во весь свой громадный рост медленно поднялся Трофимыч. Грозно вращая глазами, он

раскатисто, на весь зал, по боцмански рявкнул: «Здорово кудесник!» И дружно в ответ прогремело с эстрады: – «Здравия желаю Ваше Сиятельство»... Опять бубен и снова залихватская песня:

«Так громче музыка играй победу и т. д.»...

Настроение в зал подымалось с каждым куплетом и дошло до своего апогея, когда по окончании песни, старший из нас, встав крикнул:

«Спасибо молодцы песенники!»

«Рады стараться ваше высокоблагородие», и вслед затем опять:

«Так громче музыка играй победу и т. д...»

Чествование песенников превратилось в манифестацию в честь России. Все жали им руки. К нашему столику подбегали, прося разрешения послать им денег и шампанского. От денег песенники сами наотрез отказались. Мы же просили, чтобы им дали возможно меньше вина, и поблагодарили за предложенный для них обед.

В зале появился большой стол, на котором заботливый «менаджер» успел расставить Русские и Английские Флаги. Присутствующие леди и джентльмены наперерыв старались угощать Трофимыча и его хор.

После обеда опять начались песни, до последняго поезда, с которым уехали в Гонконг бывшие у меня в гостях офицеры, с ними же отправились и песенники. Все обитатели тихого отеля провожали уходящий поезд громкими аплодисментами.

Рано утром 7-го июля 1916 года я вернулся на «Варяг».

Сегодня в 12-ть часов дня назначена съемка с якоря. Мы уходим в Сингапур.

Русь

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной
Развернулася.

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей – стола,
Меча – недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,-
Громких подвигов?

Уж и есть за что,
Русь могучая.
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову.

И. Никитин

Гонконг-Сингапур

Вы уже много слышали от меня, мои читатели, о «Варяге», но не пришлось нам еще поговорить о том, откуда берется та сила, которая движет корабль. Между тем для такого крейсера, как «Варяг», требовалось примерно 20.000 лошадиных сил, чтобы дать ему скорость в 23 узла.

Полный запас угля на «Варяге» был равен 1300 тонн. Сжигая этот уголь в топках котлов, крейсер получал те лошадиные силы, которые двигали его машины.

В то время паровые котлы на судах, были двух основных типов: огнетрубные и водотрубные.

В котлах первого типа раскаленные газы от сжигаемого угля, проходили по дымогарным трубкам. Эти последние окруженные наполняющей котел водой, нагревали ее до нужной температуры.

В водотрубных котлах, вода циркулировала по трубкам, которые находились среди раскаленных газов, под влиянием последних, вода в верхней части трубок переходила в пар, и скоплялась, в так называемом, паровом коллекторе.

Для военных судов водотрубные котлы представляли больше удобств, чем огнетрубные. В них можно было получать большее количество пара, и более высокого давления. Поднять пары в водотрубных котлах можно гораздо скорее, чем в огнетрубных, что в боевом отношение чрезвычайно важно. Водотрубные котлы легче, чем огнетрубные, и благодаря расположению водогрейных трубок по секциям, в случае повреждения одной трубки, выводится из строя только одна секция, а не весь котел.

Однако, в то время, когда строился «Варяг» техника водотрубных котлов еще не стояла на достаточной высоте.

На «Варяге» были установлены водотрубные котлы системы Никлосса, первоначального типа, и они являлись слабым местом этого крейсера.

Едва он вступил в строй (спущен в 1899 году), как выяснилось, что он никогда не сможет развить ту скорость, которую дал на мерной миле 24,6 узла.

Когда мы приняли его обратно от японцев (в 1915 году), считалось, что крейсер может развить 20-ть узлов, но при условии полной чистоты водогрейных трубок, и при наличии угля высшего качества.

При пробе машин во Владивостоке, перед нашим уходом, «Варяг» доводил скорость до 1617 узлов. Во время похода эскадренный ход был 12-ть узлов.

7-го июля 1916 года, в 12 часов дня «Варяг» и «Чесма» снялись с якоря и, имея головной «Чесму», вышли из Гонконга в Южно-Китайское море.

Берега скрылись из вида. Знаменитая метеорологическая обсерваторий отцев иезуитов в Зикавее около Шанхая, называемая у нас в шутку – «тайфун-ный пугач», давала по радиотелеграфу самые успокоительные сведения.

Страшный в этих морях тайфун нам не грозил.

Море было как зеркало... Тропическое солнце жгло невыносимо.

На «Варяге», до наступления вечера, шли обычные работы и учения. Мне на этом переходе пришлось заняться специально приборами управления артиллерийским огнем. Они у нас были старого типа, системы Гейслера. К требованиям, предъявляемым в то время, они в сущности совершенно не подходили. К тому же у нас не было ни их чертежей, ни описания, ни схемы проводки.

Собрав всех гальванерных-унтер офицеров[19] я начал с ними систематически исследовать всю проводку этих приборов, начиная от трансформаторной станции; решил произвести полную разборку одного комплекта этих приборов, перебрать все распределительные коробки и, наконец, составить схемы и описание всей системы приборов. Эта работа, по моим предположениям, должна была как раз занять одну неделю в течение которой мы совершим переход Гонконг – Сингапур.

Выполнив в первый день намеченную часть работы, я распростился с моими гальванерными унтер офицерами, со-

---

[19] Гальванерные унтер-офицеры и гальванеры, состоят в артиллерийской специальности и ведаютъ всемъ, что касается обслуживания артиллерии электричеством, (приборы управления арт. огнем, цриборы для действия артиллерией, трансформаторы, т. е. приборы перерабатывающие судовой ток в ток слабого вольтажа в 30-ть вольт, исправление во время боя повреждений проводки, и т. п.

бравшимися на баке «покалякать» у фитиля, а сам прошел на ют, где с наслаждением растянулся на шезлонге, любуясь красотою спустившейся над нами южной тропической ночи.

Наши северные созвездия уходили от нас, все ниже спускаясь к горизонту. Полярная Звезда, как маяк горящий на милом севере, стояла всего градусов на 20-ть выше горизонта. А с юга, блистающим алмазным хороводом, подымались новые для нас созвездия южного неба. Тихо было кругом, как в храме, и лишь глухой стук машин, точно биение огромного сердца, нарушал эту тишину, сливаясь гармонически с нею. В такие минуты действительно казалось, что «Варяг» живое существо, что у него своя, отличная от других кораблей, душа, а мы – офицеры и команда, лишь маленькие клетки в его теле.

Мне и моему близкому другу старшему артиллеристу лейтенанту В. Г. Гессе, не хотелось в эту ночь спускаться в душные каюты, и мы устроились спать рядышком, тут же на юте, прямо на палубе. Ночью стало холодно; мы плотно завернулись в одеяла и заснули так крепко, что нас едва растолкал утром наш вестовой:

«Вставайте ваше высокоблагородие; сейчас палубу будут скачивать. У нас беда, ваше высокоблагородие, людей обварило». Последние слова заставили нас вскочить немедленно:

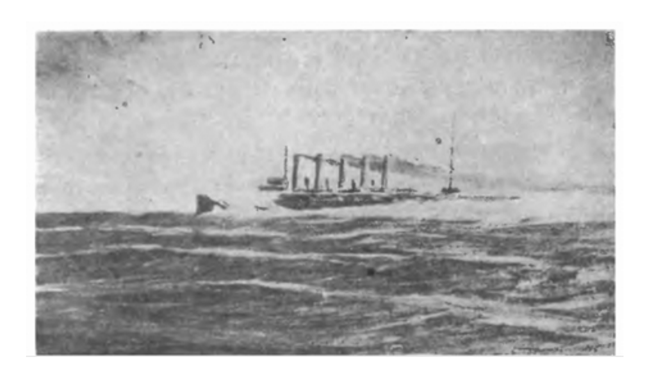
«Что ты врешь! Кого обварило?»

Оказалось, в 6-ть часов, утра лопнула водогрей ная трубка в котле № 3.

Вырвавшийся пар, по конструкции котла, должен был бы автоматически захлопнуть дверцы топки. Однако, автоматическое приспособление не подействовало, и струя горячего пара с ревом вырвалась из топки, увлекая с собою горящий уголь, и обварила трех кочегаров. Из них, кочегара 2-й статьи Ивана Королева – тяжело.

Маленькое бортовое помещение в три иллюминатора, отведенное и приспособленное под лазарет на «Варяге», пред-

ставляло в это утро тяжелую картину. Дневальные, выставленные на корму и на нос, предупреждали, чтобы не было шума и громких разговоров, и никого не пропускали, кроме тех, кого непосредственно касалось дело ранения трех кочегаров. В белых халатах, судовой врач лейб-медик Востросаблин, и фельдшера спокойно накладывали повязки на ужасающего вида ожоги несчастных ошпаренных людей. Если простой ожог пальца, вызывает нестерпимую боль, то что же должен испытывать человек, у которого паром, обожжены руки, ноги и часть тела? Если более 75% кожи обожжено, то можно с уверенностью сказать, что выжить такой раненый не сможет.

Крейсер «Аскольд». Спущен в 1900 году. 5,905 тонн. 24,5 узла. 12–6 дм., 12–75 м/м., 8–47 м/м., 2 пулемета, 4 десантных пушки. Экипаж 573 человека.

Так, к сожалению, и было с жизнерадостным, молодым и прекрасным матросом Королевым.

Он, и его сотоварищи по несчастью были перевязаны, и превратились точно в куколок, завернутых в белую марлю и вату; благодаря принятым мерам их страшные боли немного утихли, и раненные, казалось, начали засыпать.

Однако, Иван Королев через некоторое время очнулся, стал мучительно стонать невыразимо страдая от боли; он

звал своих родных и ротного командира, который сидел все время у его изголовья и, точно ребенок, тянулся к доктору, умоляя как-нибудь облегчить страдания. Звал он и батюшку, который тоже был в лазарете.

Увы, все принятые меры не спасли беднягу.

Ожоги его тела были слишком ужасны, и в тот же день в 12 часов 30 минут дня он скончался. Перед кончиной, боли, как будто оставили его, и он слабой рукою осенил себя крестным знамением, непрестанно просил он «ротного» и бывшего около него, его близкого друга, кочегара «отписать» на родину, что мол оне свою «должность справлял, как следует» и, что никто не виноват в том, что он так пострадал. Со слезами на глазах вышли из лазарета те, кто был у смертного одра этого молодого матроса. Все на «Варяге» были потрясены его смертью.

Назначенные кочегары вместе с санитарами одели тело бедного Ивана Королева в новые «первосрочные» форменку, брюки и сапоги. Плотники в это время спешно отделывали большой деревянный крест, доски которого были шириною равной ширине плеч покойного.

Страшная жара не позволяла ждать прихода в Сингапур, и пришлось совершить погребение в открытом море.

Лишь только крест был сколочен, тело было положено на него, и крепко принайтовлено. Сверху оно было покрыто большим кормовым Андреевским флагом[20], к которому были пришиты фуражка покойного, и крест на крест, его штык и ножны к нему. В таком виде тело покойного было вынесено на шканцы, поставлено на возвышении головой к кормовому флагу и над ним, по очереди, до самого вечера кочегары читали Псалтир.

В конце каждой крестовины в проделанное отверстие было ввязано по «баластине» – чугунного груза весом по 3 пуда

---

[20] Андреевский флаг служнт покровом на гробе каждого офицера и матроса.

каждая. Эти четыре баластины должны были увлечь в пучину моря тело нашего почившего соратника.

Перед заходом солнца был поднят молитвенный флаг и начался: «Чин погребения мирских человек».

Команда повахтенно выстроена на правых и левых шканцах. Кочегары стоят прямо против возвышения с крестом гробом покойного. В ногах его поставлен аналой, одетый черными одеждами. Отец Иеромонах Антоний в черном облачении. Правее его хор певчих.

Все свободные от службы офицеры и командир стоят против кочегарной роты. Печальный обряд погребения предваряется словами батюшки: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». И далее начинается чин Парастаса, переходящий в бесподобные стихиры чина погребения: ...«вся персть, вся пепел, вся сень, но приидите возопиим Бессмертному Царю: Господи вечных Твоих благ сподоби представльшегося раба Твоего воина Иоанна, упокояя его в нестареющемся блаженстве Твоем».

Солнце медленно спускается к горизонту, заливая ярким заревом пожара небосвод и зеркальное море. Кончается чин погребения...

Еще краткая панихида. Трогательный возглас батюшки, такой яркий, здесь, в открытом море, где кажется всем существом своим ощущаешь реальность вечности: «во блаженном успении верный покой подаждь Господи, усопшему рабу Твоему воину Иоанну и сотвори ему вечную память»... красивое, вдохновенное пение: «Вечная память»...

Окончилось прощание с покойником.

Откинутая над его лицом и руками, часть Андреевского флага, закинута обратно.

Крест с телом подымают инженер-механики и кочегары. Впереди идут певчие поющие: «Святый Боже», сзади командир и офицеры.

Процессия двигается со шканец на левый шкафут мимо второй вахты, затем на бак, оттуда по правому шкафуту мимо первой вахты и возвращается обратно на шканцы.

Там приготовлены с правого борта тали. Без свистков и команд, закладывается строп и оттяжка. Крест с телом покойного, закрытым Андреевским флагом, высоко поднимается над палубой, шлюп-балка медленно поворачивается. Начинают травить тали...

В этот момент «Варяг» и «Чесма» стопорят машины. Диск солнца скрывается за горизонтом. Еще видна красная, как капля крови точка... исчезла и она....

«Салют!» раздается команда с мостика. Оглушительный удар пушечного выстрела. Гак талей выдернут оттяжкой из стропа, и крест с телом медленно начинает уходить в бездонную синеву моря...

«Варяг», точно мать, потерявшая ребенка, не может оторваться от того места, где осталась могила, и медленно начинает описывать круг, в центре, которого еще видно, что-то белое, скрывающееся под прозрачной синевой. Батюшка высоко поднятым крестом осеняет место, где море поглотило, увлекаемый баластинами, крест с телом.

С «Чесмы» слышны звуки оркестра, играющего «Коль Славен наш Господь в Сионе». Наш хор и вся команда подхватывает дивный мотив и слова этого неподражаемого церковного гимна:

«Не может изъяснить язык.
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Везде Господь, везде Ты славен.
Во дни, в нощи сияньем равен»...

Старший штурманский офицер на мостике красными чернилами наносит на карте крестик, который обозначает точно место погребения. Кормовые флаги спущены.

«Караул вниз. Команде разойтись». Оба корабля опять идут со скоростью 12-ти узлов, имея курс на Сингапур.

По приходе туда, немедленно через наше консульство будет отправлен родным покойного в далекую Россию его послужной список, выписка из вахтенного журнала о кончине и погребении в море, широта и долгота места погребения с кусочком кальки, на которой сняты кроки с карты с крестиком, указывающим это место, и все собственные вещи покойного.

13 го июля 1916 года в 10-ть часов утра, «Варяг» и «Чесма» пришли в Сингапур н стали на якорь.

Мы всего в 1½ градусах к северу от экватора. Совсем недалеко от нас такия сказочные места, как острова: Борнео, Суматра, Целебес и окружающия их моря, кишащие богатой жизнью.

После нас на рейд пришли японские крейсеры «Тоне» и «Акаши».

На «Варяге», появились продавцы экзотических вещей: раковин, жемчужин, драгоценных камней и т. д.

Особенно нас занимали торговцы драгоценными камнями. «Вери гуд сапфайр», кричит один из них. «Необделка файв рупи», вторит ему другой. Один из наших матросов наступил ногой на такую «необделку». Она рассыпалась на мелкие куски – оказалось стекло.

Через два дня назначена погрузка угля. Предстоит громадный переход в Коломбо на острове Цейлон. Пока же офицерам и команде разрешено съезжать на берег и отдохнуть от тяжелого похода.

Здесь нам пришлось увидеть и любоваться тропической растительностью в ее естественном виде. Огромные пальмы, папортники, лианы. Все это к сожалению пришлось видеть только в парках, ибо времени уехать куда бы то ни было из Сингапура не было. А фантазия невольно влекла нас на Суматру или в самые гущи джунглей. Хотелось видеть дикую

природу в тропическом лесу. Судя по продаваемым и предлагаемым нам повсюду шкуркам райских птиц, живым попугаям, обезьянам, эта жизнь в гуще тропического леса должна была быть удивительно интересной. Но мечты так и остались мечтами, и только чтение книг, описывающих эти роскошные места, могло нам восполнить недостаток того, что хотелось бы видеть лично.

Фруктовая лавка

В Сингапуре

Тропический лес

Безумная духота, угольная пыль и грязь при погрузке угля, измучила, как всегда, всех. После того, как был принят полный запас угля, корабль почистился, и адмирал дал команде и офицерам возможность побывать на берегу, но без права выезда из Сингапура. Быстро пролетели остающиеся дни отдыха. День похода назначен. Мы скоро будем в Индийском океане.

Фрегат

(Романс)

Тишины и спокойствия полный,
Вдаль фрегат наш куда-то спешит,
Не шумят говорливые волны,
Лишь машина чуть слышно стучит.

В этой тихой и сумрачной ночи,
В этой тихой и сумрачной мгле
Снятся мне твои дивные очи,
И душа замирает во мне.

А ночь так тиха и прекрасна
И за бортом вода не шумит,
Лишь виднеется берег неясно,
Да машина чуть слышно стучит.

(Автор неизвестен)

Индийский Океан

Сингапур – Коломбо

19-го июля 1916 года в 10 часов утра «Чесма» и «Варяг» вышли из Сингапура.

Мы идем серединой Малакского пролива. Видны берега о-ва Суматры. В бинокль можно рассмотреть рощи пальм; еще дальше синеющия горы. Позади остается та интереснейшая часть Тихого океана, где точно чьей-то гигантской рукой брошены, как горсть камней, острова: Суматра, Ява, Тимор, Молукские, Целебес, Борнео и Филлипины. Среди них, точно дробь, насыпаны сотни маленьких островков. Между большими островами заключены большие пространства океана, образующие внутренние моря: Яванское, Флорес, Тимор, Банда, Целебес.

Именно в этой области Тихого Океана, изобилующей очень развитой жизнью как царства рыб, так и водорослей и молюсков, как полагают, можно искать присутствие полулегендарных чудовищ «морских змей».

Каждое столетие различные мореплаватели наблюдали этих чудовищ, причем большинство описывает их похожими на допотопных плезиозавров с длинной шеей, на которой посажена маленькая змеиная голова.

Среди баснословных описаний этих гигантов, имеются несколько весьма серьезных и среди них донесение командира одной французской канонерской лодки, встретившей в середине XIX-го столетия подобное чудище. Эта канонерская лодка даже обстреляла «чудовищного дракона» из своих орудий, но при первом же «накрытии» животное нырнуло под воду и больше не показывалось.

В последнее время довольно часты сведения о появлении этих морских чудовищ. Так в 1898 году французская канонер-

ская лодка «Avalanche» встретила подобное животное у берегов Индо-Китая. Его длина была определена на глаз в 75 фут. Это животное ученые назвали «мегафиас» (Megaphias).

В 1904 году, близ Аляски, тоже было замечено чудовище неизвестного вида, очень большого размера. В 1905 году подобное же животное видели у Гайфонга (Индо-Китай). В том же 1905 году в Атлантическом океане к югу от экватора английский пароход видел огромное морское животное, похожее, по его описанию, на бочку. В 1906 году году такое же животное было замечено около Донегала, вызвав страшный испуг среди рыбаков. В 1913 году вахтенный начальник английского парохода «Коринфия» увидел в Атлантическом океане подобное же животное и даже определил, что глаза его голубые, голова ужасного вида, тело желтое. Животное перед тем, как нырнуть, издало звук похожий на крик ребенка.

30-го июня 1915 года командир германской подводной лодки капитан-лейтенант фон Форстнер утопил в Атлантическом океане английский пароход «Иберия». По его словам, когда пароход погрузился в воду, на нем раздался сильный взрыв (видимо взорвались котлы) и этим взрывом на поверхность воды было выброшено неведомое морское чудовище длиною примерно в 60 фут. Ни командир подводной лодки, ни несколько человек ее экипажа, видевшие это животное, не успели его сфотографировать, ибо оно через очень короткое время пошло ко дну.

На основании всех этих наблюдений создалось предположение, что может быть, действительно, не большое количество экземпляров допотопных, морских чудовищ еще не вымерло, и обитают в наше время в пустынях океанов и в частности в Тихом Океане, откуда они по временам заходят в море Целебес и в соседние с ним моря, где находят богатую пищу.

Наши корабли бывали редко в этих местах. Плавание на Восток, и обратно, дает возможность только приблизиться к

ним в районе Сингапура. Но в былое время, при Императоре Александре I-м Благословенном, в Южные моря была отправлена экспедиция контр-адмирала Ф. Ф. Белинсгаузена, сделавшая много интересных открытий. Из русских путешественников по островам Океании получил всемирную известность Миклуха Маклай, родной брат кап. I ранга Владимира Николаевича Миклухи-Маклай, командира броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков», геройски погибшего в Цусимском бою 15-го мая 1905 года.

Для нас на «Варяге» не менее интересно было чтение книг, описывающих животное и растительное царство на этих роскошных островах. Особенно увлекала нас жизнь человекообразных обезьян орангутанг, что значит по малайски «лесной человекъ».

Жители Борнео считают, что орангутанг нарочно не желает говорить, чтобы его не заставили работать.

Мне вспоминается книжка, какого-то немецкого ученого, где высказывается предположение, что человеческие расы происходят все от первобытного человека, но впоследствии они стали отличаться по цвету кожи и по своему умственному развитию потому что часть их смешалась с человекообразными обезьянами. По этой гипотезе, белая раса происходит непосредственно от первобытного человека. Желтая от смешения с орангутангами, а черная от смешения с гориллами.

Идя на «Варяге», вблизи этих мест, мне вспомнился далекий Санкт-Петербург... Мы кадеты одной из младших рот Морского Корпуса... Великий Пост... наша рота говеет... Красивая Церковь нашего Корпуса, стены которой убраны мраморными досками: черными, на которых золотыми буквами выгравированы имена питомцев Корпуса, убитых в боях и серыми, на которых занесены имена погибших при кораблекрушениях.

Во время длинных великопостных служб, я вижу себя стоящим у правой стены в нашем храме, в общем строю нашей роты; на пятой черной доске этой стены я прочел следующую надпись: «16-го апреля 1826 года со шлюпа «Кроткий» Мичман Адольф фон Дейбнер убит и съеден дикими на острове Нукагива».

В такие минуты особенно живо чувствуешь, какая великая вещь преемственность и традиции, которыми всегда отличался наш Морской Корпус. Мы знали, что где бы и при каких бы обстоятельствах не погиб питомец нашего Корпуса, имя его никогда не будет забыто, о нем всегда будут молиться в нашей церкви.

«Варяг», идя в кильватер «Чесмы», все ближе подходит к Индийскому океану, но вместо сказочных экземпляров подводного царства, мы видим за кормой только несколько плавников акул, которые, боясь шума винтов, неотступно следуют за нами на почтительном расстоянии. Мы вошли в широкую часть пролива. Пересекли 5-й градус северной широты, и легли на остров Рондо. Справа, вне нашей видимости, на берегу Малакского полуострова, лежит бухта Пуло-Пенанг, в которой 28-го октября 1914 года погиб крейсер «Жемчуг».

Находясь в составе союзных морских сил Тихого океана, под общим командованием британского вице-адмирала Джерам, «Жемчуг» получил предписание произвести разведку к югу от о-ва Формозы. Выполнив свою задачу, «Жемчуг» получил от адмирала Джерам приказание конвоировать союзные транспорты с войсками до выхода из Малакского пролива в Индийский океан. Эту задачу «Жемчуг» выполнял до 21-го сентября 1914 года. Затем он получил приказание адмирала обследовать район островов: Никобарских, Андаманских и Мергуи, после чего прибыть в Пуло-Пенанг.

Кончив свою работу, «Жемчут» пришел в Пуло-Пенаг 27-го октября 1914 года и стал на якорь. Рейд охранялся дозорными французскими миноносцами, все время держащимися в море, кроме того на берегу были разбросаны английские наблюдательные посты.

28-го октября 1914 года, около 5-ти часов утра, когда еще было темно, на рейд вошел 4-х трубный корабль. Дозорные миноносцы в море приняли его за один из английских легких крейсеров. Равным образом английские береговые наблюдательные пункты приняв его за своего, никого не предупредили о его входе на рейд. Не отвечая на опознательные сигналы, неизвестный крейсер полным ходом направился к «Жемчугу», стоявшему на якоре. На расстоянии примерно 200 метров входящий корабль положил руля. На «Жемчуге» вахтенный начальник и сигнальщики приняли его за один из английских крейсеров типа «Ярмут»[21].

---

[21] Вахтенный начальник на «Жемчуге», заметил «Эмден» когда тот входил на рейд, и в предрассветной мгле увидел только три трубы. Это сразу вызвало у него сомнение и он разбудил старшего офицера, каюта которого выходила на верхнюю палубу. Старший офицер на докладе вахтенного начальника, ответил, что «Эмден» ни в коем случае не рискнет забраться на рейд полный союзных судов и приказал пробитъ боевую тревогу лишь в случае, если корабль окажется действительно трехтрубным.

Через минуту вахтенный сигнальщик дол ожил, что корабль четырехтрубный. Это обстоятельство рассеяло сомнения. Боевая тревога не была пробита, и входящий корабль был принят за крейсер типа «Ярмут».

Это замечание необходимо, нбо по французским и немецким источникам на «Жемчуге» «все спало». На самом же деле «Жемчуг» единственный из союзных судов открыл огонь немедленно – англичане действительно проспали и не стреляли, а французское посыльное судно «d'Iberville» открыло огонь значительно позже.

Сразу образовавшийся крен от взрыва мины и быстрота всего совершившегося не дали возможности «Жемчугу» дать накрытие по «Эмдену» и последний ушел, не получив ни одного попадания.

Эта вставка написана мною со слов доктора Н. Н. Волховского, плававшего на судах Сибирской флотилии и слышавшего о гибели «Жемчуга» от очевидцев.

В этот момент вошедший крейсер дал по «Жемчугу» залп и выпустил мину, которая взорвалась в кормовой части «Жемчуга». Последний открыл огонь.

Враг оказался германским легким крейсером «Эмден», который, чтобы замаскировать себя, к своим трем трубам прибавил 4-ую фальшивую из парусины, что и сделало его похожим на крейсер типа «Ярмут». Пройдя вдоль борта «Жемчуга» – «Эмден», с расстояния 400 метров, выпустил по нему вторую мину, все время стреляя беглым огнем. Вторая мина тоже попала в «Жемчуг» и взорвалась против мостика, подняв столб воды высотою примерно в 150 метров. «Жемчуг» сломался пополам и через 10-15 секунд исчез под водою[22].

После этого «Эмденъ» дал полный ход, проскочил проход и, выйдя в море, утопил французский дозорный миноносец «Муске». Совершив это дело «Эмденъ» скрылся в океане и только впоследствии был растрелян окрло Кокосовых островов английским легким крейсером «Сидней».

Оставшиеся в живых офицеры и команда «Жемчуга» были подобраны шлюпками с союзных судов стоявших на рейде.

Погибший крейсер «Жемчуг», строился в Санкт-Петербурге на Металлургическом Заводе. Спущен на воду в 1903 году. Он имел 3100 тонн водоизмещения и развивал до 24 узлов хода. Вооружение его состояло из: VIII–120 м/м, IV–47 м/м и VI пулеметов.

Малакский пролив кончился. «Чесма» и «Варяг» вышли на простор Индийского океана.

Вдали справа появились синевато-лиловые силуэты Никобарских островов. Вершины их гор медленно скрываются за горизонтом и вокруг обоих кораблей уже не видно ничего, кроме голубого неба и темно-синего моря.

В океане могучая зыбь при полном безветрии. Качка «Варяга» мягкая и даже молодые матросы совсем не знакомые с

---

[22] «l'Emden» – ses croisieres et sa fin – Paul Ardont. – изд. 1920 года.

морем быстро с нею осваиваются. Очень мучит всех только жара.

Наступает 22-е июля по старому стилю, день памяти Святой Равноапостольной Марии Магдалины и Тезоименитства Августейшего Шефа Гвардейского Экипажа, Вдовствующей Государыни Императрицы Марии Феодоровны. По этому случаю на крейсере в этот день жизнь идет по праздничному росписанию. Так как качка не прекращается, то утром служится Обедница, а не Божественная Литургия, как бывает на якоре. После Богослужения совершается Молебен о здравии Августейшей Именинницы. Затем, командир провозглашает «ура» за Ее здравие и это «ура», подхваченное 500-ми человек команды «Варяга», переносит нас мысленно в милую Россию, где в этот же день в окопах на фронте наши собратья Кавалергарды и л.-гв. Кирасирский Ее Величества полк таким же могучим «ура» празднуют день Тезоименитства нашего общего с ними Шефа.

После отдыха команды, с вахты, дается дудка: «команде песни петь и веселиться». После чего, до ужина, на баке раздаются веселые русские песни» гром бубнов, звон треугольников, свист, гиканье. Лихие плясуны откалывают камаринского и трепака. Команда «шерочка с машерочкой» танцуют польку «Олечку», идут игры в «плитки», «бег в мешках» и т. д. Смотря на это зрелище кажется, что мы вовсе не в открытом океане, не в тропиках, а где-то в России. Удивителен контраст между шумом и гомоном на баке «Варяга» и ласковым рокотом иссине-черных валов могучего океана. Он точно шутя раскачивает крейсер на своей могучей груди. Чего, чего только не видел этот океан за многие века своего существования. Какую борьбу с могучими стихиями, какие страдания не испытывали на его поверхности многочисленные мореплаватели? На своих волнах он качал и утлые корабли арабов и жалкие суденышки малайцев. По нему же

пробирались в диковинные страны, движимые жаждой наживы и любопытством, португальцы адмирала Диего Лопез де Секвейра в XVI столетьи. Тут же шли на Восток голландцы, англичане, французы. Здесь, вопреки, казалось бы очевидной невозможности, перед лицом изумленного мира, совершила свой крестный путь к Цусиме в 1905 году 2-я Тихоокеанская эскадра под флагом генерал-адъютанта вице-адмирала З. П. Рождественского.

Много, видел на своем веку седой, суровый Индийский океан... но в этот день 22-го июля 1916 года, ему должно быть не хотелось обижать такую маленькую скорлупку, как наш «Варяг». Рокотание океана становилось все ласковее, все нежнее; зыбь все отложе, и к вечеру того же дня стало совсем тихо – мы идем точно по озеру.

Наступил вечер. Роскошный вечер, который можно видеть только в открытом море в тропиках. Ярким заревом горел закат. Со жгучим любопытством каждый из нас старался увидеть «зеленый луч», который, говорят, можно видеть в тропиках в момент заката. Яркие краски – смесь золота, пурпура, бронзы и синего сапфира, постепенно сменились серебряными тонами ночной картины океана, освещенного лучами луны. За кормою, точно широкая дорога, уходила до самого горизонта полоса взбитой нашими винтами пены. Тихая поверхность океана серебрилась, отражая лунные лучи, и казалось, будто между небом и морем дрожат и играют живые блестящия нити, движимые чьими-то невидимыми руками.

Невольно, всем существом ощущалась эта реальная живая красота Божьего мира, во всем его свободном, не испорченном человеком, величии.

Все успокоилось на корабле – командир и офицеры в ожидании ужина, расположились на юте, любуясь дивной картиной океана.

Кто развалился на шезлонге, кто сидит в глубоком соломенном кресле, купленном еще в Гонконге, кто ходит мерно по палубе, подходя иногда к кадке, где дымится «офицерский фитиль» и закуривает папиросу.

Хотя корабль на ходу, но все свободные от службы офицеры, сегодня за ужином, вместе с командиром справляют день Тезоименитства Августейшего Шефа своего экипажа. Проворные вестовые наладили на юте столы, накрыли их скатертями, расставили приборы и закуску. Знакомый нам Трофимыч успел пошептаться с заведующим кают-компанией о том, к какому часу потребуются песенники и балалаечники.

Наконец, старший офицер заявил, что просит командира и офицеров к «вину и ужинать». Батюшка благословил стол. После закуски, с обычной лихостью вышли на ют песенники и балалаечники, и здесь, вдали от России, они своими песнями перенесли нас домой, напомнив всю красоту, все величие нашей милой России.

Ужин кончается. Командир подымает чару за здравие Августейшего Шефа Гвардейского Экипажа. Громкое «ура» всех офицеров заглушает марш Гвардейского Экипажа, который играют наши балалаечники.

Поданы ликеры и кофе. Последние минуты ужина. Пора расходиться, а кругом такая волшебная картина, что иногда кажется, что давно спишь и что все это просто сон.

«Ну, песенники расходную». «Есть, ваше высокоблагородие». Вперед выступает наш маг и волшебник – Дышкант.

Обведя, как бы с презрением, глазами своих песенников он подымает обе руки и бросив их вниз срывает веселый напев:

«Летели кукушки
Через три избушки...»

Хор заливисто, с присвистом подхватывает дальнейшие слова:

«Ой, милая моя,
Кучерявая моя.
Браво, браво Катерина,
Браво душечка моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова.
Самовар, самовар, золотые чашки,
Приходи ко мне гулять в шелковой рубашке»

А кругом безбрежный океан; потоки серебристого света тысячами блесток играют на тихой, как масло поверхности воды. Не передаваемо красивы в такие минуты и в такой обстановке наши русские песни.

Красивый тенор Дышканта опять выделяется после свиста и звона хоровой песни:

«Как они летели,
Люди все глядели...»

Опять удар бубна и снова хор рассыпается удалою песнею:

«Ой милая моя,
Кучерявая моя и т. д...»

Командир и офицеры задумались... заслушались. Кажется им, что сейчас они дома в России, что кончилась война, что Русь-Матушка, усилиями и страданиями лучших своих сынов, вышла на простор мировых океанов, сорвала с себя душащую ее повязку из Босфора и Дарданелл. Кажется, что вернулись войска наши победоносными, что братья наши

славяне южные и западные, свободны от векового гнета германской культуры. Кажется, что никогда за всю историю роль России не была так прекрасна, что благая цель будущей свободной славянской культуры, так близка к нам. Еще немного страданий и усилий и все будет хорошо. Так казалось, так жгуче хотелось, чтобы это было скорей. Но не того хотелось врагам России, они знали ее слабые стороны; знали наивность и малокультурность ее народа, и они в душу народную пустили яд отравы и заразили ее. Тогда же, на «Варяге», смотря на веселые лица, на горящие глаза наших песенников, разве могли мы думать, что наши мечты останутся мечтами, мы верили, мы почти знали, что победа близка и блестяща. Мы отсчитывали каждую милю, которая приближала нас к театру военных действий.

А звонкий тенор Дышканта, как бы подбодряя нас в наших мечтах, заливался:

«Люди все глядели,
Где кукушки сели...»

Свист, гомон и лихой хор снова гремитъ:

«Ой милая моя,
Кучерявая моя и т. д... »

Кончен куплет. Песенники замолкли. Пора расходиться спать...

«Спасибо, орлы песенники», раздается голос командира. «Рады стараться ваше высокородие». «По десять чарок[23] и

---

[23] Командир и офицеры имеют право для поощрения даватъ команде за свой счет «чарки». Жалованная чарка может выпиваться, при условии, чтобы матрос выпил не более двух чарок в день, считая и казенную. Обычно жалованные чарки выдаются деньгами.

спать». «Покорно благодарим ваше высокородие». «Песенники напра-во; шаго-ом м-арш», рычит Трофимч.

Попав под левую ногу, наш виртуоз Дышкант вновь залился своим грудным тенором:

«Как у нас на крейсере
Службица хорошая».

И по всему кораблю прокатывается та же лихая песня:

«Ой милая моя,
Кучерявая моя и т.д.»

Уже со шкафута слышен удаляющийся голос:

«Службица хорошая,
Командир удалый.
Ой милая моя и т.д.»

Совсем замирает вдали:

«Командир удалый,
Офицеры бравые.
Ой милая моя,
Кучерявая моя и т.д.»

И совсем заглушенно, откуда то с бака, ветерок доносит еще: –

«Офицеры бравые,
Боцманы лихие.
Ой милая моя и т. д.»

«Удивительно музыкален наш хор», говорит командир.

Много пришлось мне бывать, с тех пор среди иностранцев, много пришлось слышать песен у других народов, но такой широты, такой музыкальности, такой задушевной красоты песен, как у нашего народа, я нигде не слыхал. Великий писатель Русской земли И. С. Тургенев, любуясь красотами русского языка, сказал, что такой язык может быть дан только великому народу. Так хочется верить, что в наше безвременье, русская песня, ныне облетевшая весь мир, является для нас залогом того, что народ, создавший ее не может, не смеет погибнуть. Он еще должен сказать свое слово, должен выявить свою культуру.

Переносясь воспоминанием на «Варяг», я вижу группу моих соплавателей и друзей, расходящихся после этого ужина на отдых. Завтра рано вставать. Опять пойдут учения и занятия. Мы торопимся, чтобы подготовить нашу команду и себя к приходу в Средиземное море, где мы уже можем ожидать нападений подводных лодок, и может быть операций наших судов у Дарданелл совместно с союзниками.

Придя туда надо быть в боевом отношении вполне обученными и готовыми ко всему.

Большинство из нас, на переходах в тропиках, не могли спать в каютах, где было слишком душно. Обычно мы укладывались прямо на палубу на юте, и утром вставали вместе с командой.

Так было и после этого ужина. Офицеры на раскинутых матрасах спали на юте. На шкафутах, на баке всюду, где было свободное место, лежали на палубе, или были подвешены к бимсам койки команды, из которых доносился храп здоровых, бодрых людей. «Варяг», постукивая машинами, упорно буравил винтами море, идя, точно пришитый, в кильватер «Чесмы». Завтра утром вставать надо рано, опять начнутся занятия и учения.

Остальные дни перехода были использованы мною для обучения «прислуги подачи». Так как наши 6 дм. пушки мог-

ли делать 4 выстрела в минуту то требовалось, чтобы подача давала не менее 5 снарядов и патронов к каждой пушке в минуту. Между тем средства подачи у нас были очень устарелые. Старые, так называемые 10-ти пудовые беседки, с разбитыми от ветхости электромоторами, с трудом могли выполнять то, что требовалось; люди тоже были еше необучены.

Однако, постепенно эта часть наладилась и подача стала удовлетворительной.

Длинный переход до Коломбо начал надоедать всем. Обычно в наших книгах, описывающих морское плаванье, включается фраза: «Земля, земля, закричали матросы, и побежали по вантам». Кто и когда пустил эту фразу, комичную для морского уха, я не знаю? На самом же деле подход к берегам происходит гораздо менее заметно для всей команды, чем может подумать читатель, не бывавший никогда в море.

Так и в этот переход наш старший штурман задолго предупредил вахтенного начальника, когда и в каком направлении должен открыться берег. Зоркий сигнальщик, в свое время и раньше всех, заметил, что «над горизонтом будто гора показывает».

Через некоторое время, в кают-компанию, это было за завтраком, влетел вахтенный унтер-офицер и доложил старшему офицеру: «Ваше высокоблагородие. Прямо по носу открылась земля».

«Ура», раздалось на мичманском конце, и вслед затем молодежь запела веселенький куплет, напоминающий нам всем Троицкий театр в С.-Петербурге:

«Дует на море муссон
Да, муссон,
Да, муссон,
Попадает на Цейлон»
На Цейлон. Да!...»

Кто из нас тогда не слыхал эту песенку из пародии-шутки «Иванов Павел»?

После завтрака я вышел на верхнюю палубу.

Над горизонтом уже ясно виднелись горы острова Цейлон.

26-го июля 1916 гсда «Чесма» и «Варяг» вошли в порт Коломбо.

Десант на о. Цейлон

Остров Цейлон, на нашем пути, был самым интересным местом. Сколько таинственного можно встретить там! Какие захватывающие мистические книги прочли мы за это время об Индии, кусочком которой является этот остров!

Находясь вблизи южной оконечности Индии, Цейлон страдал гораздо менее, чем северные части Индии, от нашествия разных народов и в то же время он был с ними в общении. Маленькие островки точно соединяют его с материком. Цепь этих островов называется «Адамов мост».

В глубине острова высоко подымается гора «Адамов пик».

Природа Цейлона очень богата: пальмы, бамбуки, лианы, яркие цветы. Красочность природы невольно тянет в темные чащи тропического леса, но там таятся кобры и дикие звери. Англичане нам советовали, ни в коем случае в одиночку не удаляться вглубь острова, а если бы нам захотелось съездить в экскурсию, то непременно организовать ее сообща и через английския власти.

В справедливости этих советов мы убедились очень скоро. Как ни заманчиво смотреть на тропические леса, стоя на рейде или из окна вагона, в действительности оказывается, как только туда попадаешь и надо идти пешком, то для непривычных людей, какими были мы, даже маленькая прогулка в лесу непосильна. Надо и одежду выбрать соответствующую, и знать, какие опасности таятся в чаще (змеи, пауки, колючия растения). По словам англичан, внутри острова имеются со-

вершенно нетронутые первобытные места, где, кроме трудностей встречаемых в обычном лесу, имеются еще и дикие животные, как буйвол и тигр, борьба с которыми в одиночку и даже маленькой партией не под силу.

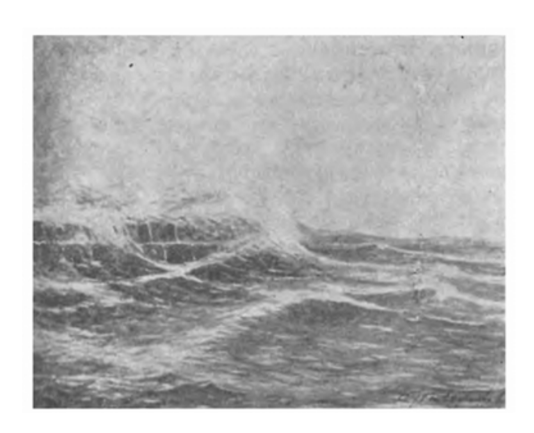
Адмирал решил дать нам отдых в Коломбо перед большим переходом в западную часть Индийского океана.

Это время каждый из нас старался распределить так, чтобы повидать возможно больше и возможно полнее ознакомиться с волшебным островом.

Часть из нас наметила поездку с англичанами на охоту на крокодилов, часть, в том числе и я, на осмотр памятников в Кенди, окружающие его леса и знаменитый ботанический парк «Парадения», где, по преданию туземцев, был рай.

Первые дни каждый из нас с увлечением читал все, что только можно было достать в городе или, что было у нас в судовой библиотеке, об Индии, о Цейлоне, об йогах, о буддизме, об арийцах. В кают-компании, где, за время нашего долгого плаванья, все больше было разговоров о плаваньи, о недостатках той или другой части нашего корабля, о стрельбе, о мореходной астрномии и т. д., во всех углах, в свободное время, можно было видеть офицеров читающих разнообразные книги. Этот с увлечением углубился в какой-то огромный том на английском языке, с массой рисунков – оказывается описание животного царства Индии и Цейлона и ряд интересных эпизодов из местной охотничьей жизни. Другой буквально глотает страницы зеленой книжки «Тертиум Органум» Успенского, трактующей о возможностях проникнуть в пространства высших измерений. Следующий читает книгу Блаватской – «В горах и дебрях Индостана». Тот «Мистическую Трилогию» Лодыженского («Сверхсознание», «Свет Незримый», «Мистика злой силы»). Всюду на столах валяются книжки Йога Рамачкарака: «Жнани Йога», «Хатха Йога» и т. д., на которые неодобрительно посматривает наш

батюшка Иеромонах о. Антоний. Батюшка уже бывал на Цейлоне и теперь сидит углубившись в книжку Джэка Лондона – «Белый клык», которую он читает по-английски. Батюшка прекрасно владеет английским языком и еще четырьмя как он говорит, «птичьми» языками (алеутским, индийских племен и т. п.).

Коломбо. Мол

О. Антоний был миссионером на Аляске, где имеется около 100.000 православных туземцев.

На Аляске он познакомился и подружился с Джеком Лондоном, с которым даже ездил вместе на собаках и по тем самым местам, которые так талантливо описаны в других рассказах этого писателя.

Видя увлечение офицеров мистикой: йогизмом, факирами, путями «неведомого» и т. д. батюшка посмеивался, и, поглаживая свою седеющую бороду, иногда говорил комунибудь: «Эх, молодежь, молодежь... как вы зачитываетесь всей этой литературой, а почему?... да лишь потому, что ею увлекаются заграницей, а между тем этот поток печатных трудов по окультным знаниям, воистину один из признаков грядущего пришествия во славе Господа Бога нашего... «ибо

восстанут лжехристы и лжепророки» ….. ведь я убежден, что никто из вас не только не читал, но даже и не слыхал о существовании, например, «Добротолюбия», где многое из того, что вы с таким увлечением читаете у Йога Рамачкарака, изложено гораздо полнее, гораздо глубже, а главное с великим духовным озарениеи, такими светочами и столпами веры Христовой, такими подвижниками, как преподобный Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Ефрем Сирин, Авва Дорофей, Антоний Великий, Иоанн Лественичник и многие другие».

Почти все мы действительно не только не читали, но многие из нас даже и не знали о существовании «Добротолюбия».

При съездах на берег, мы осматривали магазины с драгоценными камнями, нитками жемчугов, аквамаринами и т. д. Но все это было очень дорого. Базары города были завалены тропическими фруктами, но бананы, рангустаны, мангустаны уже так приелись при этой жаре, за время нашего плавания в тропиках, что теперь мы покупали лишь ананасы, да иногда кокосовые орехи. Вечера очень приятно было проводить в чопорном английском отеле на берегу моря. Там всегда было прохладно, ибо вентиляция помещений была прекрасная; там было изобилие льда и прохладительных напитков. Море шумом своим наполняло этот отель, а это так удивительно успокаивало нервы.

На «Варяг», как водится, приехал местный факир индус. Офицеры и команда крейсера уселись вокруг него. Он расстелил коврик и начал показывать свои чудеса. В общем они были, для нас офицеров, уже знакомы по многочисленным описаниям, но команда следила за факиром с чувством жгучего любопытства. Очень интересен был его опыт заклинания змей.

Открыв маленькую круглую плетеную корзиночку, он начал наигрывать на раскрашенной пестрыми красками

дудочке из тыквы. Странный, неприятный и в тоже время чарующий мотив. Из корзиночки показалась голова большой кобры (очковая змея), которая с горящими зеленым светом, злыми глазами, повернулась в сторону играющего смуглого факира; через минуту змея, покачиваясь в такт, вылезла вся из корзины и покорно поползла к ногам кудесника; останавливаясь, она подымалась на хвосте и раскачивалась, точно танцуя какой-то странный танец.

Был момент, когда кобра поползла не к факиру, а в толпу, сидящей на палубе команды. Факир спокойно взял ее за шею и спрятал в корзину. Казалось, что дудочка и горящий взгляд его, обращенный к змее, были скорее декорацией к этому сеансу. Сама же змея повидимому была обезврежена тем, что ядовитые зубы ее были вырваны.

Так по крайней мере показалось нам. А факир все продолжал играть на своей дудочке заунывную мелодию чарующей песни. В другой корзиночке послышалось шипение, крышка ее приподнялась и оттуда показалась маленькая кобра. Глаза ее горели страшной злобою и светились точно два крохотных изумруда. Факир спокойно продолжал играть, смотря на змею фиксирующим, тяжелым взглядом своих черных глаз. Кобра, точно под гнетом какой-то силы, медленно выползла из корзинки и поползла к нему. Но вот она остановилась, поднялась на хвосте, качнулась, и как бы приняв какое-то решение, резко повернулась и поползла прямо в толпу матросов, сидящих вокруг. Я увидел, что лицо факира стало серым, настолько он побледнел, продолжая упорно смотреть своими огненными глазами на ползущую змею. На лбу его появились крупные капли пота, звуки дудочки участились; не дойдя может быть пол аршина до группы матросов, кобра остановилась, медленно повернула голову в сторону факира. Глаза ее опять зажглись злобою; парашютик на шее раздулся и на нем ясно выступила фигура, похожая на

темные очки. Она медленно поднялась, опираясь на хвост. По губам факира пробежала торжествующая улыбка. Звуки дудочки стали медленнее, певучее. Кобра начала раскачиваться, не спуская своего взора с дудочки и затем, опустившись опять на палубу, поползла к ногам своего укротителя. Дав ей еще немного потанцевать, факир схватил ее за шею и бросил в корзину. В этом случае было несомненно, что эта маленькая змея действительно опасна и что укротитель в моменет, когда она поползла в сторону матросов, серьезно перепугался.

Когда факир уехал на берег, мы объяснили команде, что такое гипнотизм; наш доктор рассказал желающим, в достаточно понятном для матросов изложении, научные основы гипнотизма и магнетизма.

Однако не все матросы верили, что эти опыты факира вполне естественны и легко «объясняются наукой: многим казалось, что «без черта» тут не обойтись.

Забавляли нас в Коломбо еще так называемые «аламерщики». Эти туземцы плавали в воде, как рыбы и толпясь около кораблей на своих утлых лодченках, имея только повязку вокруг бедер, наполняли воздух криками: «ала мер, ала мер». От этих исковерканных фарнцузских, слов они были названы нашими матросами – «аламерщиками». Достаточно было кому-нибудь бросить за борт маленькую монетку, как такой «аламерщик» кидался в воду, нырял и затем выплывал, держа монету в зубах. Однажды, кто то произвел такой опыт: он бросил с правого борта серебряную рупию, «аламерщик» получив с палубы знак, что монета брошена, и будучи со своей лодкой на левом борту, нырнул под крейсер и выплыл с правого борта, держа рупию в зубах.

Много интересного пришлось увидеть при осмотре местного зоологического и этнографического музея. Хоть и кратко, но это дало нам картину местной природы, горных пород и истории этого острова.

На Цейлоне, кроме темнокожей, коренной индийско-цейлонской расы, живут сингалезы. Это племя пришло сюда, вероятно, с севера. Нас они поразили тем, что среди них, особенно среди женщин, очень многие напоминали наших цыган. Высшей кастой у сингалезов всегда была «гоиванса» или «хандуруво», что значит благородно-рожденные. Касты брахманов у них не существовало.

Полагают, что сингалезы вышли из той же арийско-индийской группы народов, которая населяла в древности Индию, но что они оторвались от нее в то врамя, когда каста брахманов еще не захватила в свои руки господства.

В древнейшем из монастырей о-ва Цейлон Махавира, что значит «великий монастырь», в Анурадхапуре, сохранилась хроника «Махаванша», которая сообщает о введении на острове буддизма и об истории «великого рода» 174 царей. Имеются еще хроники, как Раджавали, Раджа Ратначали и др., в которых история Цейлона рассказывается в духе монастырских записей и несколько более кратко, чем в основной хронике «Махаванша».

Предания этих хроник говорят, что в стране Лала (Гуджерат) лев напал на караван, в котором находилась дочь царя Ванга и принцессы Калингов. Лев утащил принцессу в свою пещеру, и от их союза родился сын Сихабаху и дочь Сихасивали. Мать и дети убежали из-под стражи льва. Старший сын Сихабаху получил имя Виджая, что значит победа, и был назначен помощником своего отца, который был царем в Лале. Однако он стал «врагом закона» и по требованию народа, царь посадил его, и 700 его помощников на корабль и приказал навсегда изгнать из пределов Лала. Царевич Виджая высадился в области Тамбапанни в стране Ланка (Цейлон). Так как его отец Сихабаху убил льва, который на языке пали называется сиха, а по санскритски синха, то потомки его получили наименование Сихала, т. е. сингалезы, а заселенный

ими остров, нося в своем названии тот же корень, стал называться Цейлон.

Если мы в этой легенде обратим внимание на то, что слово «лев» было любимейшим словом у арийцев, что их вожди часто носили название «лев» и в тоже время легко могли вступать в брак с туземными принцессами (принцесса Калингов), то в этой легенде, мы можем найти несомненные обрывки исторических воспоминаний, и имеем основание причислить сингалезов к семье арийских народов.

Из области легенд история Цейлона переходит в определенную форму, примерно за 300 лет до Р. Х., из которой можно почти точно заключить, что буддизм был введен на Цейлоне около 250 года до Р. Х. при короле Тиссе. Величайшим владетелем Цейлона был цар Параккама Баху I-й Великий (в 1164-97 г.г. после Р. Х.). После него государство сингалезов стало клониться к упадку. Цари Цейлона благодаря несчастьям, постигшим их царство, принуждены были все время переносить свою столицу, в разные места и священный зуб Будды, хранившийся всегда у них, тоже перевозился из одного храма в другой.

В 1505 году перед Цейлоном показались в первый раз европейские корабли. Это были португальцы. В 1515 году после Р. Х. туда пришел целый флот под флагом португальского адмирала Суареца. Столица острова Джафона была взята штурмом в 1560 году, и священный зуб Будды попал в руки португальцев. Католический Архиепископ Гоа дон Гаспар истолок эту святыню сингалезов в ступе, испепелил ее в жаровне, и пепел бросил в реку.

Однако, среди сингалезов царило убеждение, что священный зуб Будды был подменен, что истинный зуб, где-то скрыт и действительно, как только обстоятельства улучшились, зуб Будды оказался в Кенди.

В 1602 году к Цейлону подошли два голландских корабля под командой мастера Иориса фон-Шпильбергена. Голланд-

цы предложили сингалезам, помочь им изгнать португальцевъ; скоро к двум соперницам присоединилась третья – Англия, которая в 1795 году послала на Цейлон флот под флагом адмирала Бланкерта. Последний отобрал от укрепившихся уже там голландцев все основанные ими крепости, в том числе и Коломбо. Эта победа далась англичанам легко, ибо они подкупили голландского губернатора Цейлона, – Иогана фон Ангельбека и 15-го февраля 1796 года захватили Цейлон в свои руки.

Искусно ведя свою политику на острове, англичане добились того, что сингалезы, восставшие против своих царей, сами просили англичан им помочь. В 1815 году было взято Кенди, а в 1816 году собрание всех туземных вождей постановило просить англичан взять в свое управление все сингалезское царство. В 1895 году на Цейлон был назначен губернатор сэр Джозев Уест Риджуей. С этого года англичане владеют островом без участия местных царей.

Конечная цель пути «Варяга» – Полярное море
Акварель Кап II р. С. А. Четверикова

На «Варяге» перед съездом на берег по команде «вольно».
Коломбо. 1916 г.

Владетели острова, английские власти, встретили наш отряд не менее сердечно, чем нас встречали в Гонконге. Нас приглашали повсюду, везде в нашу честь музыка играла наш национальный гимн. Нашего адмирала губернатор чествовал у себя во дворце и в клубе.

Когда англичане хотят быть милыми и любезными, я думаю не найти в мире народа, который смог бы это сделать так просто и с такой теплотою.

Везде, где нас принимали, характерны были именно простота, отсутствие какого бы то ни было принуждения, и удивительная искренность. Оказалось, что местное английское общество живя, как и мы, всеми своими мыслями на фронтах, очень хотело бы видеть нашу команду у себя на берегу, принять и угостить ее как следует.

Адмирал ответил, что лично будет очень рад, чтобы наши матросы поближе познакомились с англичанами, однако,

самую форму приема адмирал предложил выработать самим англичанам, памятуя пословицу, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Английские власти предложили свезти десант с обоих наших кораблей, в количестве в каком мы найдем для себя удобным, но просили, чтобы десант был без оружия. По-видимому высадка русского десанта с оружием на Цейлон была бы неприятной для англичан, не желавших потерять своего престижа перед туземцами. Так, по крайней мере, мы поняли эту просьбу, к тому же выраженную весьма любезно. Для своза десанта, были назначены одна рота с «Варяга» и одна с «Чесмы».

Знаете ли вы мои читатели, что такое десант?

Десант – это высадка определенной части команды на берег.

В него назначается с каждого корабля, скажем рота человек в 250; при роте имеются пулеметы. Роты с отдельных кораблей сводятся в батальоны.

Если кораблей, свозящих десант, много, то батальоны сводятся в полки. При десанте обычно свозится, так называемая, десантная артиллерия, состоящая из специальных пушек, установленных на колесных сухопутных лафетах. Если десант углубляется не далеко в территорию, то пушки везутся на лямках людьми, если же десант уходит далеко, то пушки запрягаются лошадьми или мулами. При десанте обязательно должен быть врач, не менее одного на батальон, с фельдшерами и санитарами, снабженными нужными материалами и носилками. Кроме того в десант назначается священник.

Когда на кораблях десант готов, осмотрен, проверен, то заранее спущенные на воду гребные суда, подводятся к трапам и по особой команде десант садится на них.

Так как десант с «Чесмы» и «Варяга» имел не боевую задачу, и свозился без оружия, то посадка и снаряжение его были почти похожи на обычный съезд команды на берег.

В назначенный день и час по кораблю раздается команда: «Унтер-офицеры к люкам. Все наверх, гребные суда спустить».

Бегом выбегает команда к своим местам по авралу для спуска гребных судов. Офицеры, заведующие шлюпками, стоят против талей своих шлюпок. «Тали на руки», командует старший офицер с мостика. «Стопора снять». «Тали травить»...тью тью... протяжно поют дудки, издавая особый характерный свист для травления снасти. Офицеры регулируют правильность и одновременность спуска шлюпок. По спуске шлюпок на воду, дается опять дудка «подвахтенные вниз...» На шлюпках остаются старшины и по два крючковых, которые подводят их на шкентеля выстрелов и приготовляют все для приема десанта.

Рангоут в этих случаях остается на талях и на шлюпки не берется.

Лишь только готовы гребные суда, как по кораблю разносится команда: – «Десант наверх к осмотру, оружия не брать...» Быстро выстраиваются на верхней палубе высокие красивые люди. Они одеты в белые форменки. Шаровары заправлены в высокие сапоги, которые идеально вычищены. Ротный командир и младшие офицеры обходят ряды, смотря, чтобы у каждого одежда была бы пригнана, чтобы руки были вымыты, чтобы головы были чисто выстрижены и т. д.

Десант осмотрен. Люди отпущены вниз. С «Варяга» в десант назначен батюшка, а с «Чесмы» один из судовых врачей. Каждый матрос в десанте обязан иметь через плечо фляжку, наполненную кипяченой водой с растворенной в ней лимонной кислотой.

Все готово. Люди волнуются. Им интересно побывать на берегу, они не хотят ударить лицом в грязь перед англичанами.

Все смотрят на «Чесму». Видно, что и там осмотрели десант, спустили все шлюпки на воду, а затем все успокоилось, как и у нас. Но вот на мостике «Чесмы» забегали сигнальщики.

«Сигнал», волнуются у нас. Сигнал на «Чесме» поднят. Красивые разноцветные флаги едва колышатся, ибо в воздухе полный штиль. Сигнал разобран: «свести десант».

«Десант на гребные суда», разносится по кораблю. Десантная рота быстро, по расписанию, рассаживается по гребным судам. Первые взводы на барказы, которые подают фалени на паровой катер, затем идут гребные катера; последней подает свой фалень, «шестерка», на которой сидит батюшка с ротным фельдшером и санитарами.

Ротный командир с горнистом на паровом катере, офицеры, взводные командиры, на барказах и катерах, со своими людьми.

На «Чесме» десант тоже посажен. На отдельной шлюпке сидит духовой оркестр, медные инструменты которого ослепительно сверкают под лучами жгучего солнца. Командир батальона, старший офицер «Варяга», на отдельном паровом катере, на котором стоит мачта для сигналов, обходит линии выстроившихся в «ротную колонну» шлюпок обеих рот. По батальоному расчету рота «Варяга» первая, «Чесмы» – вторая. Удачно было то, что ленточки на фуражках, как «Варяга», так и «Чесмы» георгиевские, ибо «Варяг» Гвардейского экипажа, а «Чесма» Черноморского флота, которому за оборону Севастополя были пожалованы георгиевские ленточки на фуражки.

Катер командира батальона становится впереди, с него доносится сигнал горна: – «движение вперед».

Две колонны шлюпок с десантом, имея впереди паровые катера, стройно начинают двигаться к берегу.

Зрелище удивительно красивое. Набережная и вся полоса берега густо усыпаны толпой туземцев, которые с любопытством следят за тем, как подходит наш десант.

В бинокль видно, как без суеты, шлюпки подошли к берегу, люди вышли на набережную и построились, имея в голо-

ве оркестр музыки. Сзади батальона виднелась высокая фигура нашего батюшки о. Антония, который, несмотря на страшную жару, был в черном монашеском одеянии в клобуке с наметкой. Рядом с батюшкой доктор с повязкой красного креста на рукаве, сзади выстроены фельдшера и санитары.

С берега слышны гул и крики возбужденной толпы.

Десантный батальон тронулся. Доносятся урчание медных труб, пение корнетов – «Старо-егерский» марш. Твердо взяв ногу, десант поворачивает в боковую улицу и скрывается среди построек этого шумного портового города.

Десант, ушел за город по роскошной аллее, обсаженной высокими пальмами, похожими на гигантские колонны. Там в парке за городом для него накрыты столы с угощениями и присутствует все английское общество Коломбо во главе с губернатором, которое приготовилось чествовать русских моряков.

Мне лично в десанте быть не пришлось, но возвращение его я видел.

«Ваше Высокоблагородие! Десант возвращается». Действительно, с берега доносятся звуки марша, заглушаемого восторженными кликами толпы. Лунные лучи заливают весь рейд и все видно, как днем, только все кажется, каким-то призрачным, сказочным. Десант садится на шлюпки, слышны звуки горнов играющих: «движение вперед». Десант отваливает с берега.

«Подвахтенное отделение наверх. Десант принять», командует вахтенный начальник. Люди быстро выбегают на свои места. Шлюпки десанта двумя стройными колоннами идут по рейду, и расходятся «по способности». Одна колонна направляется к «Чесме», другая к «Варягу». «Песню», слышен голос одного из ротных командиров.

«Ой за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,

Там орала дивчининка
Воликом черненьким...»

несется по рейду, залитому лунным светом.

«Это чесменцы, ваше скородие, хохлы. Что-то наши гвардейцы ударятъ?»

«Скажи-ка дядя, ведь не даром
Москва спаленная, спаленная пожаром...»

слышно с варяжских шлюпок.

«Ох, хорошую, Дышкант, наладил песню», шепчет сигнальщик, смотрящий, как и вахтенный начальник, на эту роскошную картину рейда с идущими колоннами гребных судов.

Лунные лучи серебрят морскую гладь, и бросают таинственные темные тени на очертания, береговых построек и пальмовых деревьев на берегу. Там на набережной клики и гул темнокожей толпы, напоминающий отдаленный шум океана, а здесь на рейде белые форменки наших людей стройными рядами сидящих на своих шлюпках; линии шлюпок, впереди которых дымят паровые катера, поблескивая медными частями, выравнены, а над всем этим мотивы залихватских русских песен, которые слышны по всему рейду. Там, на берегу, им вторят крики возбужденной толпы и все сливается в такую гармонию, которую я моим слабым пером описать не умею.

Варяжские и чесменские песенники соперничают голосами и лихостью своих музыкальных вариаций.

«Москалик все грае,
Бровами моргае.
Враже его маты знае,
Чего вин моргае...»

Это чесменцы – хорошо у них выходит, а вот наши:

«Земля тряслась, как наши груди.
Смешались в кучу кони, люди…»

И вся рота, подхватывает могучим хором

«И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...».

«Удивительно музыкален наш народ; и как они чувствуют красоту не только музыки, но и обстановки. Мы просто прирожденные скоморохи», думает про себя вахтенный начальник: – «ведь и запорожцы, в старое время, наверно также с песнями, на своих челнах плыли – «пошарпать» берега Анатолии. Также они любовались лунными ночами в море, также вкладывали всю душу свою в красоту песни. И при этом они были так жестоки, так грубы. А наши матросы, разве они грубы, разве жестоки?»...

Но мысли эти были прерваны резким звуком горнов, пронесшимся по рейду: «слушайте все»... ...«Стоп песни петь», донеслось с головных катеров. Десант подходит к борту.

«Спасибо молодцы», благодарит батальоный командир. Радостное стройное: «Рады стараться ваше высокородие», показывает, как команда довольна всем виденным, своею удалью, своими песнями.

До поздней ночи не могут успокоиться на «Варяге» и матросы и офицеры. В командной палубе слышны шепотом, ибо уже давно пора спать, рассказы о том, как англичане встречали наших, как Дышкант удивил всех тем, что его хор оказывается умеет петь по-английски «God save the king». Как английский губернатор, английские дамы и господа старались угощать и веселить наших матросов. Какие игры для

них были придуманы, какое было состязание с канатом и т. д. и т. д.

Прием нашего десанта на берегу действительно отличался не только обилием явств, но и удивительной сердечностью.

Что касается толпы туземцев окруживших десант на берегу, то по рассказам, они просто потеряли голову от восторга; из толпы все время несся неистовый рев и выклики приветствий. Наша музыка и песни встречались восторженно.

В кают-компании кто-то рассказывал, что якобы наш батюшка произвел на сингалезов наибольшее впечатление. К нему, сквозь толпу туземцев протиснулись два старика с всклокоченными волосами и горящими глазами. Оба были совершенно обнажены и только на бедрах у них были повязки. Поклонившись батюшке в ноги, они по-английски спросили его: «он ли русский бонза?» Получив утвердительный ответ, оба старика заявили, что их прислал «великий отшельник», который живет в горах около Кенди. По их, словам, когда они были детьми, то отшельник был уже стариком.

Но пройти к этому старцу невозможно, потому что его караулят кобры. А он им велел, когда на острове будет «русский бонза», провести его к нему. Так поведали старики.

Не знаю насколько верен этот рассказ, но насколько помню, батюшка не отрицал это, но упорно отмалчивался и не любил, когда его об этом спрашивали.

После этого шумного дня, выяснилось, что адмирал решил идти в Аден не прямо через Индийский океан, а сначала на юг, пересечь экватор и принять уголь на Сейшельских островах. Этот путь нам был выгоднее потому, что у «Чесмы», учитывая юго-западный муссон, могло не хватить угля до Адена, а «Варягу» при встречном муссоне пришлось бы испытать излишне порядочную трепку.

Приняв это решение, адмирал приказал погрузиться углем до полного запаса и затем дать еще раз офицерам и ко-

манде отдых. Наши офицеры с «Варяга» разбились на две партии; одни решили ехать на охоту на крокодилов, а другие осмотреть Кенди и его окрестности. В этой последней группе был и я. В Кенди я отправился с моим другом гвардейского экипажа лейтенантом Семеновым-Тяньшанским.

Поездка в Кенди

Мы сели в изящный, чистенький вагон поезда, идущего в Кенди. Эта древняя столица Цейлона лежит в горах, в глубине острова и вдали от моря.

Мы обратили внимание, что в вагоны, где сидят европейцы, не могут садиться туземцы. В то, теперь прошедшее время, русское общество как-то совершенно не знало этого положения и все, что бывало заграницей, считало высшим достижением культуры. А между тем, когда мне впервые бросилось в глаза это неравенство между европейцами и цветнокожими, невольно передо мною встал вопрос, почему всюду вызывало отрицательное отношение наличие в России черты оседлости, а вот обращение европейцев с туземцами в колониях, как будто никого не возмущает. Между тем это отношение к туземцам часто бывало и несправедливое, и жестокое, и во всяком случае в России никогда ничего подобного видеть и слышать не приходилось.

Поезд тронулся. Мы с наслаждением любовались пейзажами, которые проносились мимо нашего окна. Повсюду прекрасно возделанные рисовые поля. Мы с интересом смотрели на бесконечные чайные плантации, которыми славится Цейлон. Наше сердце порадовалось, когда, среди реклам о разных сортах чая, мы увидели, что на Цейлоне славится фирма К. и С. Попова.

Эта русская фирма имела здесь свои собственные плантации и ее служащие были русские.

Оторвавшись от моря, покидая Коломбо, мы решили время нашего отпуска использовать полностью, и совершен-

но отрешиться от прозаической действительности. Мы оба прочли все, что попало под руки относительно Цейлона и Индии, и теперь с удовольствием ожидали прибытия в Кенди, который является большим духовным центром буддизма.

Вот кончились поля и плантации, окружающие Коломбо, наш поезд несся по живописной местности, которая становилась все более гористой. Видны рощи пальм, заросли бамбука, живописные ручьи и речки. Бросалось в глаза яркое оперение птиц; среди них мы особенно любовались порхающими с дерева на дерево какими-то птицами с ярко-белой окраской оперения; они казались точно хлопьями снега. Удивительно красивы были их длинные хвосты тоже белого цвета, но точно ажурные и похожие на хвосты райских птиц.

Наш поезд забирался все выше и выше в горы. Становилось прохладнее. По временам из окна вагона виднелась высокая гора называемая «Адамов пик». Кругом виды становились все более и более красивыми. Мы ехали среди гор, покрытых растительностью. Еще поворот и поезд подошел к вокзалу города Кенди.

Это очаровательный маленький городок в горах на берегу спокойного тихого озера. Автомобиль доставил нас в прекрасный англо-индийский отель на берегу озера. Чистенькая удобная комната. «Пунка», движение которой все время освежает воздух. Прекрасные ванны и души. Все, что вносит английская культура в свои колонии, все это сразу окружило нас.

Казалось, что наши душные каюты, усталость от тяжелых морских походов – все это осталось где-то позади. Здесь в отеле полный покой и телесный и душевный. Любуясь с нашего балкона чудным горным видом и зеркальным спокойным озером, я мыслями невольно унесся в далекое прошлое таинственной Индии и этого волшебного острова.

Почти за 3.000 лет до Р. Х. наши предки арийцы проникли в Индию через северо-западные проходы Гималаев. Мед-

ленно их поселения распространялись далее на восток и юго-восток.

За 2.000 лет до Р. Х. она заняли Пятиречье и отбросили к югу и востоку местные черные дравидийские племена. Из этой эпохи остались легенды, остались воспоминания о героях. Видно насколько арийцы презирали черные племена, насколько они гордились своей светлой кожей и стремились сохранить чистоту своей расы. От этого стремления повидимому и образовалось современное деление на касты. Высшия касты не должны были смешиваться ни с кем. Примерно за 500 лет до Р. Х. арийские племена достигли линии: дельта Ганга – нынешний Бенарес.

Здесь, среди многих отдельных княжеств, выростает могущественное царство Магадха, со столицей Раджагриха. В этих местах, в предгории Гималаев, на берегу реки Рахини, ныне носящей название Кахана, поселилось племя Шакья. Вождь этого племени по имени Шудходану, происходил из семьи Гаутама и принадлежал к военно-аристократическому сословию (касте) кшатриев.

Согласно древней легенде, раджа Шудходана был женат на двух дочерях соседняго раджи племени Колиев. Оба брака были бездетны. Неожиданно старшая из жен по имени Майя, на 45-м году супружества, почувствовала себя матерью. По обычаю того времени, она отправилась в дом своих родителей, племя которых обитало на другой стороне реки Рахини. Однако по пути домой, в роще Лумбини она родила сына, получившего имя Сиддхарта. Это был будущий великий мыслитель Востока – Будда. По этой, легенде мать и ребенок были перенесены обратно в дом раджи Шудходана, где спустя 7-мь дней мать умерла, а маленький мальчик нашел заботливую воспитательницу, заменившую ему мать, в лице сестры ее, второй жены раджи Шудходаны. Хотя по преданию имя Сиддхарта было дано ребенку сразу по рождении,

но некоторые исследователи в этом сомневаются, ибо это слово означает «достигший своей цели». Похоже, что оно присвоенно Буддой впоследствии. Что является несомненным, это то, что он происходит из рода Гаутама, все же остальные имена являются как бы только его эпитетами. Так «Шакья-Муни» – означает «мудрец из рода Шакья», «Шакья-синха» – Шакья-лев, «Сугата» – счастливый, «Саттха» – учитель, «Бхагават» – достойный, «Джина» – победитель, «Локанатха» – владыка мира, «Сарваджнья» – всеведующий, «Дхарма-раджа» – царь справедливости и т. д. Наконец, само имя «Будда» означает – познавший.

По преданию, после кончины Будды тело его было сожжено, а кости разделены на 8-м частей и даны по одной части каждому из 8-ми племен (государств), среди которых Будда проповедывал.

Далее предание рассказывает, что было собрано три собора для выеснения и догматизирования учения Будды. Если первые два собора многие ученые считают недостоверными, то третий, собранный в Патне, примерно за 250 лет до Р. Х., можно признать историческим. Этот третий собор довольно подробно описан в хронике Цейлона–Дипованцща. Собор заседал в Ашокарме и продолжался 9 месяцев. На нем учение Будды было изложено в канонических книгах и собор решил отправить миссионеров для проповеди учения. Восьмая глава хроники Дипованша дает имена этих миссионеров и мы видим, что на о-в Цейлон был послан Махинда с учениками.

С этой поры начались записи в сингалезских монастырях переработанные впоследствии в хроники. Благодаря этим хроникам, предания о Будде и его учении стало известно европейским ученым почти с исторической достоверностью.

Вилльям Клекстон Пеппэ в 1898 году произвел раскопки, вблизи места, где находилась древняя столица племени Шакья. Он нашел ящик из песчанника весьма тонкой работы и в

нем, среди разных предметов, урну с надписью: «Это хранильница мощей возвышенного Будды, есть набожная дань семьи Шакья – братьев и сестер, с детьми и женами».

Эти останки Будды были переданы Королю Сиамскому, а их находка доказала правильность легенды о погребении Будды и разделении его костей на 8-м частей, из которых одна была передана племени Шакья.

Если исторически установлено, что буддизм был введен на о-ве Цейлон примерно в 250 году до Р. Х., то легенда о том, что Будда лично посещал Цейлон три раза, учеными не признается достоверной. С другой стороны величайшая святыня буддистов, зуб Будды, по преданию хранилась на Цейлоне. Этот зуб, как я писал в предыдущем очерке, был уничтожен португальским епископом, но якобы был спасен и, в конечном результате, оказался в Кенди.

Мы решили непременно посмотреть эту святыню буддистов. Оказалось, что мы приехали очень удачно, ибо как раз на днях ожидалось торжество выноса этого зуба с совершением всех празднеств, которые по этому поводу бывают.

В ожидании этого редкого зрелища, мы решили осмотреть окрестности Кенди и побывать в пещерном храме, в котором славится статуя Будды, высеченная прямо в скале.

Наметив программу наших экскурсий, мы с наслаждениеме любовались наступившей ночью, при которой отель, окружающие его горы и озеро казались феерически красивыми. Над озером, освещенным слабым светом луны, проносились огромные тени «flying foxes» (летающих лисиц). Эти рукокрылые поражали нас своей величиной, по сравнению с нашими маленькими летучими мышами. Действительно, их тело почти такое же, как у нашей белки, а крылья громадные, как у ястреба. Когда такая летучая мышь, трепеща своими, когтистыми крыльями вырисовывается на фоне светлого неба в лунную ночь над застывшим озером, кажется, что из мира

реального переносишься в волшебный мир, где видны тени адских существ, носящихся над поверхностью вод и земли.

Рано утром у подъезда нашего отеля стоял автомобиль, который повез нас по прекрасному шоссе, ведущему к «Парадения».

«Парадения» – это дивный ботанический сад невдалеке от Кенди. Он славится редким богатством подбора тропической флоры. В тоже время этот сад, как и показывает его имя, связан с преданием о рае. Я никак не мог узнать, почему у сингалезов легенда о рае так похожа на ту, которую мы имеем в Библии.

По легенде сингалезов, нынешний сад «Парадения» представляет собою остатки бывшего здесь некогда рая. В самом парке, вам показывают место, где росло древо познания Добра и Зла. Две реки, обтекающия этот сад, совершенно аналогичны библейским рекам потерянного рая. В «Парадении» показывают место, где стоял с огненным мечом Архангел Михаил, указывая Адаму и его жене Еве путь из Рая.

Интересно место, где на каменистой плите ясно оттиснут (или весьма искуссно выдавлен) отпечаток человеческой ноги огромного размера. По легенде – это след ноги Адама, когда он в отчаянии, что Рай потерян для него, и его потомства, встал на границе райских владений и оглянулся назад. При этом движении, в каменной плите отпечатался след его ноги. Такой же отпечаток имеется, как говорят, на вершине «Адамова пика». Оттуда, по преданию, Адам в последний раз оглянулся на Рай, и затем пошел по островкам, называемым «Адамов мост» на берег Индии и оттуда на север в Мессопотамию.

К сожалению мне так и не удалось узнать подробно все детали легенды сингалезов о потерянном рае, но сходство их с библейскими сказаниями меня поразило до чрезвычайности.

Пока автомобиль, шурша шинами, мчал нас между высокими пальмами окаймлявшими дорогу, в голове моей

проносились только что прочитанные главы из книги Шатобриана – «Гений христианизма». Там тоже подчеркивалось странное совпадение некоторых верований индусов с библейскими сказаниями. Так Шатобриан находит, что имя Брамы из индийской мифологии весьма близко к имени Авраама. Жена Брамы носила имя Саравади, а это так близко к имени Сары. Несомненно эта общность легенд имеет какое-то основание, которое пока еще нам не ясно. Но когда после прочитанных книг лично переносишься в область, где родились эти легенды и мифы, то кажется, что оторвался от реального, унесся в глубь веков и тогда легенда делается уже не легендой, а реальностью, красивой, фантастической, но совершенно ярко ощущаемой.

Занятый своими мыслями, я как-то не замечал окружающей волшебной обстановки, то есть вернее она непосредственно слипалась с тем, о чем я думал. Это слияние давало необъяснимое наслаждение, радость бытия, чувство близости ко всему Божьему миру. Смотря на моего спутника, мне казалось, что и он испытывает этот восторг от красоты природы и от чудесности легенд, о которых мы с ним читали.

Неожиданно наш автомобил остановился. Оказалось надо, что-то поправить в карбюраторе. Пока шофер, возился с машиной, мы пошли побродить. Вдруг из леса выползла на дорогу изящная, красивая змея и поползла через дорогу.

Наш шофер не на шутку испугался. Оказалось, что это кобра, укус которой безусловно смертелен.

Подозвав нас к машине, он дал гудок. Кобра оперлась на хвост и поднялась вертикально, раздув свой парашют; на нем синеватым контуром вырисовалась фигура, похожая на очки. Однако резкий гудок, затем вой сирены испугал ее, страх пересилил злобу, и она, опустившись на дорогу, быстро скользнула в заросли леса. Это была единственная, живая очковая змея, которую мне пришлось видеть на свободе.

Наш автомобиль помчался далее. Кругом так хорошо. Солнце яркое жгучее, зелень такая сочная, влажная, какую можно видеть только в оранжереях.

Смотря на эту силу растительного царства под этими широтами, мне вспомнился наш ботанический сад в Санкт-Петербурге. Как часто я любовался там пальмами, мимозами и другими тропическими растениями. А вот здесь около меня, те же растения растут на воле, но здесь они такие могучие, такия огромные. Там, в Петербурге, когда в оранжерее становилось жарко, можно было выйти на улицу, а если это было зимой, то сразу из влажной душной жары попасть на мороз. Здесь же уйти было некуда. По мере того, как солнце поднималось над нашими головами, духота и влажность становились мучительными. Однако, кругом было так много интересного, что усталость не замечалась. Автомобиль влетел в роскошннй парк и остановился. К нам подбежал смуглый гид, который повел нас по этому дивному саду.

Казалось не будет конца бесконечному разнообразию тропической растительности, собранной на столь небольшом сравнительно пространстве. Здесь мы восторгались огромными бамбуками, высотою в несколько сажен. Далее невольно останавливались привлеченные красотою развернувшейся картины цветочных клумб с массою различных цветов.

Среди них особенно удивительны были мухоловки, поражающия своим ярким наружным видом. Далее виднелись мимозы, тут орхидеи, там лианы и всюду бесконечные пальмы.

Осмотрев один район сада, мы на автомобиле, с нашим гидом, переезжали в следующий. Весь осмотр занял более половины дня и то он был беглым. Мы совершенно не знали в научном отношении тех бесконечных деталей, которые скрывает этот сад. Нам были неизвестны многия, растения, а тем более их научная классификация.

Я могу себе представить, какое наслаждение испытал бы ученый ботаник, если бы он попал в этот сад. Я лично, как

всегда, когда смотрю на вещи, для меня малоизвестные, восторгался главным образом их внешним видом, а в голове моей проносились тысячи мыслей связанных с местом, на котором стоит «Парадения».

Мне чудились воплощенными легенды, которые пришлось слышать. Странным образом, любуясь кажется группой гигантских бамбуков, я вдруг вспомнил мое раннее детство.

Вспомнил Туркестан, где я вырос. Наш дом в Самарканде, и разговор моего покойного отца с одним археологом, только что прибывшим с осмотра нашей государственной границы с Афганистаном.

Помнится, как этот археолог с негодованием говорил о том, что мы по настоянию Англии согласились отдать Афганистану целую область, называемую Кафиристан.

Кафир, по туземному значит «неверный». Кафиристан – «страна неверных». И вот, по словам археолога, эту страну, лежащую на южных склонах Гиндукуша, населяет особое племя, которое афганцы называют «кафиры», а они сами себя называют «сияхпуши». Он был у них и убедился, что это племя числом в 200.000 человек является, во-первых, несомненно Кавказской (Европейской) расой, а, во-вторых, имеет массу слов и обычаев славянских. Между прочим девушки их танцуют «коло». По словам археолога красота этого народа изумительная. Многие из них голубоглазые, светловолосые и высокого роста. Помнится, что этот же археолог рассказывал, что афганцы тоже представляют собою загадочное племя. Сами они считают себя евреями и называют себя «бени израэль», т. е. сыновья Израиля. По их объяснениям, афганские племена ни что иное, как остатки 10-ти пропавших колен Израилевых. В языке афганцев очень много еврейских корней, но есть так же корни санскритские, тюркские и некоторые слова совершенно неизвестного языка.

Гуляя по «Парадении», я мечтал о том, какое счастье было бы для каждого из нас проникнуть в эту тайну Средней Азии,

Мессопотамии и Индии, где так упорно, легенда указывает рождение человека, и легенду о потерянном им рае. Обломки маленького, повидимому славянского племени «сияхпуши», разве не должны нас подталкивать к тому, чтобы проникнуть в тайну зарождения нашей славянской семьи? Откуда она пришла? Где создала свои чудные песни? О какой потерянной родине она мечтает смутно? Вот, те мысли и вопросы, которые меня тогда занимали и глубоко волновали. Я был в эту минуту так далек от жестокой действительности, от мира раздираемого войной. Эти дни, проведенные мною в Кенди, были воистину полным отдыхом, давшим передышку слишком натянутым с начала войны нервам.

Уже давно перевалило за полдень, когда мы с лейтенантом Семеновым-Тянь-Шанским вернулись в отель и улеглись в нашей комнатке, завесив шторами окна и, пустив в ход «пунку» и ветрогоны. Однако удовольствие, полученное от этой первой экскурсии в окрестности Кенди, было столь велико, что мы ни минуты не раскаивались, что так переутомили себя.

Вечер этого дня мы опять провели на балконе отеля, любуясь зеркальным озером и силуэтами летающих «flying foxes».

Легли спать очень рано, назначив на завтрашний день поездку к другому озеру, а оттуда экскурсию пешком в глубь тропического леса в пещерный храм Будды – спящего.

В 7 часов утра мы были на ногах. Легкий утренний завтрак, и мы опять на автомобиле едем по намеченному пути.

На этот раз вместо, точно искусственных, аллей пальм, вокруг нашей дороги росли разные тропические деревья, образующие густой почти непроходимый лес. Колючие лианы и мелкие кустарники, густые папортники, и какая-то трава, опутывали и окружали основания стволов громадных пальм. Из чащи слышались иногда какие-то писки, шорохи, но нельзя было разобрать, что это, голоса птиц или же звуки издаваемые какими-нибудь животными.

На этот раз с нами поехал гид, данный от отеля, ибо по словам администрации отеля, пройти в пещерный храм Будды весьма затрудительно.

На повороте дороги, открылся вид на озеро, берега которого были покрыты густым лесом. Мы быстро неслись к нему. Так красиво было кругом. Казалось, точно опять какая-то волшебница перенесла меня в далекое детство, я вижу озеро, на нем домик «Следопыта» Фенимора-Купера, в чаще леса должны скрываться краснокожие воины из племени ирокезов, вооруженные луками и томагавками. Удивительно, как сильны бывают впечатления детства, и как ребенок, выросший среди природы, на всю жизнь получает чувство горячей любви к ней.

Наш автомобиль остановился около каменного мостика, переброшенного через небольшую речку, впадающую в озеро. Недалеко у берега, видны были громадные черные тела. Оказывается это слоны, лежащие в воде, где они спасаются от жары. Слоны были ручными и принадлежали тому храму, где хранится священный зуб Будды.

От этого мостика нам надлежало идти пешком и углубиться в густой лес.

Сделав небольшой привал, мы, с нашим гидом, отправились в путь. Хотя на ногах у нас были высокие сапоги, хотя брюки были сделаны из очень толстой материи, однако, как только мы попали в лес, мы оба почувствовали, что для этих прогулок мы не созданы. То, что казалось таким прекрасным и мирным из автомобиля, оказалось весьма жестоким и трудно проходимым.

Мы запутывались в лианы, нас кололи колючки, мы проваливались, где-то в середине зарослей папортника. Но как ни тяжело было идти, как ни медленно мы продвигались, но сознание, что мы идем в «тропическом лесу», среди девственной дикой растительности было столь приятным, что боль и

усталость не замечались. Наш гид, прекрасно говоривший по-английски и по-французски, утешил нас, что до храма недалеко. Он и повел нас этой тяжелой дорогой, ибо по ней путь всего ближе.

Кэнди. Слон на водопое

Парадения. Заросль бамбука

Остров Цейлон. Сенгалезская запряжка

Среди влажных папортников, цепляясь за лианы и колючки, мы, наконец, добрались до каменной стены, покрытой зеленым мохом и травой. Оказалось, что это каменный холм над пещерой, в которой находится знаменитый храм.

Проводник подвел нас к двери, ведущей в подземелье. Молчаливый человек, в желтом одеянии, открыл нам дверь, и мы начали спускаться в пещеру.

Пройдя темный коридорчик, мы вышли в подземный зал и невольно, пораженные, остановились.

Низкие бесформенные своды пещеры были слабо освещены дневным светом, попадавшим откуда-то сверху. Вероятно, там было отверстие, служащее одновременно и для вентиляции. В пещере царили сумерки.

Вдали мы увидели знаменитую статую «Спящего Будды». Он был высечен прямо в скале и так искусно, что казалось, действительно там спит человек громадного роста. По размерам фигура Будды была вероятно раз в 5-ть больше нормального роста человеческого. Одежды его были окрашены пурпуровой краской, которая казалась совершенно свежей. Лицо телесно-розового цвета. Одна рука покоилась, вдоль тела, другая была подложена под голову до того художе-

ственно, что прямо не верилось, что это статуя. Точно живой человек лежит и спит мирным глубоким сном. Много восковых свечей горело перед статуей. Горели они и по одиночке, и в больших паникадилах, и целыми пучками, вставленные в ящики с песком. Воздух поздемного храма был наполнен благоуханиями, по-видимому ладана и каких-то ароматических трав. Жрец в желтой одежде неподвижно сидел у подножья статуи и ровным шепотом читал молитвы.

Подойдя вплотную к статуе, мы долго любовались ее деталями, удивительным выражением спящяго лица, роскошью красок и тонкостью работы. Даже складки одежды казались из материи, хотя они были высечены на грубом диком камне.

Повидимому великий мастер работал над этой статуей и много вдохновения и мистического чувства вложил он в свою работу.

Кажется, более часа провели мы в этом подземном храме. В одном месте мы увидели еще группу жрецов в желтых одеждах. Нас поразило, как эти буддийские монахи были ласковы с нами, и как они подчеркивали свою симпатию к русским, и к нашему «Белому Царю». Эти выражения симпатий не были просто актом вежливости, это чувствовалось, и в интонации голоса, и в манере их нас приветствовать, и наконец, в блестящих радостью глазах.

С сожалением вышли мы из этой мистической обстановки, от которой веет мудростью веков и опять пешком отправились к мостику, где нас ждал автомобиль.

Промелькнули те же леса и мы снова в нашем тихом отеле. К ужину обычное здесь «кери» с крепким соусом и бесконечные стаканы «лемон-скуаш» и «джинджир-эля».

На завтра мы никуда ехать не собирались, но думали обойти пешком весь Кенди и ознакомиться со всеми его храмами.

Утро следующего дня мы начали с прогулки по озеру на шлюпке, поочередно садясь то гребцом, то рулевым. Мы кормили почти ручных рыб довольно большой величины. В одном из уголков озера мелькнул перед нами изумрудно-сапфировым комочком летящий зимородок.

После обеда неожиданно к нам приехали гости: адмирал, флаг-офицеры и много наших офицеров с «Чесмы» и «Варяга».

Оказалось, что те, кто поехал на охоту, уже вернулись. Масса рассказов о том, как они ехали на автомобилях по береговому шоссе, с английскими офицерами. Как видели крокодилов, лежащих на берегах болот и речек, видимых прямо с дороги. Стреляли очень много, несомненно попадали, ибо было слышно, как пули щелкали по твердой коже чудовищ. Но крокодил, получив такую пулю, бросался в воду и нырял. Только лейтенант Гессе убил какую-то удивительную «сухопутную» ящерицу огромного размера (более сажени длиной). Он увидел ее с автомобиля. Она стояла на берегу ручья, опираясь на хвост и держа в передних коротких лапах рыбу. В. Н. Гессе, прекрасный стрелок, выстрелил из 3-х линейной винтовки и попал ей в голову. Этот трофей, доставленный на «Варяг», произвел фурор среди команды, которая называла ящерицу или «змеем Горынычем» или «драконом». Снятая шкура с этого чудовища украшала потом каюту моего покойного друга лейтенанта Гессе.

Приезд в Кенди русского адмирала и такой массы русских офицеров, вызвало волнение в этом мирном горном городке.

Адмирал и прибывшие с ним сняли комнаты, выходящие окнами на озеро, и целый день на набережной были видны толпы туземцев, пришедших посмотреть на «русских».

В этот день вечером был назначен вынос зуба Будды.

К обеду администрация отеля украсила столы русскими и английскими флагами, появился какой-то маленький струнный оркестр, который пытался изобразить среди прочего и русские арии.

Спустилась ночь. Адмирал и офицеры в удобных шезлонгах расположились на балконе прямо против набережной. Высота балкона над землею была едва ли два аршина. К ярко залитому электрическим светом отелю, к вечеру, начала собираться публика, прибывшая из Коломбо. Дамы декольтированные, мужчины в белых тропических смокингах. Все они приехали, чтобы посмотреть вынос зуба Будды. Нашего адмирала и нас, англичане приветствовали очень радушно.

Балкон с блестящей европейской толпой, среди которой виднелись наши кителя и погоны, представлял собою полный контраст тому, что делалось на берегу озера и по шоссе, идущему мимо балкона. Все это было запружено толпою темно-бронзовых туземцев, и стоял гул голосов. Местами виднелись факелы, бросающие кровавые блики на поверхность озера и окрашивающие в красно-багряный цвет голые бронзовые тела туземцевъ. Черные тени «flying foxes» реяли над озером и виднелись на фоне света бросаемого факелами.

Ровно в 10 часов вечера вдали, со стороны главного храма послышался гул и крики. По пальмовой аллее, обрамляющей озеро, показались дымящиеся языки пламени многих факелов. Это двигалась ви сторону нашего отеля голова процессии.

Скоро мы различили, что позади нескольких десятков, почти совершенно голых, факельщиков, идут на ходулях фигуры, изображающия, по-видимому, карикатуры на англичан: какой-то старик в красном мундире, другой в белом одеянии.

Глаза наши перескочили с этой, я бы сказал балаганной группы, на слеующую, которая казалась картиной, достойной великого художника. За факельщиками мы увидали черного слона. На нем богатая попона усыпана драгоценными камнями. На ногах золотые браслеты. Вероятно, такими были слоны Александра Македонского, Великого Могола, Асси-

рийских и Вавилонских владык. За этим слоном шли в ряд жрецы в желтых одеждах и какие-то «раджи» в богатейших индийских костюмах с тюрбанами на головах. Мы все искали зуб Будды. Оказывается, этот роскошно убранный слон, эти жрецы и факелы, только открывают начало процессии. За первым слоном мы увидели второго, потом третьего, затем четвертого. Казалось, что убранство каждого последующего становится все роскошнее и роскошнее. Почти совершенно обнаженные танцовщики, имеющие только красные трусики на бедрах, танцевали около слонов дикий, безумный танец. Когда эта вереница слонов и людей двигалась в нескольких шагах от нашего балкона, казалось, что мы присутствуем при какой-то знакомой, древней и давно забытой мистерии. По крайней мере мне все время хотелось вспомнить, где и когда я видел эту удивительную по красоте, и столь знакомую мне картину.

Непонятное волнение охватывало грудь. Сердце билось учащенно...

А вереница слонов и бронзовых обнаженных людей, клубы ароматического дыма, грохот барабанов, заунывные звуки пронзительных труб и пение человеческих голосов все нарастали. Прошел уже кажется 5-ый слон, потом 8-ой, а все нет конца этой длинной веренице. Но вот показались опять десятки факелов. Бумажные фонари. Почти голые, люди, бегущие впереди огромного слона и расстилающие перед ним дорогие пушистые ковры. Этот гигантский слон был убран с изумительной роскошью. Его попона, спускающаяся почти до земли, была усажена драгоценными камнями и вышита, по малиновому шелковому полю, удивительным золотым шитьем. На лбу слона было убранство из золота, камней и яркого шелка. На кончики его клыков были надеты золотые стаканчики. Между огромными его ушами сидел крошечный темнокожий мальчик и управлял этрм гигантом маленькой

палочкой из слоновой кости. Умное животное двигалось, ни на минуту не забывая своей важной роли. Ни разу он не ступил на землю, а шел все время, выжидая, пока перед ним растелят ковры, которые спешно снимались с дороги, когда слон проходил их, и снова расстилались перед ним непрерывно бегущими людьми.

На спине слона мы, наконец, увидели ту святыню буддистов, ради которой совершалось сегодняшнее торжество. Это была массивная, вылитая из золота пагода, украшенная драгоценными камнями. В ней хранился срященный зуб Будды. Вокруг слона, кроме плясунов, извивались точно змеи, в удивительном танце несколько девушек-баядерок редкой красоты. Их точеные желтовато-бронзовые тела были почти обнажены. Только маленькие красные юбочки были надеты на бедра. Груди и руки их были увиты нитками крупного жемчуга. Глаза баядерок, огромные и таинственные, горели страстным огнем и казалось, смотрели на нас из потустороннего мира.

В клубах ароматического кадильного дыма эти стройные девичьи фигурки носились точно в хороводе вокруг медленно идущего слона. На спине его тихо покачивалась золотая пагода, к которой простирались руки девушек-танцовщиц и сотен, стоящих на берегу озера бронзовых людей.

Красота этой картины была удивительная. Сзади слона шел целый сонм жрецов в желтых одеждах с гордыми, аскетически-суровыми лицами. Несколько жрецов шло по бокам слона, все время, кадя из золотых и серебяных кадилниц.

Быстро промелькнула перед нами эта сказочная картина, точно из Тысячи и Одной Ночи и опять потянулась вереница слонов таких же, каких мы видели вначале процессии.

Все отдаленнее слышался грохот барабанов, гул голосов, пения и звуки труб. Вот хвост процессии повернул по аллее и скрылся из глаз. Все было так ярко, так непередаваемо краси-

во, что напряженные нервы, казалось больше не реагируют ни на что. В ушах еще слышался шум и пение. Еще обонянием ощущались ароматы восточных курений, а кругом банальная европейская обстановка.

Этот контраст между европейской культурой и седой, пережившей века мистической культурой арийцев, был таким огромным, что казалось между нами и ими ничего общего нет и быть не может. Но при этом, то странное чувство, что где-то, когда-то может быть во сне, я все это видел и слышал не покидало меня. Чувство это настолько неприятно, что не знаешь, как от него отделаться. Повидимому мой друг, лейтенант Семенов-Тянь-Шанский испытывал тоже, что и я, так как он шепотом попросил меня пойти с ним «побродить немного на воздухе».

Мы вышли на берег озера и отправились вдоль пальмовой аллеи. Незаметно мы прошли весь путь, по которому, шла процессия, и оказались против того храма, куда был внесен зуб Будды и где сейчас шло богослужение.

Мы вошли в храм, наполненный звуками странной мелодии.

«Не счесть алмазов в каменных пещерах. Не счесть жемчужин в море полуденном, далекой Индии чудес», вспомнилась мне «Песня Индийского Гостя» из бессмертной оперы Н. А. Римского-Корсакова – «Садко».

Храм был наполнен благоуханиями ароматических курений. Народ в молчании стоял и молился. Мы сняли наши ботинки при входе и стали в толпе. Через некоторое время из алтаря вышел молодой монах в ярко-желтом одеянии и подойдя к нам, вежливо сказал на отличном английском языке: «Главный бонза имеет честь просить русских офицеров проследовать за мной».

Мы пошли за ним. Через минуту мы оказались в самом центре святилища, в алтаре. Пол усыпан густым ковром из свежих лотосов. В алтаре мы увидели серебряный стол, с зо-

лотыми инкрустациями. На нем стояла, знакомая уже нам, пагода с зубом Будды, перед нею теплилась лампада, а сзади виднелся около стены большой семисвечник, в котором горели 7-мь лампад.

Перед престолом стояли жрецы в желтых одеждах со свечами в руках. У некоторых были в руках кадильницы и весь алтарь был наполнен сильным ароматом от лотосов и кадильного дыма.

Старший из жрецов, с особой повязкой через плечо, в полголоса приветствовал нас, выразив удовольствие, что мы пришли на их богослужение.

До конца службы мы, точно зачарованные, простояли в этом святилище буддистов и только после полночи, простившись со всеми жрецами, вышли из этого храма и отправились пешком к себе в отель. И здесь нас опять поразило то, что буддийские жрецы особенно подчеркивали свои симпатии к России и к нам лично.

Долго не мог я заснуть, вернувшись в отель. Слишком сильны были впечатления этого дня.

Утром мы все, с адмиралом во главе, покинули волшебное Кенди и выехали в Коломбо.

Опять моя маленькая каютка на «Варяге», опять монотонный круговорот судовой жизни. Я быстро записывал в дневник впечатления о виденном.

«Унтер-офицеры к люкам», раздалось на верхней палубе. Пора идти на свое место по авралу; мы снимаемся с якоря.

4-го августа 1916 г. в 3 часа дня «Чесма» и «Варяг» снялись с якоря и вышли в океан.

К жителям нашего корабля прибавился бело-розовый какаду, который, подражая вечным упражнениям плутонговых командиров, уже надоедал нам криками: «залп-два больше».

Гортанный крик этого попугая был единственным реальным воспоминанием в нашей «стальной коробке» о роскоши

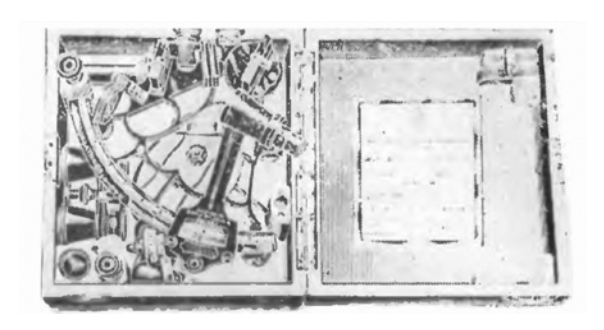
и красоте тропической природы и о чудной таинственной Индии.

Остров Цейлон. Слоны

Бинокль

Секстан

Лаг

Переход через экватор

Шапки гор острова Цейлон постепенно скрываются за кормою. Кругом растилается синяя гладкая пустыня, которая точно дышет могучей зыбью, при полном безветрии.

В кают-компании слышны мичманские голоса: – «прицел 45 кабельтовых. Целик 70, В. И. Р.[24] ¾ сближение. Залп». На приборе Длусского вскакивают «всплески» – недолет. «Четыре больше». Вилка. «Два меньше» и т. д... Бедные плутонговые командиры из кожи лезли, чтобы довести до совершенства свои познания в управлении огнем. И надо сказать, что, если вообще совершенство в человеческих условиях, возможно, то они его достигли.

Можно было спокойно идти на войну с таким составом офицеров, с унтер-офицерами и командой, так натренированными в стрельбе и в наблюдении за неприятельскими подводными лодками. По части артиллерии все подготовительные занятия у нас уже были закончены. На следующей стоянке мы предполагали произвести стрельбу, а пока – офицеры, артиллерийские унтер-офицеры и комендоры-наводчики, упражнялись в управлении огнем и в наводке орудий.

Наш курс вел к экватору на, так называемый, «Канал полутора градусов». Эти каналы, широкие проходы между островами группы Малединских островов.

---

[24] В. И. Р. – величина изменения расстояния.

Эти острова длинной цепью тянутся по меридиану и доходят до экватора. В свою очередь, эта цепь составляет как-бы продолжение Лакедивских островов, идущих вдоль западного берега Индостана. К югу от экватора, почти в середине океана, лежит еще группа островов Чагос, но они остались влево и к югу от нас. Целью же нашего плаванья были Сейшельские острова, лежащие к югу от экватора, и принадлежащие Великобритании, как и о-ва Чагос, Маледивские, Лакедивские и ряд других.

Скрылся Цейлон, и вокруг наших судов горизонт чист от всякой земли. Наш курс шел вне видимости островов и только солнышко горячее, яркое, да южные алмазные звезды служили нам маяками в нашем плаваньи.

Этот переход дает мне некоторое основание, хоть кратко, рассказать, как определяет свое место корабль в море, как он узнает куда идет и как проверяет правильно ли он идет.

Лучшим другом мореплавателя является изумительный прибор, который на берегу кажется столь малозначительным – это компас. О том, как он выверяется, как наблюдается за тем, чтобы его ошибки и отклонения от истинного меридиана всегда были бы известны, я здесь говорить не буду. Напомню только, что раз у вас есть компас, то следовательно вы имеете истинный ваш курс, который и прокладываете по карте, по вашему выбору.

Однако, «истинный курс» может совсем не соответствовать «истинному пути» вашего корабля, ибо на корабль могут действовать ветер и течение. Наконец, за время похода состояние самого компаса может измениться, вошедшая в его показания ошибка может значительно уклонить корабль от предполагаемого, или как мы говорим, «счислимого» его пути.

Раз корабль находится в открытом море, то «счислимый» путь и «счислимые» места[25] могут быть проверены астроно-

---

[25] Определенные лишь на основании показаний компаса и лага

мическими наблюдениями. Та наука, которая рассматривает все способы астрономического счисления в море, называется «Мореходной астрономией». Наши места в море мы можем астрономически определять днем – по солнцу, ночью – по звездам. По луне определений обычно не делают, благодаря слишком многим неправильностям в движении нашего спутника и быстроте его перемещения.

В свою очередь, задача определения места в море сводится к определению двух географических координат – широты и долготы. Точные вычисления дадут и точными эти координаты. Наконец, для практических целей имеется возможность в точные наблюдения ввести наши «счислимые» данные, и как бы этим их исправить. Полученное такое место будет «исправленным счислимым», а способ его определения будет гораздо более простым, чем путем точных подробных вычислений.

Имея это основное понятие о том, что требуется для того, чтобы в открытом море корабль мог точно знать свой путь и свое место на нем, мы рассмотрим совсем кратко, чем и как производятся астрономические наблюдения в море.

Для определения высот светил над горизонтом и для определения углов между двумя предметами (точками), на судах употребляются отражательные угломерные инструменты – секстан и круг Пистора. Секстан дает возможность брать углы обыкновенно до 130 градусов.

Круг Пистора берется тогда, когда надо измерить углы большие, чем те, которое можно измерить секстаном.

Для определения времени на судне должен быть хронометр. Теория показывает, что наилучшей комбинацией является наличие трех хронометров, тогда их взаимный контроль дает в результате возможность знать точным образом, так называемый «вес» каждого из хронометров, проверяя их путем сравнения. Имея три хронометра, вы должны еще точно знать поправку каждого из них относительно времени той

обсерватории, которую вы принимаете для ваших расчетов. Для нас этой обсерваторией является обсерватория в Гринвиче (в Англии), для мередиана которой вычисляется тот «Альманах» (Nautical Almanach), который был принят в нашем флоте. Французы имеют свой альманах «Connaissance des temps», вычисленный для Парижской обсерватории. Немцы – свой для Потсдамской обсерватории. В нашем же флоте полагали, что издание специального альманаха для Пулковской обсерватории слишком дорого, учитывая, что наш флот сравнительно невелик.

Поправки хронометров определяются разными способами и путем наблюдения над светилами (на берегу), и путем сличения с обсерваторными часами на берегу и, наконец, путем сличения по радио-телеграфу. Последний способ самый удобный и простой и в тоже время самый точный. Мы на «Варяге», помнится, имели случай по радио проверить наши хронометры, и получить их точные поправки.

Таким образом, секстан и хронометр являются главными инструментами, при помощи которых мореплаватель определяет свое место в море по светилам. Кроме этих инструментов имеется много и добавочных, облегчающих эту работу. Например, так как хронометры хранятся в каюте, где они предохраняются от тряски и перемены температуры, то непосредственно вы работаете с особыми часами, называемыми полухронометром или четыредесятником.

В свою очередь, для облегчения работы с последним некоторые пользуются еще секундомерами. Во всяком случае, тем или иным путем, всякий момент всякого астрономического наблюдения в море, должен быть точно замечен по хронометру, а у последнего должна быть известна поправка относительно, скажем, Гринвического времени.

Следовательно, всякое ваше наблюдение должно быть сопровождаемо моментом, в который оно было сделано, а этот

момент должен быть соответствующим той обсерватории, альманахом которой вы пользуетесь.

Большинство астрономических наблюдений в море сводятся к наблюдению, так называемой «высоты» светила над видимым горизонтом. Высота светила – это дуга вертикала, выраженная в градусах, минутах и секундах, заключенная между, горизонтом и светилом или краем его, если диаметр светила видим (солнце, луна или планета). Зная высоту светила и момент, в который она была взята, мы можем определить нужные нам географические координаты. Основной формулой для такого вычисления является формула сферического треугольника. В ней мы имеем: истинную высоту светила над истинным горизонтом, затем широту места, склонение светила и его часовой угол. Склонение мы выбираем из астрономического альманаха[26], часовой угол определяем по хронометру, а высоту светила берем непосредственно над видимым горизонтом секстаном.

Определение места корабля в море делается по способу Сомнера, в который введено упрощение, предложенное знаменитым французским астрономом Сент-Иллером. По этому приему вы наблюдаете высоту светила, и замечаете момент, в который она была взята, затем вычисляете эту же высоту, введя в формулу полярного треугольника ваши счислимые, то есть, вычисленные, пользуясь лагом и компасом, широту и долготу, а затем по разности высот, вычисленной и наблюденной, вы получаете отрезок Сомнеровой линии, на которой находился корабль в момент наблюдений. Если вы сделаете два наблюдения над одним и тем же светилом, с промежутком времени между наблюдениями не менее двух часов, то вы получите вторую Сомнерову линию. Вместив пройденный кораблем путь, за время протекшее между пер-

[26] В нашем флоте был принят the Nautical Almanach, издаваемый Королевской Британской Морской Обсерваторией в Гринвиче.

выми и вторыми наблюдениями, вы получите пересечение обеих Сомнеровых линий. В этом пересечении и находится корабль в момент вторых наблюдений. Место, полученное таким путем называется: астрономическим обсервованным местом, ибо его широта и долгота получены пользуясь астрономическими наблюдениями.

Днем эти наблюдения ведутся обычно только над солнцем, и требуют определения его высоты над горизонтом два раза, в промежуток времени не менее 2-х часов между наблюдениями. Ночью эти же наблюдения делаются над звездами, эфемериды (различные данные) которых имеются в альманахе.

Беря высоты двух и более звезд сразу, и замечая моменты этих наблюдений, мы можем определить наше место на карте, как будто по двум трем и более маякам. Конечно, наблюдения над солнцем легче, но когда хорошо набьешь глаз и руку, то место в море, определяемое по звездам, является вполне точным.

Во всяком случае, на корабле в открытом море, место определяется астрономически не менее одного раза в сутки, если только туман или тучи не лишают возможности делать наблюдения.

Обычно, обсервованное астрономически место дается в полдень, потому что имея, скажем, утром в 10 часов, так называемую «первую высоту» солнца и следовательно на карте «первую Сомнерову линию», мы в полдень можем весьма легко определить широту по «меридиальной» высоте солнца или, что еще проще, по его «близмеридиальной» высоте. Эта последняя берется в момент, когда солнце приближается к своей верхней кульминации (когда оно проходит меридиан места), но не точно в момент когда оно его пересекает. Проще это потому, что практически поймать «меридианальную высоту» довольно трудно.

Имея на карте «цервую Сомнерову» линию и «полуденную» широту места, мы уже легко можем определить наше место в полдень, вмещая между этими линиями тот путь (счислимый), который мы сделали за промежуток времени между первыми и вторыми наблюдениями.

Я очень боюсь, что я наскучил моим читателям, а особенно очаровательным читательницам, углубившись в рассказы об этой части морского дела. Однако, мне кажется, что хоть немного в самых общих чертах надо рассказать об этой стороне нашего дела. Тогда многое, что делается на корабле в плаваньи, станет понятным.

Пользуясь чудной погодой офицеры «Варяга» ежедневно тренировались в том, чтобы «ловить солнышко» и затем делали, каждый в отдельности, свои вычисления, дабы в полдень вычислить место корабля. Эти вычисления принося большую пользу тем, кто их делал, в тоже время были очень приятны нашему спокойному уравновешенному старшему штурманскому офицеру гвардейского экипажа старшему лейтенанту барону Нольде. Делая свои наблюдения независимо от нас, он всегда мог иметь из наших работ проверку правильности своего полуденного места.

В ночных вычислениях, мы уже не могли больше пользоваться любимицей моряков всего мира – «Полярной звездой» (Альфа Ursae Minoris). В наших широтах она служит для определения широты так же, как полуденная высота солнца.

Имея по одной или нескольким звездам сомнеровы линии, мореплаватель может всегда по «Полярной звезде» определить широту места и, таким образом, имеет всегда проверку своих наблюдений. Однако, в той северной широте, где в данное время шел «Варяг» – высота «Полярной звезды» над горизонтом была столь мала, что ее наблюдать было нельзя.

6-го августа 1916 года в 4 часа дня, справа от нашего курса, показались отдельные острова. Это южная часть группы Ма-

ледивских островов. Смотря в бинокль, мы видели, что близ берега плавают пироги туземцев. «Чесма» и «Варяг» прошли мимо и затем изменили курс еще к «W»-у. Мы идем на середину «Канала полутора градусов». Скоро будет экватор.

Для моряков всего мира переход через экватор является своего рода большим днем в жизни. Во всех флотах с этим переходом связано празднование, так называемого, «крещения». При этом новичок, впервые переходящий экватор, как-бы зачисляется в касту – «старых морских волков» и при вторичном переходе уже никаким обрядам не подвергается.

Суть торжества заключается в том, что в момент перехода через экватор, на корабле появляется Владыка Морей – Нептун, со своей свитой и затем, по списку вызываются все офицеры и вся команда, при чем каждого опрашивают, когда и где он переходил экватор. Тех, кто не переходил экватор бросают в парус, наполненный водой, при чем предварительно им выливают на голову краску и бреют громадной деревянной бритвой. Это и есть «крещение» при переходе через экватор. Если команды много, то в парус бросают только офицеров, а команду обливают водой из бранспойтов и пожарной магистрали.

Священник всегда освобождается от этого обряда, командир может «откупиться». В русском флоте переход через экватор составлял редкое торжество, ибо наши корабли обыкновенно ходили на Восток и обратно через Сингапур, который лежит к северу от экватора.

Поэтому легко понять, как волновались офицеры и команда «Чесмы» и «Варяга» в ожидании предстоящаго им перехода через экватор. Еще в Коломбо каждый корабль накупил нужные костюмы и краски. На походе разучили специальные песни и самый «церемониал» перехода через экватор. Все это делалось тайно, чтобы никто, кроме артистов исполняющих роли не знал, как будет обставлено это торжество.

7-го августа 1916 года после обеда, полубак «Варяга» представлял собою необычайное зрелище. Никаких занятий и учений не было» вся команда высыпала наверх и в ожидании чего-то посматривала на мостик. В 4 часа 45 минут на мостик поднялись, переодетые в форму гвардейского экипажа капитана I ранга и лейтенанта, два матроса, которые должны были изображать, один «командира», а другой «вахтенного» начальника.

Ровно в пять часов пополудни с мостика раздался бесстрастный голос нашего старшего штурмана: – «Экваторъ».

В этот момент за бортом послышался шум и на полубак выбежал маленький черненький чертенок с красными рожками и в красных штанишках. Чертенок был наш маленький юнга Володька, который прелестно пел у нас в хоре тоненьким дискантом. Он держал в руках громадный трезубец, древко которого было позолоченное. Чертенок подбежал к подушке левого якоря. За бортом снова раздался шум. Команда с любопытством смотрела на это зрелище. Вдруг из-за борта, над подушкой якоря показались зубцы золотой короны, затем застегнутая золотой цепочкой красная мантия, белозеленое одеяние с серебром и изображениями морских «чудищ»: – крабов, лангустов, акул, китов, спрутов и т. п. Под короной виднелась величественная голова, обрамленная седою бородою, в которой запутались несколько ракушек и водорослей. Через минуту величественный «Царь Морей» – Нептун вылез из-за борта и грозно обвел глазами, бросившуюся к другому борту команду.

Чертенок, распластавшись ниц, подал ему трезубец. «Командир» и «вахтенный начальник» кинулись с мостика встречать Нептуна.

«Ваше Королевское Величество», подошел к нему с установленным рапортом «командир»: – «на корабле ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА «Варяг» состоит: – офи-

церов столько-то, кондукторов столько-то, унтер-офицеров столько-то, матросов столько-то, пресной воды столько-то, угля столько-то и т. д.». Затем подошел с рапортом «вахтенный начальник»: – «Ваше Королевское Величество, на корабле ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА «Варяг» вахту править наряжен».

Нептун, роль которого играл боцманмат Бобынин, был неподражаем. С грозным видом глядел он на рапортующих ему «командира» и «вахтенного начальника». Все движения его были медлены, торжественны. В это время из-за борта показалась опять корона, опять красная мантия с золотом, зеленое платье, золотистые волосы, в которых запутались крабы, ракушки и какие-то рыбки, руки в золотых перчатках и очень миловидное женское личико с ярко нарумяненными губами и подсурмленными бровями и ресницами. Это была Амфитрита – супруга Нептуна. Играл ее наш младший фельдшер и роль свою выполнял изумительно. В момент когда Амфитрита вышла из-за борта на палубу, на баке появилась толпа чертей и наяд. Я не узнал Дышканта и его «войско», до того они удачно загримировались. Балалаечники и песенники были «наядами» (русалками), к ним прибавилось человек 30-ть чертей, «морской подшкипер», «астролог», «советник царя морского» и прочая свита Нептуна. Наяды были в прозрачных зеленого газа платьях с золотистыми париками на головах и сильно декольтированные.

В момент, когда эта толпа жителей подводного царства появилась на баке – «командир» и «вахтенный начальник» окончили свои рапорты. Нептун, не подавая руки, грозно, спросил «командира»: – «А на каком основании вы позволили себе без спросу появиться в царстве моем?»

«Командир» ответил, что крейсер «Варяг» идет по повелению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Российского Государя Императора из Владивостока на Мурман. Что

причина тому срочная – «по обстоятельствам военного времени», потребовалось это по телеграфу, и что времени испросить разрешения из подводного царства не было». Оба актера и «командир» и Нептун импровизировали свой диалог замечательно.

«А что случилось у вас? Почему вашему Государю так срочно потребовалось посылать вас?» грозно спросил Нептун.

«Да как же Ваше Королевское Величество», покорным голосом ответил «командиръ»: – «совсем у нас на земле теперь не ладно. Немецкий и Австрийский императоры, да еще султан Турецкий, да царь Болгарский объявили нам войну. Вот и торопимся. Надо Россию защищать с севера».

«А почему же они объявили вам войну? Может быть вы сами их задирали или от них, что отнять хотели?»

«Никак нет Ваше Королевское Величество, вовсе мы тут ни при чем, уверено доложил «командир»: – «они всей силой на нас навалились и без всякого международного права, просто зря, значит думали, что мы еще мол не готовы, народ мол у нас не военный, ну да с нами пошли Франция да Англия тут им значит и не удалось это дело».

«Так, так!» – задумчиво промолвил Нептун – «слыхал я что-то об этом, англичане тут путались уже; а вот вашего брата, что-то было не видно».

«Ваше Королевское Величество», угодливо заговорил снова «командир»: – «дозвольте нашему крейсеру спокойно, без ветров, без штормов пройти по назначению. Господа офицеры и команда наша молодец к молодцу. Присягу свою сполняют не за страх, а за совесть и ждут нас там на Мурмане».

«Да какие же вы моряки?» – грозно сказал Нептун: – «никто из вас небось и через экватор не проходил, никто моря-то толком не знает, никто в царстве моем не бывал».

«Ну да ладно, раз вы по присяге сполняете службу вашего Государя, я повелю и морю и ветрам вас не трогать, только

все вы, кто экватор еще не проходил, будете выкупаны в воде как следует, чтобы», прибавил он, ухмыляясь в свою огромную седую бороду: «как попадет кто из вас ко мне в царство, так не боялся бы ни воды, ни рыб, ни чудищ морских».

«Поставьте команду во фронт», величественно приказал Нептун.

«Команда наверх по вахтенно во фронтъ», раздался голос «вахтенного начальника».

Команда только и ждала этого. Раздался грохот сотен ног. Послышался звонок в кают-компанию и через несколько минут «вахтенный начальник» доложил «командиру» что команда построена.

Встреча Нептуна совершилась точно, как полагается по-настоящему. Офицеры в белых кителях выстроились тонкой ниточкой на правых шханцах. Первая и вторая вахта были идеально выровнены – «по пазу». Караул и горнисты на левых шханцах.

На продольном мостике стоял настоящий командир, не принимавший участия в торжестве и откупившийся по обычаю тем, что всем участникам пожаловал по чарке вина и отдельно золотой фунт в распоряжение Нептуна. К тому же командир уже переходил экватор. Рядом с ним стоял наш батюшка, который по обычаю в этом не участвует. На переднем ходовом мостике остался вахтенный начальник, рулевые и сигнальщики, которым предстояло «крещение» после вахты.

Остальные все и офицеры, и команда приняли участие в торжестве. Нептун сопровождаемый «командиром», все время держащим руку под козырек, величественно направился по фронту команды. Амфитрита шла рядом с ним, бросая жгучие взоры во впившиеся в нее взгляды этих сотен людей. Сзади маленький чертенок нес трезубец, затем следовала свита, причем «наяды» и «черти» играли лихой марш.

«Здорово первая вахта», раздался громовой голос Морского Царя. «Здравия желаем Ваше Королевское Величество»

рявкнули в ответ сотни голосов. Нептун двинулся по фронту офицеров. Те стояли вытянувшись в струнку, держа руки в белых перчатках, у козырька. Нептун милостиво кивал головой. Амфитрита не могла удержаться, чтобы не «сыграть» роль: – «Ах, какие хорошенькие!» вскрикнула она пискливым голоском, проходя по фронту мичманов. «Молчи стерва», пробасил ей полушепотом Нептун.

«Здорово караул и горнисты» донеслось с левых шханцев. Затемъ: «Здорово вторая вахта» и наконец, дудка – «команда на шханцы».

Нептун и Амфитрита торжествено уселись на золотые троны, установленные к этому моменту на правых шханцах; у подножья трона живописной пленительной группой разлеглись наяды, кругом тронов встали черти, черномазые, полуголые, с красными рогами на головах, сзади тронов стояли «морской подшкипер» с невероятно измалеванной рожей, «астролог», «советник царя морского» и еще кто-то из «лиц свиты».

«Советник» принял из рук «командира» список г.г. офицеров и громким голосом начал выкликать «старший офицер, гвардейского экипажа старший лейтенант Кожевников». Выкликаемый выходил из группы офицеров и, взяв под козырек, отвечал: «есть». Нептун, стукнув трезубцем о палубу, спрашивал его: «проходили через экватор?» «Никак нет, Ваше Королевское Величество».

После этого на голову очередной жертвы выливался маленький котелок жидкой водяной краски, к нему подходили два черта с огромной деревянной бритвой и начинали сбривать краску. Затем человек десять чертей подымали его высоко над головами, хор наяд и чертей исполняли куплет, составленный для данного лица, или специальности и при громких криках несли на левые шханцы. Там был натянут вдоль продольного мостика громадный парус, наполненный водою. Глубина этого искусственного басейна была вероятно

больше сажени. Черти с воплем бросали свою жертву в парус, и та плыла в полной одежде с фуражкой на голове на другую сторону, где другая группа чертей вытаскивала ее из воды.

Вот очередь и нас артиллеристов. – «Проходили экватор?» «Никак нет, Ваше Королевское Величество». По голове льется густая синяя и белая краска. Деревянная бритва смазывает ее. Меня и лейтенанта Гессе подымают могучие руки чертей, слышен визг, вой и пение; –

«Что там на море гудит, да гудит,
да гудит.
Артиллерия палит, да палит да...»

«Ура-а-а!» Несут. Еще минута и мы оба брошены в парус, плывем и на той стороне нас вытягивают. Кончено, теперь уж больше никогда в жизни не придется делать это испытание. Мы стали настоящими моряками.

А там на правых шханцах опять вой, опять крики, опять песни, понесли минеров, штурманов, инженер-механиков.

«Ура-а-а! Ура-а-а!» гулом несется по всему кораблю. Команда возбуждена. Ведь мы природные артисты и все, что касается «игры» у нас русских всегда выходит великоленно и с большим талантом.

«Кто баском кричит ура,
Это наши доктора.
Жура, жура журавель,
Журавушка молодой...»

Понесли доктора. Ну, с офицерами конец. Теперь черти примутся за команду.

«Выкупать их всех гуртом», рявкнул на всю палубу Нептун. Черти загоняют команду на шханцы. Они рыщут по всему кораблю, чтобы убедиться, что никто не спрятался.

Маленький чертенок – Володька, уморительный в своих красных штанишках и рожках, детским пискливым голосом вопит откуда-то с вентиляторной трубы, куда он забрался: – «Черти, черти, лови его, вот утек! Смотри на рострах прячется, под досками! Ловящего! У-ху! Лови!» Черти скаля белые зубы на черных рожах, несутся на ростры, выволакивают оттуда какого-то «духа», как назывались у нас трюмные, которых редко можно было даже увидеть на верхней палубе.

Команда, как стадо баранов, согнана в кучу и жмется, оглядываясь со смехом и с любопытством на чертей, которые плотным кольцом окружили ее. «Качай пожарная» доносится откуда-то голос. Каскады соленой морской воды льются прямо в толпу людей. Визг. Хохот. Иногда крепкое словечко. Видимо люди искренно рады этому представлению.

Однако, в одном месте, едва не произошла драма. Пришедшие в азарт черти, забрались в камбуз, и хотели вытащить оттуда кока. Вдруг последний схватил нож и, уставившись фанатическим фиксирующим взглядом на чертей иступленно заявил: «Подойдите только! Или вас переколю, или себя жизни лишу, а душу свою на эту дьявольскую забаву не отдам. Я человек крещеный».

К счастью вбежавший офицер увидел во время эту сцену и «вышиб» чертей вон; кок был старообрядец, и не вмешайся офицер, дело могло бы кончиться плохо.

На «Чесме» тоже видны потоки воды, вылетающей из пипок бранспойтов и пожарных шлангов.

Наконец, к спуску флага шум и гвалт кончаются. В свое время подсменили вахтенных и их тоже выкупали.

Наконец, сам Нептун со своей свитой тоже плюхнулись в парус.

Смотря на нашу команду, я поражался до чего она легко заражается азартом, и до чего она чувствительна к «игре».

По-видимому, действительно в нашем народе заложено что-то, что заставляет его всегда искать свой идеал, где-то вне

реального. Ни у кого я не видел такой любви, такой склонности к театру и к музыке, как у нас.

Мне приходилось видеть игру матросов, в маленьких пьесках разыгрываемых иногда на кораблях. Они удивительно быстро осваивались с ролями; и очень любили эти спектакли.

Но вот спустилась ночь. Первая ночь в южных широтах. Нам еще долго идти открытым океаном. Зато в этой области – так называемой штилевой полосе, нам не угрожают ни штормы, ни страшные ураганы, которыми славится Индийский океан в своей южной части.

В кают-компании по случаю перехода через экватор устроили маленький ужин.

Разошлись спать скоро, ибо завтра опять рано вставать и опять пойдут артиллерийския учения, затем тревоги по проверке «пожарного» и «водяного» расписания[27].

Далее потребуется еще до прихода дать команде время «ходить в большие и малые чемоданы»[28]. В этих занятиях и работах пройдут, по меньшей мере, три дня.

11-го августа 1916 года, рано утром на горизонте открылись синевато-зеленые силуэты Сейшельских островов.

Эта группа лежит к югу от экватора и заключает 29 островов, не считая отдельных скал. Они все принадлежат Англии. Самый большой из них остров Махэ является администра-

---

[27] Пожарная тревога бьется в случае пожара; имеется особое расписание, где каждому указывается, что делать в этом случае.

«Водяная тревога» бьется в случае пробоины, угрожающей гибелью корабля. По «водяному» расписанию каждому указывается точно, где и на чем он должен спасаться в случае оставления корабля.

[28] Команда имеет для своих вещей парусиновые чемоданы: «малые», которые хранятся в живом помещении и которые матрос может брать каждый день, и «большие», которые заперты в особом помещении. Обычно, раз в неделю назначается время, когда команде разрешается «ходить» в большие и малые чемоданы, чтобы осмотреть свои вещи, зачинить что надо и т. д.

тивным центром, на нем же находится порт Виктория, в который направлялись наши корабли.

Там нам был заготовлен по телеграфу запас угля и там же мы должны были произвести стрельбы, последние перед приходом на театр военных действий.

Трели унтер-офицерских дудок известили нас об аврале. Затем, знакомый веселый дружный крик: – «все наверх, на якорь становиться» показал, что наш поход окончен. Бегу наверх на свое место по авралу.

«Чесма» и «Варяг» входят в прекрасную бухту на острове Махэ. Остров очень живописный. Он покрыт горами. На берегу видны густые рощи огромных пальм.

Рейд совершенно пустынный. Эти острова лежат на путях в южную часть Индийского океана, на остров Мадагаскар, Острова Соединения и другие. Торговые суда заходят сюда сравнительно редко, хотя торговля Сейшельских островов значательна. Отсюда вывозится много кокосовых орехов, копры и пальмового дерева.

«Из левой бухты вон», раздался голос старшего офицера: «отдать якорь». Грохот якорного каната, белая пена за кормою от работающих задним ходом винтов, и крейсер остановился, как вкопанный, застыв на дивной, прозрачной поверхности моря.

Поход через экватор окончен. Было 9 часов утра 11-го августа 1916 года.

Сейшельские острова – Стрельбы

Удивительно уменье англичан колонизировать различные страны. Сейшельские острова, как и ряд других островов Индийского океана были когда-то французскими колониями.

Одним из результатов французской революции 1789 года, была потеря Францией этих колоний и переход их в руки Англии. В то время, когда «Чесма» и «Варяг» были в порту

Виктория, вековая вражда англичан и французов уже не имела места. Оба эти народа боролись за общее дело. Оба в своих газетах и книгах взаимно восхваляли друг друга.

Между тем на острове Махэ мы нашли отголосок этой старой вражды. Население Сейшельских островов резко разделяется на три группы: – Администрация – это англичане, живущие совершенно отдельно от остального населения, плантаторы – это французы, бывшие колонисты на этих островах. Те из них, кто встречался нам, были роялистами, сохранив до наших дней неприязнь к французской революции, и наконец туземное население, состоящее из привезенных с материка негров и местного туземного негро-индуского населения.

Французские колонисты встречали нас очень тепло, как союзников Франции. Они подчеркивали свою холодность к английскому губернатору и английским властям. Однако, когда мы задавали им вопрос будут ли они рады, если Англия после войны вернет Сейшельские острова Франции, то они говорили, что это будет для них неприятно, так как у них на островах живут так хорошо, благодаря удивительной способности английской администрации все хорошо организовывать. «Англичане умеют управлять», говорили они нам. «Мы их не любим, но менять их правление на существующее ныне во Франции! Этого мы не хотели бы».

Из этих разговоров я понял силу британского гения и его приспособляемость к различным условиям. Культурные французы Сейшельских островов, питая антипатию к Англии и к англичанам, тем не менее были настолько довольны английским управлением этих островов, что боялись, если-бы им пришлось подпасть под власть любимой ими родной Франции. Я уверен, что самые дикие народы, находящиеся под властью Англии, в душе испытывают то же самое.

Достаточно свергнуть британскую власть в ее малокультурных колониях, и я убежден, что в этих колониях начнется

резня, взаимное истребление и наконец, одичание до того уровня, в каком они были до прихода англичан.

В этой способности Англии, по-видимому, и кроется ее мировая миссия. Она прежде всего вносит в свои колонии порядок, закон, ясное распределение прав и обязанностей и неуклонно подымает общий уровень культуры народных масс, сразу же создавая для этого превосходные пути сообщения, прекрасные плантации и различные конторы. Те из туземцев, которые неспособны воспринять эту культуру, очень страдают и англичане их не щадят, но те, кто способен эволюционировать, те постепенно получают все, что является обычным для культурного человека.

Принцип политических правъ, свобод, самоопределения и прочее, в английском понимании как раз обратен тому, как он понимался в России. У нас обязательно «все», считалось необходимым дать «всем», и поэтому все тонкое, культурное, одаренное непременно принизить до животного уровня «трудящихся масс». Англичане делают наоборот. У них, каждый может достичь того же, чем пользуется и любой англичанин, но при одном, и при том очень трудном для дикаря или полудикаря условии, быть не только «образованным», но обязательно воспитанным и культурным, то есть достойным тех прав и примуществ, которые дает культура. Однако, эти права и преимущества прежде всего требуют достижений, развития, воспитания, а не обратного возвращения в дикое состояние, как это понималось нашими «народниками».

И вот, поняв это свойство англичан, я начал понимать их отчужденность от всего, что по их понятиям ниже уровня их культуры. Вот почему в их колониях мы увидели, так поразившее нас, неравенство между белыми и цветнокожими.

Британские власти встретили нас на этих островах прекрасно. Оказалось, что на кладбище порта Виктории имеется могила русского врача с крейсера «Разбойник».

Этот крейсер заходил на Сейшельские острова, если не ошибаюсь, в начале 90-х годов прошлого столетья.

«Разбойник» был такой же паровой клипер, как и знаменитые, описанные Станюковичем, клиперы 60-х годов, в бытность Генерал-Адмиралом Флота Великого Князя Константина Николаевича.

Один из таких клиперов – «Опричник», под командой капитан-лейтенанта Селиванова в 1861 году вышел из Батавии в Индийский океан и во время страшного урагана пропал без вести со всем своим личным составом. Тогда не было ни радиотелеграфа, ни тех мощных судовых машин, которые могут бороться с каким угодно ветром – и «Опричник» погиб. Когда мы молились на могиле доктора с «Разбойника», мне всромнилась эта трагедия из прошлого нашего флота.

Англичане, еще до нашего прихода, повидимому специально для нас, отделали заново эту забытую могилку.

Вокруг нее была ими сооружена железная ограда, выкрашен заново крест поставленный «Разбойником» и вся могила была усажена цветами. Когда мы служили на ней панихиду, все английские официальные лица, начиная с губернатора, присутствовали на этой панихиде и с большим благоговением молились с нами.

Пребывание наше на Сейшельских островах, адмирал решил использовать и дать нам время для артиллерийских стрельб. Британские власти любезно предоставили нам полную свободу в этом деле и адмирал приказал произвести стрельбы учебные, боевые и полубригадные.

Не имея возможности сделать щиты, а тем более буксируемые щиты, мы воспользовались тем, что в океане около острова Махэ, разбросано много надводных скал и решили стрелять по ним, как по неподвижным щитам.

Эта серия стрельб, произведенных «Чесмой» и «Варягом» на Сейшельских островах, дает мне некоторое основание

ознакомить моих читателей с сущностью артиллерийской стрельбы на море.

Если на суше, в наш век развитой техники, артиллерия является «царицей полей сражений», то в современном флоте, несмотря даже на успехи гидроавиации и подводного плавания, значение артиллерии не меньшее, если даже не большее.

Ядром современного флота являются линейный корабль и линейный крейсер. Главную силу этих кораблей составляет артиллерия самых больших калибров. В минувшую войну самыми крупными, были орудия 15 дюймового калибра.

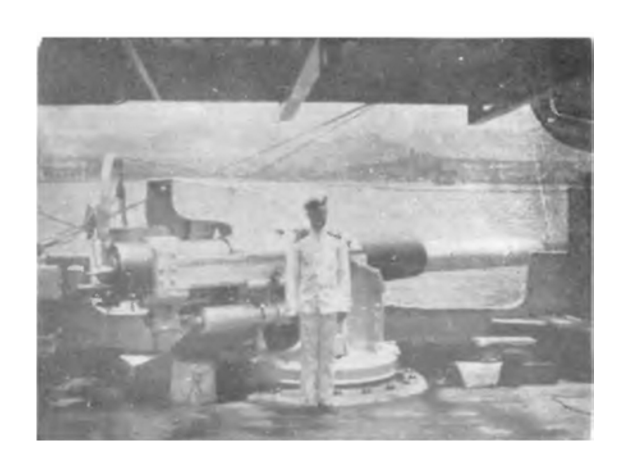
Вес, например, нашего 12 дм. снаряда у новой пушки кораблей типа «Севастополь», был около 25-ти пудов. Снаряд английского 13½ дм. орудия весил около 35 пудов. Он развивал, в момент вылета из дула, мощность равную 22.150 тоннометрам. Эту мощность мы можем наглядно вообразить, если представим себе громадный корабль, водоизмещением в 22.150 тонн, поднятый невидимой мощной рукою на высоту в один метр. Для подъема такого корабля на эту высоту потребовалась бы именно та живая сила, которую развивал у дула снаряд 13½ дм. орудия.

Из этих кратких цифр, читатель может себе представить, какую мощь представляет собою современная морская артиллерия. Если мы к этому прибавим, что для удовлетворения требования скорострельности, наша русская 12 дм. пушка в 52 калибра длиною, установленная на кораблях типа «Севастополь», делала 2 выстрела в минуту, то становится понятным, сколько вспомогательных механизмов должно существовать для заряжения, наводки и для управления этими гигантскими орудиями.

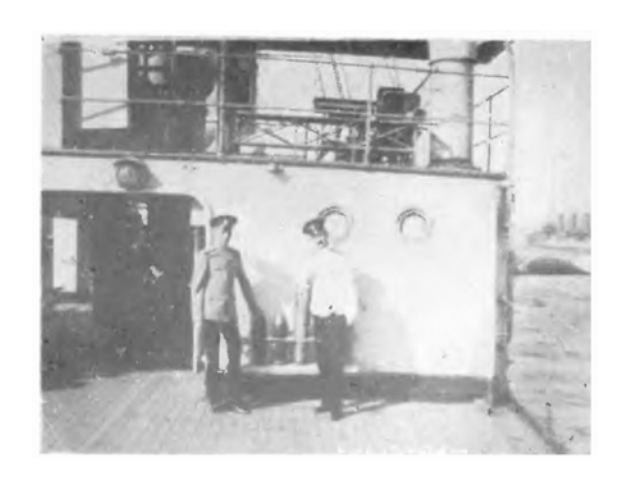
Но кроме главной артиллерии, на линейных кораблях и линейных крейсерах, была еще, так называемая, противоминная артиллерия, служащая для отражения минных атак.

Если в период Русско-Японской войны противоминная артиллерия была не выше 75 м/м калибра, то в виду увеличения размера миноносцев к началу войны 1914–18 гг. противоминная артиллерия достигла уже 6 дм. калибра и вес снарядов этих пушек в нашем флоте был равен 101¼ фунтов или около 2,5 пудов.

Наш старенький «Варяг» был вооружен XII–6 дм. пушками в 45 калибров длиною, системы Кане. Это орудие было уже устарелым, но при новых снарядах, снаряженных тринитротолуолом, и при переделанных подъемных механизмах, дальность и мощность этих пушек значительно возрасла. Кроме того, наш старший артиллерийский офицер гвардейского экипажа лейтенант Гессе, во Владивостоке, установил носовые и кормовые орудия, стоявшие по бортам, в диаметральной плоскости на полубаке и на юте. Благодаря этому вместо 6-ти пушек на борт мы получили 8, и, следовательно, увеличили свой бортовой залп на 2 орудия.

6-ти дюймовое орудие на «Варяге»

На «Варяге». Кранцы со снарядами

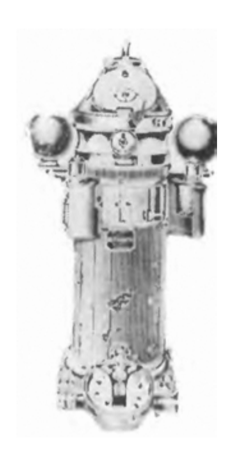

Учение у 76 м/м. пушки на «Варяге»

Так как по теории управления огнем наивыгоднейшей комбинацией для пристрелки и для залповой стрельбы является залп в 4-ре орудия, то «Варяг» получил, благодаря этой переделке возможность стрельбы один за другим, двумя 4-х пушечными залпами.

Если принять во внимание, что наши люди были натренированы так, что легко давали 4-ре выстрела в минуту, из 6-

ти дюймовой пушки, то можно было расчитывать, что мы легко выпустим 8-мь четырех пушечных залпов в минуту, или примерно 80 пудов 6-дюймовых снарядов в одну минуту.

Компас

Кроме 6 дм. орудий у нас было еще X–76 м/м (3 дм.) японских пушек. Но дальность их была незначительна и они годились только для стрельбы по подводным лодкам и для растрела плавающих мин.

Для стрельбы из орудий морской артиллерии употребляется бездымный порох, изготовленный из нитроклетчатки, хлопок обработанный смесью серной и азотной кислот.

Нитроклетчатка обрабатывается ацетоном или смесью алкоголя с эфиром или же нитроглицерином.

В первом случае получается – пироксилиновый порох, специально выработанный в нашей научно-технической лаборатории под руководством знаменитого русского ученого профессора Д. И. Менделеева.

В английском и японском флоте был нитроглицериновый порох.

Одним из главных недостатков бездымных порохов является их способность разлагаться при повышении температу-

ры выше определенного градуса. Нитроглицериновый порох кроме того опасен еще при очень большом понижении температуры.

Между прочим русский бездымный порох считался лучшим в мире[29]. У нас очень редки были случаи его разложения.

В иностранных же флотах было много несчастий на этой почве. Так в сентябре 1905 года на японском броненосце «Миказа», стоявшем на якоре в Сасебо возник пожар и затем взорвались пороховые погреба. Корабль затонул на мелком месте, впоследствии он был поднят и исправлен. На нем было убито 5 человек, ранено 343 и утонуло 251 человек. В 1907 произошел взрыв Пороха в 8 дюймовой башне японского броненосца «Кашима». 12 марта 1907 года взорвались погреба на французском броненосце «Иена»: убит командир, 7 офицеров и 110 матросов; ранены: 3 офицера и 32 матроса. В 1908 году был взрыв погребов на японском крейсере «Матсушима». 25-го сентября 1905 года погиб от неожиданного взрыва пороховых погребов французский броненосец «Либерте», стоящий на якоре на Тулонском рейде. Из личного состава этого корабля утонуло и было убито 133 человека, 91 человек было ранено. На соседних судах, стоявших на рейде, было убито 210 человек, 136 человек были тяжело ранены и 45 легко ранены.

Будучи хорошо знакомыми с нашим порохом и привыкнув к обращению, с ним, мы, конечно, не вполне доверяли японскому нитроглицериновому пороху, которым были снаряжены патроны наших 76 м/м пушек. Но слава Богу, за все плаванье в тропиках никаких опасных явлений с этим порохом не было.

Как я писал выше, недостатком «Варяга» было отсутствие у него надежной вентиляции бомбовых и пороховых погре-

[29] В нем стабилизатором был дифениламин.

бов. Кроме того у него, конечно, не было того, что необходимо на каждом военном судне – это охладительных машин, так называемых аэрорефрежираторов для охлаждения воздуха, гонимого вентиляторами в погреба. Однако, слава Богу, удалось и с наличными средствами избежать повышения температуры в погребах.

Из этого краткого очерка, я думаю, вы поняли мои читатели, какой сложной организацией является управление и обслуживание артиллерии на военном корабле, даже на таком устарелом и маленьком, как «Варяг». Вы понимаете, что морские офицеры артиллерийской специальности, равно как и, подчиненные им артиллерийские и гальванерные кондукторы, артиллерийские унтер-офицеры, гальванерные унтер-офицеры, комендоры, гальванеры, хозяева погребов, прислуга орудий и подачи, должны знать в совершенстве материальную часть всей артиллерии и всего, что ее обслуживает (вентиляция, электродвигатели для подачи и управления орудиями, приборы управления артиллерийским огнем и т. п.). Отсюда следует, что современный морской артиллерийский офицер должен быть в сущности инженером, ибо слишком сложна и обширна та техника, с которой ему приходится иметь дело.

Но, кроме знаний технических, артиллерийскому офицеру на корабле еще надо знать в совершенстве управление огнем артиллерии. Это дело тоже не очень простое, особенно в ее теоретической части.

До Русско-Японской войны считалось, что дистанции боя будут, весьма небольшими. Например, дальней дистанцией считалось 25 кабельтовых, т. е. около 4,4 верст.

Между тем 12 дм. орудие того времени, если ему придать большой угол возвышения, могло стрелять на расстояние около 90 кабельтовых, т. е. около 15,8 верст. Уже к началу минувшей войны выяснилось, что даже эти старые орудия мо-

гут стрелять до 20 верст. Наша новая 12 дм. пушка на корабле ставилась для стрельбы на дальность свыше 120 кабельтовых, т. е. около 21 версты. На береговых установках эти пушки могли стрелять гораздо дальше, равно как и при специальных условиях на корабле (например, с якоря, придавая кораблю искусственный крен).

Поэтому естественно, что на требования тактики, до Русско-Японской войны, техника ответила и методами стрельбы удовлетворяющими эти условия. Так как на заданных малых дистанциях меткость орудия, могущего стрелять на большие дистанции огромна, то стрельба была «индивидуальная». Комендор-наводчик он же хозяин орудия[30], получив из рубки от управляющего огнем офицера, данные прицела (дальности) и целика (бокового отклонения) – «сам» устанавливал прицел, «сам» наводил пушку и «сам» стрелял, причем ему же вменялось в обязанность и самому «следить» за своими «попаданиями», а равно он же отвечал и за все свое орудие и за людей, которые составляли его прислугу.

Горький опыт Русско-Японской войны вызвал в нашем флоте усиленную работу по этим вопросам. Задания тактики в корне изменились. Боевые дистанции – суть дистанции предельной дальности орудий и практической видимости в открытом море. Наш флот начал учиться стрелять на таких дистанциях, на каких еще никто не стрелял. Ясно, что на громадных расстояниях комендор-наводчик не только не может следить за попаданиями своего снаряда, но саму-то цель он видит едва только, чтобы иметь обеспеченную точку наводки.

Началась диференциация заданий, характерная вообще для всякой современной сложной техники.

Во-первых, наводчик был освобожден от всякаго участия и ответственности в заряжении и в заведывании орудием.

[30] Старший из прислуги орудия.

Это было доверено специальному артиллерийскому унтер-офицеру, которому и подчинялась вся прислуга орудия. Затем, сам наводчик, как бы разделился на два. Один (лучший) получил задачей наводить орудие только вертикально, а другой (как бы его помощник) наводил орудие лишь горизонтально.

Оба наводчика ставились на особые площадки, прикрепленные к орудию, и имели выверенные оптические прицелы.

Когда тот, кто наводит орудие горизонтально, наведет его, то наводчик, наводящий вертикально, увидит в своем прицеле цель и ему остается только подвести горизонтальную нить прицела к точке наводки так, чтобы пересечение нитей в прицеле совпало с точкой наводки. Как только это совершилось, он может стрелять (если о том дан сигнал), нажав висящую у него на руке звонковую кнопку, от которой электрическим током воспламеняется особая трубка, взрывающая пороховой заряд.

Наконец, для установки прицела, как по прицелу, так и по целику, был поставлен специальный человек – «установщик прицела», причем самую установку он производил не произвольно, а совершенно механически, по особым механическим указателям из боевой рубки.

Так схематически можно изобразить те изменения в управлении и наводке орудий, которые произошли после Русско-Японской войны.

Познакомившись кратко с сущностью стрельбы из орудий на корабле, мы перейдем к основанию самой стрельбы, так, как она велась по требованиям после Русско-Японской войны.

В безвоздушном пространстве снаряд описывает кривую, называемую в математике параболой. В воздухе траектория снаряда изменяется под влиянием сопротивления воздуха.

Если мы выпустим снаряд из орудия и проследим точку, в которую он упал, то выпустив, под тем же углом второй сна-

ряд, мы казалось бы должны попасть в ту же точку. Однако на практике этого не бывает, и путь второго снаряда окажется, обычно, отклоненным от пути первого. Это происходит от различных причин. Например, вес второго снаряда не абсолютно такой, как первого, качество пороха второго заряда отличается от первого, состояние атмосферы при втором выстреле окажется другим и т. д.

Так или иначе, опыт показывает, что при стрельбе с одинаковой установкой прицела траектории, выпущенных подряд снарядов, образуют пучек, в пределах которого они все и умещаются. При увеличении числа выстрелов, мы видим, что и остальные траектории умещаются в этом пучке и только случайные отдельные снаряды оказываются вынесенными из него.

Если центр пучка верно направлен в цель, то чем меньше будет площадь сечения пучка, чем, плотнее он будет, тем больше снарядов ляжет в цель. Но, если центр пучка будет направлен неверно, то как бы мы ни сжимали самый пучек, все снаряды лягут мимо цели.

Таким образом, задачи стрельбы свелись к следующим двум целям:

1) Правильно навести пучек траекторий, (а не одиночные траектории, как было до Русско-Японской войны).

2) По возможности сгустить его.

Во флоте первая задача исполняется «офицером, управляющим огнем», а вторая, помянутыми мною выше, комендорами-наводчиками.

Таким образом, артиллерийский офицер должен еще быть и «управляющим огнем». При этом и здесь произошло разделение труда. Каждым калибром управляет свой офицер. Так, если на корабле имеется, скажем, как на «Варяге» – 6 дюймовые орудия и 76 м/м. орудия, то первыми управляет один артиллерийский офицер, а вторыми другой.

Дело наводчика (я все время говорю о первом наводчике, т. е. наводящем вертикально орудие) точно наводить пушку в определенную, указанную управляющим огнем, точку прицеливания и стрелять лишь тогда, когда прицел точно наведен на эту точку. Эта, казалась бы, простая обязанность, на практике чрезвычайно сложна; надо учесть, что и наш и неприятельский корабль движутся, наш корабль часто испытывает качку, установка прицела, благодаря изменениям условий стрельбы, все время меняется.

При этом положении удерживать цель все время на прицеле, не прозевать сигнала о залпе и не волноваться от грохота выстрелов, оказывается совсем не так легко.

Еще сложнее обязанность управляющего огнем офицера. Он, как указано выше, обязан направить центр пучка траекторий снарядов на неприятеля, учитывая движения своего и неприятельского корабля, влияние ветра, качки и других условий стрельбы. Единственным надежным критерием правильности его действий, является внимательное наблюдение, или непосредственно или с помощью офицеров-наблюдателей, расположенных на наблюдательных постах (на мачтах) за тем, как падают его снаряды вокруг цели.

При современных огромных расстояниях до цели, наблюдение это связано с чрезвычайными трудностями.

Таким образом, мы видим, что в стрельбе корабля, главными участниками являются офицеры управляющие огнем и комендоры-наводчики.

Тренировка тех и других в своем деле и составляет главную цель учебных стрельб.

Так как задачи комендора-наводчика и офицера, управляющего огнем различны, то и стрельбы для комендоров и для офицеров, управляющих огнем, должны быть организованы различно.

Для стрельбы комендоров, не считая подготовительных к тому стрельб ружейными стволами и приборами-отметчи-

ками, обычно корабль проходит мимо колонны щитов и стреляет по ним; размеры щитов таковы, что при данной дистанции, если комендор идеально наводит, он должен дать в щит 100% попадания. Такие стрельбы сразу выделяют тех комендоров, глаз которых особенно верен. В мирное время кроме этих, так называемых, «комендорских» стрельб, производилась еще комендорская стрельба на Императорский приз, при которой, лучший в данном флоте комендор получал золотые часы с государственным российским гербом на крышке.

Когда все комендорския стрельбы пройдены, то корабль переходит к «управляемым стрельбам». Эти стрельбы ведутся уже на боевых дистанциях и по щитам или неподвижным или буксируемым и оценкой их является не только количество попадания в щит, но главным образом «число попаданий в минуту». Чем больше снарядов попало в данную цель, тем лучше конечно, но еще важнее, чтобы эти снаряды попали бы в возможно краткий промежуток времени.

Таковы кратко, те требования, которым должны были удовлетворять стрельбы флота после опыта Русско-Японской войны.

Еще остается добавить о важной роли плутонговых командиров, о которых я упоминал выше.

Каждый офицер, кончивший Морской Корпус, должен был быть подготовлен к исполнению двух специальных обязанностей – 1) быть младшим штурманом и 2) быть плутонговым командиром, т. е. командиром батареи.

Плутонг означает группу (батарею) орудий одного калибра, способных выполнить самостоятельную задачу. Вся артиллерия корабля разбивается на такие плутонги, причем в каждом из них обычно не менее 2-х пушек. Каждый плутонг находится под командой офицера, который называется плутонговым командиром. Плутонговые командиры являются непосредственными помощниками артиллерийских офицеров по обучению своего плутонга и по управлению огнем.

Пока это управление идет из боевой рубки, (так называемое централизованное управление огнем) плутонговые командиры только следят, чтобы все распоряжения и сигналы из рубки точно и быстро исполнялись. Однако, бывают случаи, когда приходится вести огонь децентрализованно (например, отражение минной атаки ночью с разных румбов, необходимость разделить огонь по противникам находящихся на разных бортах и т. д.).

В таких случаях, по особому сигналу, соответствующий плутонговый командир начинает стрелять из своего плутонга самостоятельно и сам управляет огнем. Таким образом, плутонговые командиры должны в совершенстве знать материальную часть артиллерии своего плутонга, устройство всего отсека, где находится его плутонг и, наконец, уметь управлять огнем своего плутонга. При хороших плутонговых командирах и при лихих их помощниках артиллерийских унтер-офицерах, отчетливость стрельбы и дисциплина огня могут быть доведены до большого совершенства, при развитии самой максимальной скорострельности, которую только может дать артиллерия данного типа.

Теперь я думаю мои читатели, получили понятие о том, что надо проделать, чтобы иметь право выйти на комендорския и управляемые стрельбы. Весь поход «Чесмы» и «Варяга» до Сейшельских островов мы использовали главным образом для того, чтобы натренировать плутонговых командиров, комендоров и прислугу подачи. Теперь настало время проверить все сделанное на опыте и, конечно, мы все очень волновались.

Как с «Чесмы», так и с «Варяга» артиллерийские офицеры совместно отправились на катере выбирать надводные скалы, пригодные для стрельбы. Так как для комендорских стрельб нужен ряд щитов (колонна щитов), то отыскали кажется четыре маленьких надводных скалы, которые могли бы играть эту роль.

Составили росписание стрельб для «Чесмы» и для «Варяга» и приступили к выполнению нашей программы.

Так как на «Варяге» не было никаких современных приборов управления огнем, ни новейших приборов, как «указатель курсового угла», «указатель числа стрелявших орудий» и других, то мы со старшим артиллерийским офицером, по пословице «голь на выдумки хитра», кое-что сделали своими средствами. Особенно возмущал наших соперников минных офицеров прибор, который назвали в шутку «Патентованный указатель Гессе, изготовленный мастерскими Климушкина (наш плотник)». Этот прибор был из деревянных реек, занимал почти всю боевую рубку, так что ни командиру, ни остальным почти невозможно было двигаться и надо было стоять наклонив головы. Этот прибор исполнял роль «указателя курсового угла кап. II ранга Ивкова», принятого у нас во Флоте. Как ни уродливо было наше сооружение, оно давало возможность маневрировать на нужных курсовых углах, но смеха и воркотни в рубке было много.

Первая комендорская стрельба «Варяга» по колонне надводных скал, прошла прекрасно. Оказалось, что несмотря на отсутствие практики, большинство комендоров сохранило и верность глаза и спокойствие при стрельбе. Грохот выстрелов с утра и до вечера разносился по мирной бухте острова Махэ. Снаряды с противным кряканием хлопались о скалы, взбрасывая отщепленные кусочки или же взмывая высоко всплески воды. «3-я группа» наблюдателей болтавшаяся на катере на створе линии щитов, подойдя к ним для счета попаданий увидела, что попавшими в воду снарядами были оглушены рыбы, которые плавали на поверхности брюхом кверху. Рыбы были самых удивительных пород.

По окончании комендорских стрельб мы приступили к управляемым стрельбам. Они, слава Богу, были тоже приличны. Ни артиллерийские офицеры, ни плутонговые ко-

мандиры не потеряли навыка в управлении огнем. После этого адмирал еще сделал одну полубригадную стрельбу, где мы стреляли вместе с «Чесмой», причем наша 6 дм. артиллерия стреляла «очередными» залпами с артиллерией «Чесмы» по одному щиту. И эта стрельба оказалась приличной. Жаль было только, что 12 дм. орудия «Чесмы» стреляли слишком медленно. Переделать их установки ни во Владивостоке, ни тем более на походе было невозможно.

Теперь, когда мы были уверены в своих силах и были спокойны за стрельбу наших комендоров, оставалось еще доучить «наблюдателей за подводными лодками». Для этого по обоим бротам ставилось определенное число людей на верхней палубе; каждому наблюдателю давалось определенное направление, по которому он должен был смотреть в бинокль и, если он увидит подозрительный предмет на поверхности воды, то он спокойным, но громким голосом должен был крикнуть – такой то борт и цифру направления.

Выучить каждого точно знать цифру, показывающую курсовой угол на подозрительный предмет и была наша задача. Наблюдателями выбирались матросы с зорким зрением, толковые. Число наблюдателей было с расчетом, чтобы они могли стоять на две смены.

Надо было видеть с каким рвением наши плутонговые командиры и назначенные в наблюдатели молодые матросы занимались этим скучным делом.

«Понимаешь Лапов, какое тебе дело доверено? Увидишь во время перископ, крикнешь точно и спокойно свой борт и номер твоего направления и артиллерийский офицер сразу накроет место, где находится лодка и ей конец и наш корабль спасен», рассказывает в одном месте молодой мичман своей группе наблюдателей. «Понимаю, ваше высокоблагородие» – бодро говорит Лапов.

«Главное, когда смотришь не натруди глаза, чтобы не стало что мерещиться; смотри в бинокль, обводи свой сектор, а

затем оторвись, посмотри просто глазом или даже закрой на секунду глаза, чтобы дать им отдых», объясняет на баке другой группе лейтенант, командир носового плутонга.

Особенно трогательно было видеть, как про борьбу с подводными лодками разсказывали инженер-механики своим людям. Как кочегарам, в случае взрыва корабля, надо вытравить пар, как, выкачивать воду из взорванных отсеков, как наконец, при водяной тревоге выходить наверх и спасаться. Жутко было сознавать, что если людям находящимся на верхней или в жилой палубе можно надеяться на спасение, то бедным кочегарам, сидящим в преисподней, надежды на спасение было мало. И несмотря на это молодые лица кочегаров и машинистов были также веселы и наивны, также улыбались они, как и комендоры, как сигнальщики и другие. Они также бодро спрашивали: «А скоро ли ваше высокоблагородие придем в Средиземное море? Может будем в Дарданеллах драться? Вот было бы фартово, лучше чем, ежели на Мурман погонятъ!»

Здесь, на Сейшельских островах, мы почувствовали, что поход не прошел даром, что время мы использовали, как могли, и что и мы, и наши люди, готовы к приходу на театр военных действий.

По окончании стрельб адмирал разрешил нам и команде отдохнуть.

Мы на «Варяге» решили съездить на берег осмотреть остров Махэ, а затем сделать для нашей команды пикник с рыбной ловлей на берегу.

Взвейтесь соколы орлами

Взвейтесь соколы орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами,
В поле лагерем стоять.

Лагерь – город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят.

Взвейтесь соколы орлами и т. д.

А заря едва проглянет,
Строй пехотный закипит,
Барабаном дробью грянет
И штыками заблестит.

Взвейтесь соколы орлами и т. д.

Погрозилися войною,
Богатырская игра.
Крепко строй пойдет стеною,
И прокатится «ура».

Взвейтесь соколы и т. д.

Рыбная ловля

Часть наших офицеров, перезнакомившись с французскими колонистами ездили к ним по вечерам. Там они слышали интересные рассказы о заселении этих островов выходцами из Франции, о страданиях бедных колонистов во дни французской революции, о их нынешней жизни под властью Англии. В домах этих колонистов много говорили о литературе и о науках, там пришлось слышать прекрасную музыку и пение. Особенно нравились нашим офицерам старинные французские романсы, почти забытые уже, но сохранившиеся у этих обитателей островов. Приятно было говорить с ними до того прекрасен их язык, сохранивший все обороты и все тонкости старого французского языка.

Удивительна в общем жизнь белых людей на этих островах. Остров Махэ, поверхность которого равна всего 2,1 кв. миль,

самый большой из них. Он покрыт рощами роскошной, так называемой сейшельской кокосовой пальмы. У нее громадные орехи с очень вкусным ядром, наполненным белым молоком. Лично мне, по правде говоря, это молоко не нравилось, но ядро ореха я ел с большим удовольствием; наш кок делал из него прекрасное сладкое блюдо.

Остров Махэ покрыт холмами и горами. Самая высокая вершина на нем подымается на 3.240 футов над уровнем моря.

На автомобиле мне удалось объехать весь остров кругом, любуясь прекрасными пейзажами и красотою бьющегося о прибрежные рифы океана. На пути мы посетили британскую военную радио-теле-графную мощную станцию.

Начальник ее морской офицер привествовал нас самым радостным образом и дал послушать «на слух» знаменитое «ку-ку-ку» Парижской станции Эйфелевой башни. Великое изобретение нашего времени – радио-телеграф в минувшую войну спас тысячи человеческих, жизней ловя во время, трагические сигналы S.O.S.[31] о гибели. Правда, благодаря ему же гибли многие военные суда, переговоры которых были расшифрованы противником или место, откуда они говорят было «засечено» радио-гонометрическими станциями, но все-таки положительных свойств у радио-телеграфа больше. Кроме возможности спастись от гибели при его помощи, он дает еще поправки хронометров в море, и все новости дня благодаря чему, на «Варяге», на ходу в Индийском океане, были также хорошо известны «Сообщения Штаба Верховного Главнокомандующего» и Штабов Союзников, как всякому живущему в культурном центре на берегу.

Объезжая остров, мы натолкнулись на место, где было много огромных сухопутных черепах. Размеры этих животных были поистине чудовищны, по сравнению с нашими маленькими черепахами. Наши матросы садились на спину

[31] Save our souls – Спасите наши души.

такой гигантской черепахи и она, приподнявшись на своих крепких когтистых лапах, легко двигалась, неся на спине ношу, примерно, в 5-ть пудов, вес нормальный для доброго матроса Гвардейского экипажа.

Не помню каким образом и через кого, но только, после ознакомления с красотами острова, на «Варяге» появилась такая гиганская черепаха, официально никому не принадлежащая, но жившая недалеко от камбуза, в углу между вентиляторной трубой и кожухом над кочегарками. Из камбуза коки давали ей зелень и ставили чашку с водой. Черепаха почти не двигалась, больше сидела спрятав голову и лапы в свой панцырь, но когда она иногда совершала прогулку, то казалось, что по палубе катится автомобиль малого размера, марки Бюгати или бебе-Пежо. В этих случаях команда развлекалась катаясь на спине этого животного.

Исполинская черепаха

Другой интересной находкой, для нас на острове Махэ был, живший там в плену у англичан, король негрского племени людоедов Ашантиев. Этот король с несколькими свои-

ми «генералами» были единственственными оставшимися в живых экземплярами этих гурманов человеческой породы.

Англичане со свойственной им решительностью, выслали против этого племени войска, которые без сожаления уничтожили все племя, за исключением короля и нескольких его приближенных.

Невольно хочется спросить наших эсеров, как они отнеслись бы к такому действию, если бы это было не английское, а русское правительство. Ведь людоеды из племени Ашантиев, несомненно выражали «волю народа», желая сделать рагу из попавшегося к ним в плен, ангийского матроса; как же власть исполнительная, позволила себе не только нарушить эту волю, но еще и жесточайше расправиться с ее выразителями. Ведь, вряд ли в Британской Конституции имеются законы разрешающие уничтожение целых племен без суда и следствия.

Помнится, во времена «безкровной» революции «вождь народа» А. Ф. Керенский, после убийств и зверских пыток офицеров на линейном корабле «Петропавловск», не нашел ничего лучшего, как передать убийцам, что он считает их действия «контрреволюционными». По-видимому, почтеннейший «государственный деятель» искренно был убежден, что это слово является «высшей мерой» наказания, за убийство.

Несколько иначе на эти дела смотрят англичане. Вот почему, как мне кажется, у них действительно слова: культура свобода, уважение к личности человеческой и т. д. не являются пустыми словами и не могут быть темой для юмористов как, к сожалению, это имеется у нас.

Пленный король Ашантиев жил со своими приближенными в шатрах, вокруг которых были расставлены английские часовые.

С разрешения коменданта он мог совершать небольшие прогулки по острову. Отношение к нему властей было ров-

ное, без всяких излишних формальностей и надзора. Однако, пленный король людоедов, вероятно ясно сознавал, что никогда британския власти с этого острова его не выпустят, так же, как никогда никто из англичан не будет его считать равным себе.

Живя в полном материальном обеспечении, не испытывая никаких насилий или угнетений со стороны державших его в плену, он не мог не сознавать, что жизнь его кончена, что он умрет здесь в этом маленьком лагере покрытом шатрами нескольких его соплеменников, что никогда на родину свою он больше не вернется и не вернет себе своего там положения.

Перед уходом отряда, мы на «Варяге» устроили для команды ловлю рыбы на берегу.

Так как людей у нас было много – около 500 человек и съехать на берег всем сразу было бы нельзя, то мы распределили их по ротам. Наша артиллерийская рота была последней в этом расписании.

Ловившие рыбу до нас, рассказывали чудеса о том, что за невиданные экземпляры рыб им удалось поймать. Какая-то маленькая синенькая рыбка оказалось очень опасной. У нее на верхней губе имелся шип, которым она больно колола. Она уколола одного матроса в ногу, и тот чуть не умер, несомненно, чем-то отравленный. У него сделались судороги, жар, рвота. К счастью наш доктор сумел его спасти и уже следующие отправляющиеся на берег на ловлю рыбы были осторожнее.

Наконец, наступил день съезда нашей артиллерийской роте. С нами отправились песенники и хор балалаечников. С разрешения командира, после ловли рыбы было приказано выдать на берегу каждому матросу по доброй чарке рома и, на берегу же, устроить ужин с песнями.

В два часа дня артиллерийская рота, песенники и балалаечники были построены на верхней палубе. К трапам были

поданы: барказ, гребные катера и шестерки. Старший артиллерийский офицер и я обошли своих людей, проверили у всех ли во фляжках холодный чай с лимонной кислотой. Фельдфебель роты, лихой артиллерийский унтер-офицер в фельдфебельской фуражке с козырьком, хлопотал в это время с погрузкой на барказ «сухой и мокрой» провизии, которую нам отпустили, по приказанию ревизора, баталеры.

Мы брали с собой хлеб, приварок, крупы, зелени, соли, необходимую посуду, чай, сахар и т.д..

С нами отправлялись еще несколько наших офицеров и, таким образом, пикник обещал быть веселым и интересным.

Знакомые мне лица наших комендоров, «замочных», «установщиков прицелов» и т. д. радостно улыбались до ушей.

«Ваше высокородие, а вы с какой полуротой будете?» – спрашивают гальванеры, состоявшие во второй полуроте. «С вами буду, а на берегу все вместе впряжемся в невод», отвечаю я.

«Ваше высокородие, а как песенников, к нам посадите?» улыбается мне, как луна, круглое лицо «второго наводчика» орудия № 1 – комендора Ивана Дудкина. «Нет они будут с ротным командиром на барказе». «У нас бы лучше ваше высокородие!» не унимается Дудкин.

«Рота смирно»... доносится голос лейтенанта Гессе: «по полуротно к трапам, на гребные суда»...

Люди веселые, радостные, как дети, бодро идут к трапам и рассаживаются по банкам шлюпок. Заранее выбранные «волжане» – рыбаки с благоговением уложили огромный невод на барказе и теперь заботливо оберегают его от всяких повреждений.

«Разрешите отваливать?» слышно с барказа. «Прошу», отвечает вахтенный начальник прикладывая руку к козырьку.

«Ни пуха ни пера», с улыбкой желают командир и старший офицер, стоящие один у левого, другой у правого трапа.

«Отваливай», командуют офицеры на головных шлюпках. Ловкие крючковые быстро отводят фор-штевни шлюпок от

борта. «Весла!».. через минуту все шлюпки под веслами выходят на траверзы «Варяга».

Они передают друг другу носовые фалени[32]. Головным становится барказ, за ним катера, потом шестерки.

Паровой катер берет барказ на буксир. «Шабаш!» слышно на шлюпках. Весла, как крылья огромной птицы, стройно приподнявшись, мгновенно исчезают, уложенные вдоль бортов и шлюпки начинают двигаться длинной колонной вслед за буксирующим их катером.

Бухта, точно зеркало, вправленное в зеленую рамку с золотыми украшениями из прибрежного песка и с инкрустациями из слоновой кости, в виде пены прибоя на прибрежных рифах. Тишина в воздухе поразительная....

Зеленовато-синяя вода прозрачна, как только может быть прозрачна девственная вода могучего океана. Посмотришь вглубь и кажется, что под чудной синевой лежит черная бездна. Слишком мы еще далеко от берега и солнечные лучи не доходят до самого дна. Но вот, из этой черно-синей глубины начинают вырисовываться смутно какие-то силуэты, не то деревья, не то камни. Скоро уже ясно видно, что дно усеяно ветвистыми кораллами и крупной галькой, которые кажутся такими причудливыми, через толстый слой воды.

Кончились и эти глубины, видно дно. Здесь оно покрыто сплошь песком. Он тянется до самого берега и этот последний, в свою очередь, представляет собою широкий прекрасный пляж, который издали нам казался желтовато-серебристой лентой. Там, где кончается песок, на берегу растут роскошные веерные и кокосовые пальмы; их стволы, как колонны подымаются ввысь.

Тяжелая зеленая листва, точно перья, растопырена во все стороны. Начинаясь одиночными деревьями, кокосовые

---

[32] Фален – трос, служитъ для привязывания шлюпки.

пальмы переходят в густую рощу и, кажется, что туда и пройти нельзя, так густо растут деревья.

Паровой катер отдает буксир и возвращается на «Варяг». Наши шлюпки отдав фалени «по способности» под веслами идут к берегу широким фронтом и выбрасываются на прибрежный песок.

Место выбрали отличное. Песок мягкий. Ни камней, ни кораллов, ни гальки. Шлюпки выскакивают на берег почти до половины. Люди гурьбой выходят на берег, дивясь невиданным деревьям. Хороша эта роща кокосовых пальм. Густо переплетенные вершины деревьев, казалось бы должны давать место для жизни птицам. Между тем в лесу тихо, повидимому ни одной птицы не живет в нем. Огромные стволы деревьев похожи на колонны какого то неведомого храма, и тишина под ними, еще более усиливает это впечатление.

Быстро вытащены на берег невод и его оснастка. Пока наши рыбаки его «вооружают», мы с группой матросов бежим в лес, чтобы найти место для ужина. Скоро мы находим «заимку», как говорят наши матросы, состоящую из небольшой площадки, на краю которой построен прочный деревянный домик. Оказалось, что в нем живет владелец этого пальмового леса, француз-колонист. Он нас приветствовал весьма радушно и, узнав, что нам надо, отвел нас в глубь леса, где оказалась прекрасная поляна, на которой мы отлично могли устроить ужин для всей нашей команды. Здесь же можно было безопасно разложить костры, варить уху, греть чай и устроить танцы.

Полянка среди густого пальмового леса, была очаровательна. Она была покрыта густою сочной травой. В середине ее было нечто вроде холмика образованного над столбом поваленной пальмы. Сам хозяин заимки, простившись с нами, уехал в город.

Выбрав это место, мы прислали сюда коков и поручили, им наладить все, чтобы готовить пищу к вечеру после ловли рыбы.

Коки и вестовые были в восторге. Простор полянки, прянный запах тропической растительности, перспектива начать варку пищи здесь на вольном воздухе, а не в душном тесном судовом камбузе, все это радовало их.

Мы же с остальной командой занялись заводкой невода. Прежде всего вся публика разделась по шуточной команде: – «форма одежды – фуражка». Около сложенного платья остались дневальные, которых по очереди подсменяли, чтобы и им дать радость поплескаться в воде. На одну шестерку посадили гребцов и рулевого, дабы она обходила дозором вдоль мест ловли, на случай, если на рейде окажутся акулы или кому-нибудь из рыбаков станет дурно в воде.

Затем, офицеры и команда ревностно, соблюдая полную тишину, начали заводку невода. В соленую прозрачную воду потянулись вереницей загорелые тела офицеров и матросов. Невод завели далеко в море. Затем начали заворачивать его передний конец к берегу, охватывая возможно большую часть бухты.

После некоторого времени этой работы, стало заметно, что внутри невода рыба «ходитъ». Иногда стройный синеватый силуэт мелькнет в воздухе и шлепнется опять в воду. Уже край невода заправлен к берегу и таким образом, большой участок моря охвачен сетью. В этот момент рыбаки подымают шум и густою цепью заходят вокруг невода, стараясь охватить его, по внешнюю сторону настолько глубина позволяет стоять. По воде они хлопают руками и досками. Внутри невода по мере того, как его подтягивают к берегу видно бурное движение воды от массы бьющейся там рыбы. По временам отдельные крупные экземпляры, несмотря на крик и шум, решаются выпрыгнуть из воды и перелететь через невод на морской простор. Таким путем все-таки ушло довольно много рыбы. Но вот невод подтянут вплотную к берегу. Тащить его очень тяжело. Несмотря на то, что нас около 200 человек,

каждому находится работа. Этот укладывает концы невода на берегу, те идут цепью в воде по наружную сторону, подымая шум и гам. Следующие тащат концы невода на берег, другие направляют его «мотню», где уже видна пойманная рыба.

Невод вытащен на прибрежный песок. Сквозь его мелкие ячеи видно было, какую массу разнообразной, и красивой рыбы и морских животных – «фрути ди маре», как говорят итальянцы, мы поймали. Рыбы удивительной окраски, то ярко-красные, то серебристо-белые с темными спинами, то ярко-синие или синевато-зеленые.

Много вытащили морских звезд, попались небольшие крабики и головоногие.

Все мелкое и несъедобное мы выкинули обратно в море. Рыба отобрана. Шлюпки оставлены на берегу с дневальными. Их носовые фалени крепко прихвачены к стволам пальм. Рыболовы с богатой добычей идут на полянку, выбранную для пиршества и в ожидинии изготовления вкусной ухи, в самых живописных позах, то в одиночку, то группами ложатся в разных местах полянки или же в глубине пальмового леса. Наступает отдых; большинство спит. Солнце садится, быстро спускается темная тропическая ночь. Небо усеяно блестящими звездами. Над вами сияют яркие созвездия южного неба.

Очень хорошо было в этом густом лесу кокосовой пальмы. Ночь совершенно темная. На полянке горят костры разложенные коками для варки ухи и чая. Топливом служат сухие листья пальм, всевозможные обломки и щепки.

Проснувшаяся команда натащила горы сухих пальмовых листьев, сделала из них нечто вроде ложа, на выбранном нами бугорке и поставила огромные факелы, высотою больше человеческого роста, которые решено было зажечь в дополнение к кострам, во время ужина.

Вот и поспела долгожданная уха!.. – «К вину и ужинать!» командуеть кто-то. Всем матросам роздано по чарке рома, разбавленного до 40 градусов кипяченою водою. Офицеров

устраивают в середине на возвышении, команда концентрическими кругами ложится вокруг нас на траве. Перед нами появляются баки с дымящейся ухой и начинается ужин. Песенники и балалаечники ужинают с нами. Однако, скоро, профессиональная любовь к пению, заставляет их, между едою, начать напевать то в полголоса, то полным хором, ту или другую песню.

Наевшись жирной вкусной ухи, команда, до того молча вкушавшая пищу, начинает понемногу оживляться. То там, то здесь в группах, освещенных красным пламенем костров, яркими пятнами играющем на беловато-сером рабочем платье, вспыхивает смех, слышен непринужденный разговор, шутки. Конечно, все это грубовато, но оно не портит эту картину тропического леса ночью, освещенного заревом костров.

На огонь, пение и шум на нашу полянку выбрались из леса несколько негров-рабочих с плантации. Они были почти голые, и на фоне этого ночного пейзжа казались какими-то адскими духами.

Наши матросы, со свойственным русским добродушием, немедленно пригласили их поесть и выдали каждому по «чарке» рому. На лицах чернокожих расплылись радостные улыбки.

Хор песенников все громче, все увереннее ведет задушевную родную нам песнь. По мере продолжения пиршества, песни становятся веселее, бодрее. В них иногда врывается визг развеселившихся негров.

Лежа среди пирующих матросов, я с улыбкою смотрел на это диковинное зрелище. Чисто русские физиономии наших матросов, вперемежку с толстыми губами, курчавыми головами и черными телами негров, казались мне каким-то фантастическим карнавалом.

Ужин подходит к концу. «Для предохранения от лихорадки» ротный командир разрешает выдать команде еще по чарке рома.

«Ваше высокоблагородие разрешите зажечь большие костры» доносятся веселые голоса с разных сторон. Вспыхивает яркое зарево, окрашивающее розовым цветом стволы окружающих полянку пальм. На полянке светло, как во время пожара.

Огромные факелы с сухим треском выбрасывают в черную высь сотни искр.

«Во ку, во кузнице,
Во ку, во кузнице.
Во кузнице молодые кузнецы,
Во кузнице молодые кузнецы.»

заливаются наши песенники. Слышен звон треугольника, стук бубнов, грохот тарелок. Команда веселая, возбужденная залихватской песней вскакивает, люди берутся за руки и вокруг горящих ярким пламенем факелов, образуются дикие хороводы.

Белые фигуры матросов, вперемежку с черными телами негров, отплясывают фантастический танец, на фоне яркого пламрни, вздымающегося к темному небу. Кажется, ни разу в жизни не пришлось мне видеть подобное смешение невозможных противоположностей. Молодые русские парни из Вятской, Вологодской, Архангельской губерний, поляки, латыши, эстонцы, финны, уроженцы Волги, Сибири, Кавказа, рыбаки с Каспийского моря, негры – все это вертится взявшись за руки, вокруг костров в темном пальмовом лесу.

«Сорвем! сорвем! Дуне,
Сорвем! сорвем! Дуне,
Сорвем! Дуне лопушек, лопушок,
Сорвем! Дуне лопушок, лопушек»...

Визг, хохот, громкие крики. В голове моей, как легкая греза, проносятся видения России...

Там сейчас в минуты отдыха слышны такие же песни. Талантливый поэт А. Черный, примерно, в это время записал в своем «Привале»:

Желтых тел густая каша,
Копошась гудит в воде,
Ротный шут – ефрейтор Яша,
Рака прячет в бороде...
А у рощицы тенистой,
Сел четвертый взвод в кружок,
Русской песней голосистой,
Захлебнулся бережок.
Солнце выше, песня лише...
«Таракан мой таракан».
А басы ворчат все тише,
«Заполз Дуне в сарафан».

И вот за тысячи и тысячи верст от нас, может быть сейчас поют эту же песню:

«Сошьем! сошьем Дуне,
Сошьем! сошьем Дуне,
Сошьем Дуне сарафан, сарафан,
Сошьем Дуне сарафан»...

Негры, скаля белые зубы, визжат от восторга. Наши песенники доводят свою песню до полной силы. Громкий треск пламени, показывает, что скоро наши факелы рухнут. Еще несколько могучих огненных мазков в черную высь и один за другим горящие столбы падают, при громком крике и шуме вокруг.

– «Во фронт. Перекличка!» слышны команды офицеров. Быстро перекликают людей. Все в сборе. Посуда собрана.

Негры нашли нужным принять участие в ее переноске на шлюпки. «Направо. Ряды вздвой. Правое плечо вперед!» доносится откуда-то из темноты. После ярких отблесков костров все кругом кажется совершенно черным. «Песню!» Глухо подхватывают песенники веселую песню под марш, и в пальмовом лесу слышен шаг сотен ног, уходящих от места ночного пиршества.

Понемногу глаза привыкают к темноте. Вот и опушка леса. Вот и пляж и... все наши шлюпки лежащие на песке далеко от воды. За время нашего обеда, был отлив и все наши шлюпки «обсохли».

Неграм казалось, что невозможно столь громадные шлюпки, как барказ и катера, спустить теперь в море. Они советовали нам ждать до утра. Каково же было их удивление и восторг, когда в каждую шлюпку встал офицер. Туда же уложили всю посуду. Подвели под транцевые доски «лямки». Громадные наши гвардейцы, бодро впряглись в эти лямки, и унтер-офицеры, пересыпая свою речь словечками, от которых матросы корчились со смеха и которые вряд ли можно найти в словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля[33], быстро расставили людей по концам. В воздухе раздался звук бубна, свист и грянула нудная рабочая песня: – «Эх! дубинушка ухнем...» Негры, раскрывши рты, увидели, как с каждым «рвачком» громадные шлюпки, плотно увязшие в песке, ползли медленно, но неуклонно к морю. Не прошло и четверти часа, как громовое «ура» огласило тихие берега бухты. Все варяжские шлюпки грациозно качались на тихой поверхности роскошного моря.

Скоро, лишь четкий звук ударов весел давал, оставшимся на берегу неграм, весть о их новоявленных «белых друзьях».

---

[33] В. И. Даль известный лексикограф, этнограф и военный беллетрист, питомец Морского Корпуса. Выпущен в мичман в 1819 году.

Вот и наш «Варяг». Оба трапа освещены. Нас принимают старший офицер и вахтенный начальник. Мы привезли с берега кокосовых орехов для команды и для кают-компании.

Все успокоилось на крейсере. Завтра поход в Аден.

Переход из Порта Виктория в Аден

Жгучее солнце заливало своими лучами лазурную бухту Порта Виктория на острове Махэ, группы Сейшельских островов, 21-го августа 1916 года.

Тихая зеркальная поверхность воды, темно-синего цвета, отражала перистые пальмы и золотистую полоску прибрежного песка, окаймляющего причудливой лентой извилистые берега. «Чесма» и «Варяг», блистая чистотою своей светло-серой окраски, стояли готовые сняться с якоря.

Трапы убраны. Шлюпки завалены на ростры, все закреплено «по-походному». Из труб подымаются легкие серовато-синие струйки дыма. Пары готовы. На обоих кораблях ждут сигнала адмирала. Ровно в полдень на правом ноке фор-марса рея «Чесмы» взвивается треугольный флаг. Белый с синими вертикальными полосками – «буки»; что означает – «Больше ход. Адмирал требует скорого исполнения» и «сняться с якоря всем вдруг». В тот же момент на обоих кораблях раздаются звучные команды: – «По местам стоять, с якоря сниматься».

Глухо урчит в шпилевом отделении паровой брашпиль. Звено за звеном втягивается в клюз тяжелый канат – «панер»[34]. Точно сердясь на маленькую задержку, брашпиль издает более сильное ворчание. Из приоткрытого на секунду крана брашпильной машинки вырывается струя отработанного пара, и брашпиль начинает работать скорее. Якорь вырван из грунта. Канат пошел быстрей.

---

[34] Панер – вертикальное положение якорного каната.

«Стал якорь»[35], доносится с бака, и затем: «чист якорь»[36]. Из сапфирово-синей бездны появляется «шток», затем «веретено» и, наконец, «лапы» якоря. Он весь замазан илом, на нем видны обломки кораллов, на лапах запутались водоросли.

С полубака на якорь льется сильная струя воды, пущенная из пипки, привинченной к пожарному шлангу. Эта струя смывает большую часть грязи. За борт, в дождевом платье, с «концом»[37], взятым двойным беседочным узлом вокруг тела, спускается проворный, босоногий матрос.

Ему передают пипку и он пускает струю воды во все места якоря, где еще застряла грязь. Ловким движением он закладывает гак ката[38] за рым якоря, а гак фиша[39] за его лапы и затем, с изумительной быстротой, выскакивает на полубак. После этого якорь начинают подтягивать на подушку. Покапризничав немного, не желая сразу ложится на то место, где ему полагается быть на походе, якорь, наконец, ложится на подушку. На него закладывают пертулин и рустов[40]. Кат и фиш травят. «На месте якорь», бодрым голосом докладывает на мостик баковый лейтенант.

На обоих ноках «Чесмы» подняты черные шары, указывающие изменения хода на рейде. Шары приспущены на «малый ход». За кормой «Чесмы» потянулась полоса взбитой винтами пены. «Варяг» вздрогнул. В недрах его раздался монотонный гул машин. Корабль, как лебедь, поплыл по зеркальной поверхности бухты и лег в кильватер, идущей к выходу в океан, «Чесмы».

---

[35] Стал якорь – положение, когда якорь оторвался от грунта.

[36] Чист якорь – положение, когда якорь, вынутый из воды, не замотан канатом.

[37] Конец – всякая веревка ва корабле.

[38] Кат – тали, которыми подымают якорь. Закладываются в рым якоря.

[39] Фиш – тали, которыми подымают якорь. Закладываются за лапу якоря.

[40] Пертулинь в рустов – цепочки, которыми якорь крепится по походному на своей подушке.

Оба корабля выходят на простор. Роскошный остров с кокосовыми пальмами, остается за кормою. Впереди могучий Индийский океан. Сегодня он такой ласковый.

На «Чесме» развивается сигнал: – «Адмирал показывает курс. Эскадренный ход 12-ть узлов». Прощай земля по крайней мере на 6-ть суток. На обоих кораблях началась монотонная походная жизнь...

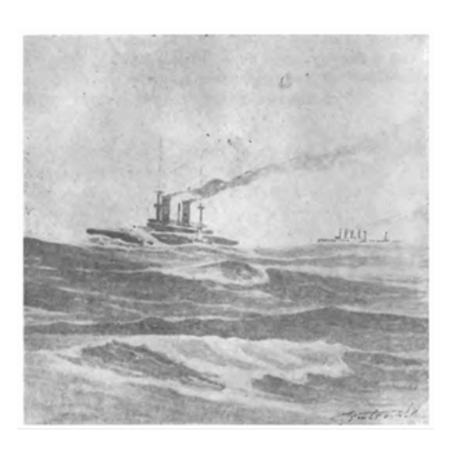
От острова Махэ до экватора и далее градусов на 5-ть к северу от него переход был спокойный. В этой, так называемой, штилевой полосе Индийский океан тих и ласков. Но дальше он начал меняться. Показалась рябь, затем началась зыбь. Пронеслись первые порывы муссона, все свежее и свежее. Зыбь перешла в волны. Задул свежий зюйд-вестовый муссон.

Он дует с мая по сентябрь от берегов Африки к Индостану, а с октября по апрель меняет свое направление на норд-остовое. Постоянство этого ветра разводит сильную волну. «Варяг» оказался молодцом в этом испытании. Раскачиваясь с борта на борт, давая временами крен до 25 градусов, корабль шел легко, не выматывая, людей, «Чесме» приходилось труднее. Она тяжело всходила на волну и над нею летели каскады брызг.

На «Варяге» была пассажирка – черепаха, взятая кем-то на о-ве Махэ. Эти черепахи замечательны своими огромными размерами. Панцырь их, иногда достигает 1½ метра в длину при 1 метре высоты.

Долговечность этих черепах удивительна. Так черепаха вывезенная в 1764 году с Сейшельских островов жила еще в 1912 году в казарме в Порте Люис на осторове Св. Маврикия. Вес исполинских черепах бывает до 400 килограмм. Наша бедная черепаха жестоко страдала во время качки. Благодаря огромному своему весу, при каждом размахе корабля ее бросало, как боченок, от камбуза, где она жила, к борту и обратно. Решили, наконец, взять ее на «бочечный строп» и

подвесить над палубой за бимс. Это положение оказалось, для бедного животного, вполне приемлемым; вися на своем стропе, черепаха спокойно спала, спрятав голову в свой карапас, плавно раскачиваясь над палубой. Отдохнув, она высовывала голову и с аппетитом ела зелень, которую ей давал наш кок. По мере того, как мы подымались к северу, все больше наших родных созвездий мы видели по ночам. Вот Лира с блестящей Вегой. Вот Водолей, вот Телец с Альдебараном. Вот Орел, в котором сверкает Алтаир. Вот Персей с переменной звездой Альголь. А вот и наша красавица Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы. С каждой ночью она все выше и выше стоит над горизонтом, а все-таки по ней здесь еще нельзя определять свою широту, ибо надо, чтобы звезда была над горизонтом по крайней мере на высоте 30 градусов. Иначе, слишком велика ошибка, происходящая от рефракции.

Во время муссона у мыса Гвардафуй

Несмотря на ветер и волну, «Варяг» и «Чесма» делают в сутки более 300 миль. Помогают и муссон, который все более отходит в бакштаг, и попутное Малабарское течение.

25-го августа 1916 года утром, слева по носу, открылся мыс Гвардафуй на северо-восточной оконечности Африки. «Че-

сма» и «Варяг» легли на него. Справа остались острова Абд-Эль-Кури, Самха и Сокотра. По мере приближения к берегам порывы муссона стихают. К заходу Солнца обогнули Гвардафуй и вошли в Аденский залив. Здесь совсем тихо. После 3-х дневной трепки это было большим отдыхом для офицеров и команды. Бедную черепаху опять «стравили» на палубу и она, с восторгом убедилась, что стоит снова на твердой, не качающейся поверхности. И в мире черепах мы видим разделение на сухопутных и морских. Наша черепаха была сухопутной и ненавидела искренно морскую стихию.

Роскошная ночь встретила нас в Аденском заливе. Но спать в каютах было невозможно. От раскаленного Африканского материка пышет, как из печи. Все спят на верхней палубе. А кругом полная тишина и над кораблями, точно купол Божьего храма, раскинулось темное, темное небо. На нем сверкают яркие звезды и белой сияющей полосой тянется Млечный Путь.

Только вдали от грешной земли, среди пустыни моря, на палубе корабля можно всею душою ощутить красоту и величие мироздания. Смотря с палубы корабля в открытом море на эту пыль миров, брошенных рукою Создателя, в безграничном пространстве, начинаешь испытывать, непостижимое разуму, чувство бесконечности и связанного с ним ощущения удивительного душевного покоя. Эти бесчисленные миры сверкают на темном небе алмазами, рубинами, изумрудами, топазами. Они бесконечно далеки от вас, но вы всей душой чувствуете свою связь с ними, чувствуете себя в объятиях Отчих.

Грудь жадно вдыхает солоноватый, напоенный ароматами моря, воздух и кажется в такие минуты, что никогда больше вас не потянет на землю, ибо вкусивши сладкого, не захочешь горького. Нет, выше блаженства, чем чувствовать себя вдали от земли, в открытом море; ощущать так близко и ярко при-

сутствие Отца нашего Небесного. Такие минуты являются самыми светлыми в жизни каждого моряка. Вот почему, так верна русская народная пословица: – «кто в море не бывал, тот Богу не маливался». Как в смертельную страшную минуту борьбы с разбушевавшимися стихиями, так и в счастливые моменты тихой погоды, моряки чувствуют себя одинаково близко к Господу Богу, ибо по слову Спасителя, ни один волос не может упасть с головы человека без воли Божьей.

И, однако, все-таки человек остается человеком и долгое пребывание в море затушевывает все горести земли. Воспоминания рисуют в воображении землю такой прекрасной, такой любимой. Да и все близкие там. А у нас на «Варяге», мы все, кроме того чувствовали, что каждый оборот винта приближает нас к нашей цели – Мурманскому побережью.

Каждый день мы все ближе и ближе к страдающей родной России, где миллионы наших братьев в эти минуты бились с упорным врагом. С каждой пройденной милей, мы чувствовали, что примем участие в этой борьбе. Мы радовались, этому, мы напрягали все наши силы, чтобы скорее выполнить нашу задачу. Ведь, мы так верили тогда, что война будет выиграна. Никто из нас, даже в самые черные минуты уныния, не мог бы себе представить до какого позора и варварства доведут Россию ее «освободители». Когда здесь, в изгнании, я мысленно уношусь на палубу «Варяга» в мою маленькую тесную каюту; когда перед глазами мелькают хорошие, открытые, доверчивые лица нашей команды; когда вспоминаешь, как связывали нас всех в единую тесную семью общая цель и работа; мне становится горько, что не было мне суждено тогда, без последующих разочарований, среди великого свободного моря, вдали от грязи и пошлости людской, заснуть вечным сном с верою в великое и счастливое будущее России.

Эти воспоминания отвлекли меня от моего рассказа, но они легко объясняют причину почему и офицеры и команда

«Варяга» с радостью встретили известие, что открылись берега юго-западной оконечности Аравии, где лежит порт Аден.

Наш великий поэт М. Ю. Лермонтов в своей «Казначейше» написал, что «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда».

К гордости почтенных граждан города Тамбова я могу сказать, что хотя Аден почти всегда означен на карте кружком, но это такая дыра, по сравнению с которой, милый провинциальный Тамбов казался «бы столицей. Порт лежит среди раскаленной пустыни и только энергия англичан создала там возможные условия существования.

При приближении к порту, «Чесма» и «Варяг» были встречены грохотом пушечной канонады – первое дыхание войны. Это итальянский крейсер «Калабрия» обстреливал правый фланг турецкой армии Саида-Паши, обложившего с суши Аден. На рейде мелькали плавники акул. Здесь самое акулье место.

27-го августа 1916 года в 8 часов утра «Чесма» и «Варяг», обменявшись салютами со стоящими на рейде иностранными военными судами, стали на якорь. Начались необходимые визиты и приемы. Среди союзных флагов, так красивы были в своей простоте и величавости наши Андреевские флаги, развевающиеся на фоне синего рейда, обрамленного рамкой раскаленных желтых песков.

Степь

(Песня степных казаков)

Степь горит, солнце жжет,
В небе тучка плывет,
А кругом все молчит (Хор. Два раза).
Степь широкая.

Там казаки идут
Разговоры ведут,
Про коней, про дивчат (Хор. Два раза).
Про бывалое.

И один лишь из них,
Он задумчив и тих,
Распустил повода, (Хор. Два раза).
Призадумался.

Где голубка моя,
Верно любишь меня.
Спит в могилке сырой, (Хор. Два раза).
Божья волюшка.

И слезинка из глаз,
Будто чистый алмаз,
Тихо кап на усы (Хор. Два раза).
Сиротинушке.

Степь горит, солнце жжет,
В небе тучка плывет,
А кругом все молчит…………………...(Хор. Громко, бодро).
Степь широкая.

В Адене – на позициях

Как только окончились официальные визиты, мы начали получать ряд приглашений на корабли, в Офицерское Собрание на берегу и к отдельным англичанам, живущим в городе. Везде нас принимали радушно, любезно и хорошо. В свою очередь к нам на «Варяг» приезжало много гостей и, таким образом, уже на второй день нашей стоянки у нас появились друзья.

Особенно привязался к «Варягу» пожилой капитан I ранга – командир английского вспомогательного крейсера. Он

целыми днями просиживал в кают-компании. Он с наслаждением слушал песни наших песенников и игру оркестра балалаечников. Это был очень интересный человек, много повидавший на своем веку. Он был уже в отставке в 1914 году, но немедленно вернулся на службу, когда война была объявлена. Судьба бросила его в Африку на озеро Танганайка, где ему пришлось организовать борьбу с немцами. Экипаж германского крейсера «Кенигсберг», после уничтожения этого крейсера англичанами на восточном берегу Африки, ушел в глубь страны и в германской экваториальной Африке организовал борьбу с англичанами. На озере Танганайка, по словам нашего рассказчика, немцы имели старый колесный пароход, который они вооружили пушками. И этот корабль, оказалось «владел» морем, ибо у англичан там ничего не было.

Англичане с обычней энергией, сухим путем, умудрились доставить к берегу озера два паровых катера. Катера были вооружены, и насколько возможно «забронированы». Но трудно было разрешить вопрос с топливом. Все «склады угля» были захвачены противником. Переделать топки под дрова было слишком сложно. И вот наш рассказчик организовал доставку угля с помощью караванов носильщиков. Сотни негров, неся на головах корзинки с углем, вереницей пробирались сквозь гущу девственного тропического леса и подносили уголь на английскую «базу» на берегу озера Танганайка. Когда угля накопилось достаточно, катера были спущены на воду и сделались «крейсерами» на этом театре войны. Они пошли на поиски немецкого парохода, отыскали его и вступили с ним в бой. Корабль противника загорелся и выбросился на берег. Как у немцев, так и у англичан были – довольно тяжелые потери. Причем сам наш рассказчик получил тяжелое ранение в ноги. Экипаж германского парохода ушел и присоединился к немецким войскам, действующим в этом районе. Так наш старый моряк, по его словам, овладел озером Танганайка.

Приход «Чесмы» и «Варяга» в Аден вызвал сенсацию в местной военной среде. Дело в том, что Аден находился под угрозой атаки армии Саида-Паши, который стоял от города всего верстах в 30-ти. Союзные суда в Адене были в большинстве своем вспомогательными крейсерами, то есть просто вооруженными коммерческими пароходами.

Маленький итальянский крейсер «Калабрия» оказался самым сильным среди них, он то и обстреливал в день нашего прихода турецкия позиции. Но пушки «Калабрии» были слишком слабы.

Могучие 12 дюймовые орудия «Чесмы», а равно 6 дюймовые пушки «Чесмы» и «Варяга» чрезвычайно обрадовали англичан. Появилась надежда, что если наши корабли начнут бомбардировку неприятельской позиции, то наши пушки будут простреливать ее насквозь от моря до моря и, конечно, при этих условиях Саид-Паша не сможет удержаться на этой позиции. Для переговоров на «Чесму» прибыли высшие чины английского командования в Адене. Адмирал Бестужев-Рюмин охотно согласился принять участие в борьбе с Саидом-Пашой. Этим мы сильно помогли-бы союзникам и в тоже время попрактиковались бы в стрельбе по береговым укреплениям. Адмирал в душе мечтал, что по приходе в Средиземное море, нас пошлют против Дарданелл и вот, тут судьба сама как будто помогала нам подготовиться к этому.

Для стрельбы по береговым укреплениям требуется хорошая связь с береговыми наблюдательными пунктами. Эту связь надо разработать заранее и прежде всего осмотреть детально позиции противника, набросать кроки направлений на разные, приметные с моря пункты и выработать систему сигнализации. Для выполнения этой работы адмирал назначил меня. На «Варяг» приехал офицер английского штаба майор 69-го Пенджабского батальона Вильям Эдуардович Бингхам, так он нам представился. В. Э. Бингхэм прожил в

России до войны 2 года, в семье сельского священника около Москвы и за это время выучился настолько говорить по-русски, что у него даже не слышался иностранный акцент. Ездил он в Россию специально для изучения русского языка, что для офицеров британской Индийской армии рекомендовалось в прежнее время.

Мы выехали с майором Бингхам из Адена в селенье Шейх-Отман на автомобиле. Шейх-Отман находится в 15-ти километрах к северовостоку от Адена. К нему ведет прекрасное шоссе. Выехали мы в 4 часа дня 29-го августа 1916 года. Через 40 минут наш автомобиль подкатил к заставе, у южной опушки селения. Передав пропуск, мы проехали в Штаб Командующего английскими войсками полковника Фрейзенер. В субботу 27-го августа у англичан было дело с противником, англичане потеряли 2-х человек убитыми, 1 раненого офицера и 12-ть раненых рядовых.

Английская и турецкая позиции оказались на расстоянии 8–9 километров друг от друга и тянулись поперек перешейка, упираясь флангами в море. Между позициями была жгучая песчаная пустыня. Песок столь глубокий, что пехоте итти по нему бывало очень трудно. Вид перед английскими окопами наводил уныние. Бесконечные пески, уходящие вдаль, похожие на пустыни нашей Закаспийской области. Местность до того однообразная, что глазу не на чем было остановиться. Только впереди английской позиции, ближе к ее правому флангу виднелось серое полуразрушенное здание (колодец), где стояла английская пехотная застава.

Позади центра английской позиции был выстроен редут, на котором стояла тяжелая артиллерия. Ближе к правому флангу виднелась ложбинка, где скрывалась «летучая колонна», являвшаяся ближайшим резервом пехоты, находившейся в окопах. Турецкая позиция, даже в бинокль, почти не была заметна до того ее окопы сливались с песчанными буг-

рами. Только в сильную трубу, стоящую на крыше дома, где помещался штаб, мне удалось увидеть линию окопов и позади них на северо-западе маленький оазис, где стоял штаб Саида-Паши. В трубу были видны одиночные белые фигуры на конях. Это всадники арабской конницы. Едва, едва на крыше одного домика виднелся на флагштоке красный значек, указывающий расположение неприятельского штаба. Вот все, что было замечено мною с английской позиции. Если кораблям подойти к флангам турецкой позиции, то с моря несомненно будет видна линия неприятельских окопов. Следовательно наша задача сводилась к тому, чтобы точно на карте отметить расположение английских окопов, дабы их не спутать с неприятельскими. Помощью полевого прожектора можно было установить передачу на корабли указаний, относительно падений наших снарядов, наблюдаемых с английской позиции. Задача оказывалась не очень сложной. Протяжение турецкой позиции было таково, что 12 дюймовые орудия могли ее простреливать свободно, а если прибрежная глубина позволит кораблям маневрировать ближе к берегу, то и 6 дюймовые пушки могут стрелять по всей неприятельской позиции. В крайнем случае один корабль мог стрелять по одному флангу, а другой по другому флангу, разойдясь по обе стороны перешейка. Выяснив все это, мы с майором Бингхэм спустились в помещение штаба, где он детально ознакомил меня с составом сил как английских, так и турецких.

Английская позиция была протяжением около 9 километров. Ее занимали следующия части:

69-й Пенджабский батальон.

33-й Пенджабский батальон.

109-й батальон Марата.

75-й батальон Корнетикс.

Три эскадрона 26-го кавалерийского легкого Индийского полка.

Два 5 дюймовых тяжелых орудия.

Две 6-ти пушечных 12 фунтовых батареи, – всего 12-ть пушек.

Одна 6-ти пушечная 7-ми фунтовая вьючная батарея на мулах.

20-ть пулеметов.

А всего 4-ре батальона, 3 эскадрона, 2 тяжелых, 18-ть легких орудий и 20-ть пулеметов.

У Саида-Паши была бригада пехоты и около 2000 арабской конницы.

Английская пехота находилась в окопах попеременно. Свободная часть отдыхала в селении Шейх-Отман. На случай атаки противника, как я писал выше, к разрушенному колодцу впереди позиции выдвигалась пехотная застава силою в один взвод, а «летучая колонна», стоящая в ложбине, была всегда в 5-ти минутной готовности. В эту колонну назначался полу-эскадрон конницы, 1 рота пехоты и одна батарея легкой артиллерии. Другая половина эскадрона высылалась в разъезды впереди позиции. Между разъездами и арабскими всадниками Саида-Паши бывали частые перестрелки. Мне впервые пришлось познакомиться с частями английской Индийской армии, и меня очень заинтересовала ее организация. До минувшей войны Индийская (туземная) армия комплектовалась из населения Индии по добровольному рекрутскому найму. Весь ее старший офицерский состав, до командиров рот и эскадронов включительно, были англичане.

Младшими офицерами могли быть и туземцы. Всего в туземной Индийской армии было 138 батальонов пехоты, 40 кавалерийских полков (4-х эскадронного состава), 12-ть горных батарей (6-ти пушечных), 1 крепостная артиллерийская рота, обозные и санитарные части. Туземная Индийская армия отличалась удивительным разнообразием по племенному и религиозному составу. Так магометане формировали 78 эскадронов и 50 рот; индусы – 79 эскадронов и 711 рот, смешан-

ные народности – 43 роты. Самыми надежными англичане считали Гуркасов (монголы – непальцы) и Сикхов (индусы-сектанты).

Интересны названия чинов туземной Индийской армии:

Субадар – капитан пехотного полка.

Рисальдар – ротмистр кавалерийского полка.

Джомадар – поручик.

Хавильдар – унтер-офицер.

Сипай – рядовой пехотного полка.

Соуар – рядовой кавалерийского полка.

По словам майора Бингхам, Пенджабские батальоны комплектуются следующими народами:

Сикхи (индусы-сектанты) – язычники, не едят мяса коров и волов, но пьют вино.

Догра – индусы язычники – тоже.

Пенджабские мусульмане – едят мясо, но не пьют вина.

В батальонах 50 процентов мусульман, остальные Догра и Сикхи. Последния две народности дают лучших солдат Индии.

Батальоны Марата комплектуются людьми из округа Марата. Батальоны Корнетикс, вербуют людей из народности Корнетикс – они самые смуглые из индусов. 26-й легкий кавалерийский полк укомплектован всадниками Раджапутана. Они лучшие наездники Индии. Все батальоны 4-х ротного состава. В роте 250 человек. Во всех частях взводными унтер-офицерами являются индусы, носящие офицерские чины. Они никогда не имеют под своей командой англичан. Каждый офицер англичанин, какого бы чина он ни был, всегда старше любого офицера-индуса.

Я с живым интересом, слушал рассказы майора Бингхам об Индии. Я узнал от него насколько, до войны, англичане опасались русского нашествия на Индию и несколько, среди английской администрации в Индии, Россия была непопулярна. Во время нашего разговора в комнату вошел высокий

стройный красавец ординарец-индус и доложил что-то на незанакомом мне языке. «Вот видите», с улыбкой сказал майор: «сюда явились все свободные от службы офицеры-туземцы, они прослышали, что вы приехали к нам на позицию и просят показать им офицера из войска Белого Царя».

Майор Бингхам взял меня под руку и с милой улыбкой сказал: – «Вы не можете себе представить, как они мечтают увидеть хоть одного русского. Россия, в их представлении, страна сказочных чудес, а ваш Государь – Белый Царь – олицетворение святости, справедливости, человеколюбия. Вы сами увидите, как они вас встретят. Мы теперь союзники и я рад доставить им удовольствие. Только для нашего престижа», прибавил майор: «не откажите подчеркивать нашу дружбу». Мы вышли на площадку перед домом. Майор Бингхам все время держал меня или под руку, или за талию. На площадке были выстроены в одну шеренгу человек 40 офицеров-индусов. Они стояли «смирно», повернув головы в нашу сторону.

Подойдя к правому флангу, майор Бингхам начал представлять меня каждому в отдельности. Он говорил на туземном языке и я понимал только мою фамилию. На лицах этих людей сияли радостные улыбки. Глаза их черные, горящие каким-то особым огнем, смотрели на меня с нежностью. Каждый с жаром, брал мою руку обеими своими руками и крепко пожимал ее. Некоторые, прикладывали мою руку к своему сердцу. Я чувствовал, как на мне выражалась их любовь к России. Майор Бингхам оказался прав. Радость этих красивых сильных и породистых людей была неподдельна. Мы вернулись обратно в штаб, офицеры-индусы провожали меня долгим взглядом. Индийские офицеры 26-го кавалерийского полка решили показать мне в тот же день «джигитовку». Лучший из них, имея в руке бамбуковую пику, проделал ряд упражнений на коне. Зрелище было красивое.

Площадка перед палатками кавалерийского полка был усеяна индусами-офицерами и солдатами, в тюрбанах и боевой походной форме. Около меня стояла группа офицеров-англичан этого полка. Один из них снял нас своим кодаком и обещал офицерам-индусам дать каждому этот снимок. Едва окончилась джигитовка, как меня пригласили проехать верхом на позицию. Мы осмотрели английские окопы в центре этой позиции. В окопах находилась дежурная часть пехоты, ружья ее лежали правильным рядом на гребне.

Люди, опершись на бруствер окопа, внимательно смотрели на растилающуюся перед ними местность. У неприятеля все было тихо. Только, где-то справа, пощелкивали одиночные ружейные выстрелы. Это обычная перестрелка между разъездами. Вернулись в 8 часов вечера.

Все было освещено серебристым светом луны и английская позиция приняла новый для меня вид. Я лег спать на крыше штаба, прямо под открытым небом, на складной походной кровати.

Редко мне спалось так хорошо и спокойно, как там. Первые лучи солнца разбудили меня, и я вновь начал изучать в трубу расположение неприятельской позиции.

30-го августа в 8 часов утра приехали 15-ть офицеров с «Чесмы» и «Варяга». Это были артиллерийские офицеры и плутонговые командиры, которым надлежало стрелять по турецкой позиции. Они рассказали мне, что на «Варяге» идет «аврал». Вдоль бортов решили расположить мешки с песком, дабы прикрыть людей нашей открытой батареи. Во время этой работы старший офицер наткнулся на нашу черепаху, рассердился и приказал «списать» ее на берег немедленно. Никакие просьбы не помогли и бедное животное на шестерке было доставлено на берег. Ее высадили прямо в пески за городом. По словам, прибывших моих, соплавателей черепаха нисколько не была огорчена. Оказавшись на твердой зем-

ле, она радостно приподнялась на своих могучих лапах и пошла вглубь страны, подальше от ненавистного ей моря.

Осмотрев все, что было важно для будущего обстрела, наши офицеры, в 11 часов утра, выехали обратно в Аден. В 2 часа я тоже поехал в Аден, и немедленно отправился на корабль.

В кают-кампании оказались гости. Наш неизменный друг – командир вспомогательного крейсера и несколько английских сухопутных офицеров.

Веселье царило полное. Балалачники и песенники старались во всю. Войдя в кают-компанию я был ошеломлен представившейся мне картиной.

Точно меня сразу перенесло в глубь веков к песням наших языческих предков. Регент хора, знакомый вам, мои читатели, матрос 1-й статьи Дышкант стоял впереди своих молодцов, он даже не дирижировал. Войдя в раж, он грозил кому-то кулаком, слышались возгласы: – «Ходу! больше ходу». Задорная веселая песня, гремела во всю:

«Чарочки по столику похаживают,
Пьяницы бородушки поглаживают,
Эй! жги, жги да жги... говори.
Пьяницы бородушки поглаживают

Маленький юнга Володька кубарем вертелся в присядке.

Внутри круга, образованного офицерами, песенниками и балалаечниками, с жаром танцевал в присядку наш приятель – английский капитан I ранга командир вспомогательного крейсера. Сквозь шум, свист, гиканье и забористый мотив песни, доносились до меня его выкрики: – «Fine», «Go on». Какая смесь русской удали, русской песни и оживления на вид столь чопорных англичан. Чувствовалось полное объединение и редкое веселье.

Только что замолкли аплодисменты по окончании этой песни и пляски, как в кают-кампании появился Новый гость.

Это был английский сухопутный офицер в полной походной «сбруе». Пожав всем руки, он сообщил, что у адмирала на «Чесме» сейчас начальник штаба командующего английскими войсками. Саид-Паша бросил свою позицию и его войска потянулись на север. «Вас ли он испугался, или же у него в тылу началось восстание арабов, мы пока еще не знаем», – добавил английский офицер. На лицах офицеров «Варяга» было видно разочарование. «А мы то думали пострелять», – вырвалось у кого-то из мичманов.

Казачья походная песня

Встала, проснулась зоренька алая,
Слышится звон от подков,
Едет в набег вся станица удалая,
Сотня лихих казаков.
Будь же здорова, моя черноокая,
Жди жениха, не скучай,
Пусть не томит тебя дума глубокая,
Жив я вернулся – встречай.
Крепка надежная сбруюшка ратная,
Конь мой – лихой аргамак,
Пика каленая, шашка булатная,
Сам молодец я казак.
Мчатся казаки, лихие, бесстрашные,
Пыль лишь под ними пылит…
Вот показались аулы опасные,
Пуля за пулей летит.
Гикнула сотня и вихрем помчался
Биться с лихою ордой,
Шашки сверкнули, пальба оборвалася…
Где же жених молодой?
Мчится стрелою, пыль поднимая,
Верный его аргамак.
Кровью облитый, лежит умирая,
Пулей сраженный казак…

Едет удалый отряд со добычею,
С песней в пределах родных,
Вышли встречать старики по обычаю,
Вот и невеста средь них…
Спешилась сотня. К седельцу привязанный
Труп молодецкий висит.
Вот твой, красавица, суженный-ряженный»,
Ей атаман говорит.

Красное море

Из Адена в Порт-Саид

31-го августа 1916 года «Чесма» и «Варяг» вышли из Адена. Кончились широкие просторы океанов. Впереди Красное и Средиземное моря.

После долгого плаванья показалось, что кругом как-то тесно. Едва скрылись за кормою берега, как опять по носу открылась земля. Мы подошли к Баб-Эль – Мандебскому проливу. Справа берега Аравии, а слева – Африки. На острове Перим, лежащем в Баб-Эль-Мандебском проливе, приветливо мигал ночью маяк. Мы вошли в Красное море. Жара ужасная. Это море, окруженное с обеих сторон палящими знойными пустынями, вытянутое по меридиану и узкое по широте, кажется никогда не знает прохлады.

Сильное испарение делает его очень соленым. Иногда на его поверхности встречаются полосы и пятна красного цвета. Это колонии миллионов мальньких существ, окрашенных в красный цвет. Мне лично красные пятна в этом море пришлось видеть только два или три раза и пространство, занятое ими, было весьма невелико.

Море кажется таким однообразным. Бесконечная пустыня, наполненная водой, а между тем оно скрывает в себе кипучую жизнь, которую не знает земля. Больше того. В море живут целые миры живых существ и растений, которые отличаются друг от друга так же, если не больше, как на земле отличаются птицы от млекопитающихся, или растения от насекомых.

В современной океанографии отдельные группы живых существ и растений, живущих в море, разделяются на три мира.

На самой поверхности плавают свободно растения и животные, принадлежащие к миру, называемому плактон. Это

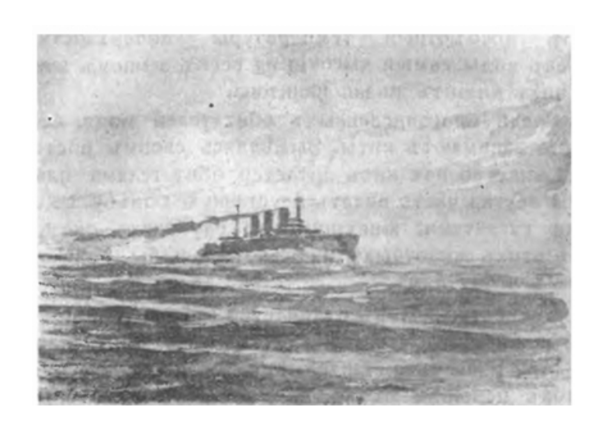
мириады диатомей, радиолярий, медуз, птероподов, ракообразных. Живя на поверхности моря, этот мир служит пищей, как для существ живущих под поверхностью моря, так и для морских птиц. Умирая существа этого мира медленно тонут и, опустившись на дно, распадаются, оставляя после себя только твердые частицы своих тел (панцыри, скелетики).

С течением времени слой этих остатков покрывает дно моря и образует там ил, носящий название по имени тех существ, из частей которых он образовался. Так получились залежи диатомеевого и радиоляриевого ила.

Ниже плактона, до больших глубин, идет мир нектон – это свободно плавающие существа, главным образом рыбы и головоногие. Количество их в океанах и морях огромно. Вспомним, что одних морских рыб насчитывается до 10,000 видов.

Наконец, на самом дне морей и океанов находится мир неподвижных существ и растений, прикрепленных ко дну или растущих на нем. Этот мир называется бентон. Он состоит из водорослей, кораллов, морских звезд, раковин и т. д.

Чем больше глубина, тем беднее жизнь в придонных областях. Ведь, на глубине 2.000 метров давление доходит до 200 атмосфер. Наконец, развитие жизни в море тесно связано с его температурой, причем нектон, т. е. мир рыб любит более холодные области. Поэтому, например, около нашего Мурмана, или близ острова Ньюфаундленд мы видим такое обилие рыбы, которая питает в сущности всю Европу. Также замечено значительное количество рыбы близ западных берегов экваториальной Африки, где проходит холодное морское течение. Наоборот плактон – мир поверхностных существ и растений любит тепло, вот почему этот мир так развит в южных морях и в частности в Красном море. В этом море абсолютные температуры поверхностных слоев воды самые высокие на всем земном шаре и в них кишит жизнь плактона.

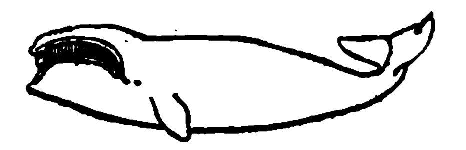
Линейный корабль «Пересвет» на пути к Порт-Саиду

Среди многочисленных обитателей моря, особое место занимают киты. Выделяясь своим ростом, большинство из них питается обитателями плактона, а другая часть ведет неустанную борьбу с другими гигантами, живущими на глубинах океанов. Об этих животных мне хотелось бы рассказать моим читателям.

Семейство китов отличается от других жителей моря, тем, что его представители принадлежат к миру млекопитающихся. Каким образом предки китов перешли от жизни на суше в океаны, до сих пор еще наука точного ответа не дает. Но жизнь китов, являясь одним из чудес природы, невольно интересна каждому.

Киты подразделяются на два рода – киты беззубые, имеющие вместо зубов пластинки, так называемого китового уса, и киты зубатые. Последние менее многочисленны.

Наиболее распространенным является, так называемый, черный или обыкновенный кит. Первоначально полагали, что он водится только в полярных областях, поэтому ему дали наименование Eubalaena Glacialis.

Черный обыкновенный кит. (Eubalaena Glacialis, Bonn.).

На самом же деле этот кит распространен по всему миру – он встречается в Тихом, в Атлантическом, в Индийском и в обоих полярных океанах. В разных местах он имеет разновидности, которые первоначально принимали за особый вид. Так у берегов Японии встречается обыкновенный кит, получивший название Eubalaena Glacialis Japonica; той же породы, но немного отличающийся по внешнему виду, кит встречается в южной части Атлантического и Тихого океанов, здесь он получил наименование Eubalaena Australis. Тот же обыкновенный кит раньше встречался в большом количестве в Бискайском заливе, где его истребляли китобои-баски; в этом месте он получил наименование Balaena Biscayensis.

Наконец, на севере Атлантического океана около Гренландии встречается тот же черный обыкновенный кит, но гораздо большего размера и здесь его назвали Гренландским китом.

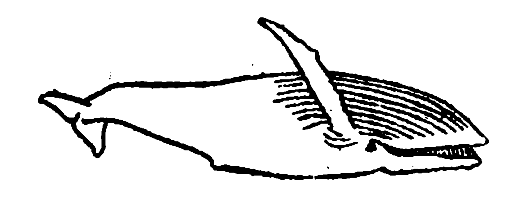
Самым большим из китов является, так называемый, голубой или желтобрюхий кит (Balaenoptera masculus), он достигает 90 фут длины, а его разновидность, названный Balaenoptera phyealis, не превышает 85 фут длины, а обычно бывает около 80 фут.

Голубой кит. (Balaenoptera masculus, L.).
Самый крупный из китов. Достигает 90 фут длины

Интересна разновидность кита, встречаемая у берегов Японии и называемая Balaenoptera borealis. Этот кит нещадно истребляется японскими китобоями. Размер его не превышает 50 фут длины, а обычно около 35 фут.

Имеется еще так называемый горбатый кит с огромными плавниками, часто белого цвета, его называют Megaptera nodosa. Он не бывает длинее 50 фут. Встречается в Тихом, Атлантическом и Индийском океанах.

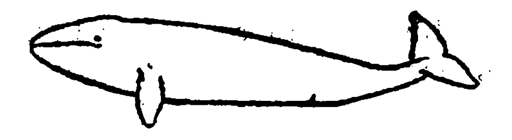
Горбатый кит (Megaptera nodosa, Bonn.) .

Чрезвычайно интересно наблюдать, как кит этой породы играет, во время сильного волнения на море; пользуясь своими большими плавниками, это громадное животное вылетает из воды и затем бросается навстречу катящимся волнам, точно вызывая их на бой.

В Тихом океане широко распространен еще так называемый кит-странник (Rhachianectes glaucus).

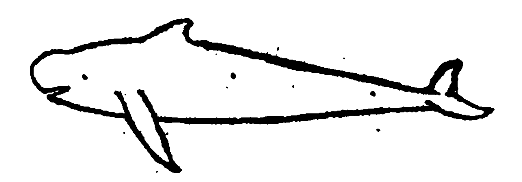
Благодаря серому цвету его кожи китобои в Калифорнии назвали его серым китом. Он распространен от Берингова пролива вдоль обоих берегов Тихого океана, причем, на востоке он спускается до Калифорнии, а на западе до Кореи. В зависимости от времени года, этот кит совершает путешествия, переселяясь то на север, то на юг. Благодаря тому, что он заходит часто на мелководные места, еще в древние времена индийцы Америки и жители Кореи охотились за ним своими примитивными орудиями охоты. Так как часто, преследуемый охотниками, этот кит разбивал, утлые шлюпки, а

иногда и убивал самих охотников, то он получил у них название – «черт-рыба».

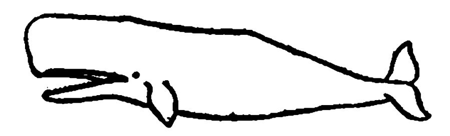
Серый кит или черт рыба. (Rhachianectes Glaucus, Cope.)

К китам зубатым принадлежит кит-убийца (Orca orca) или морской волк. Далее зубатый белый кит (Delphinopter leucus); нарвал (Monodon monoceras), который является обитателем полярных морей; далее в этом же семействе находится кит-лоцман (Globicephalus melas) который почему-то имеет привычку приближаться к берегам почти вплотную, благодаря этому во время бури, его часто выбрасывает на берег и он становится добычей прибрежных жителей; затем идет, чрезвычайно редко встречаемый, носатый кит (Mesoplodon bidens); к породе зубатых китов принадлежит также интереснешее животное – белый дельфин, (Lipotes vexilifer) чисто белого или серого цвета, пока найденный только в озере Тунгтин в провинции Хунан в Центральном Китае. К зубатым китам принадлежат также морская свинья (Neomeris phocaenoililis), встречаемая в устьях рек в Индии и в Китае.

Кит-лоцман (Globicephalus melas Traill.)

Особое положение среди зубатых китов занимает спермацетовый кит или кашалот, (Physter macrocephalus), который встречается, иногда большими стадами, в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Он достигает 70-ти фут длины, обладает головой совершенно особой формы и пастью, усаженной зубами. Долго не знали условий жизни этого кита. Среди китобоев и вообще среди моряков давно ходили легенды о существовании в глубинах океанов гигантских головоногих осминогов и каракатиц называемых моряками – кракены. Китобои утверждали, что, охотясь за кашалотами, они убеждаются в близком присутствии стада этих животных потому, что на поверхности океана плавают обрывки гигантских щупалец спрутов и каракатиц, но им не верили. Однако, теперь ученые убедились, что рассказы китобоев были правильными. Действительно кашалот питается гигантскими головоногими, живущими на больших океанских глубинах и никогда не приближающихся к берегам. Теперь установлено, что длина щупальцев таких кракенов достигает 12-ти метров. Один такой экземпляр был замечен в Саргасовом море в Атлантическом океане.

Спермацетовый кит или кашалот (Physter macrocephalus, L.).
Самый большой из зубатых китов.

Вот почему кашалота можно очень редко встретить в прибрежных водах. Охота кашалота за кракенами поразительна по той страшной силе и по тем условиям, в которых она происходит. Нырнув на глубину, где плывет гигантский спрут, кашалот вступает с ним в смертельную борьбу. Если

ему не удастся оторвать щупалец, в который он вцепился своею пастью, то спрут в свою очередь может обвить его своими щупальцами и задавить, не давая возможности подняться на поверхность. Так как тело головоногих резинообразное и оторвать от него кусок чрезвычайно трудно, то природа снабдила кашалота пастью, играющую роль плоскозубцев, которые зацепив коническими зубами щупалец спрута, дают возможность кашалоту быстро оторвать его и вырвавшись из смертельных объятий своего врага подняться на поверхность. Кашалот жестоко истребляется китобоями, ибо в нем находятся драгоценное масло – спермацет и очень дорогое благовонное вещество, называемое амбра.

Ненасытная жадность человека, технические усовершествования китобойного дела, создавшего ныне вместо старого ручного гарпуна, мощную гарпунную пушку, приводят к тому, что количество китов на нашей планете уменьшается с каждым десятилетием и может быть не далеко уже время, когда об этом удивительном животном, можно будет только читать в книгах.

Мы шли самой серединой моря и берега скрылись из наших глаз. Мысленно мы переносились в знойную Аравию, в ее прибрежные провинции Ямен, Ассир, Гейджас. Там сейчас находились наши враги – турки и их германские инструкторы, но туда мы могли перенестись только в мечтах.

Подходя к Суецу, мы вновь увидели берега справа от нас. Высокой синеватой шапкой показалась из-за горизонта гора Синай. Когда смотришь на нее с моря, чувствуешь какое-то разочарование. Неужели с этой, сравнительно маленькой, горы были даны человечеству Заповеди Ветхого Завета: «Аз есмь Господь Бог твой да не будут тебе бози инии разве мене». Едва мелькнет такая мысль и сразу чувствуешь ее убожество. Ведь, Господь Бог велик везде, и заповеди, данные миру, вечны, откуда бы они не были даны, до наших дней глухому человечеству.

Только что мы с моим приятелем, лейтенантом Гессе, увлеклись философскими разговорами на церковно-исторические темы, как нас оторвал голос сигнальщика: «Неприятельский корабль справа на крамболе». Мгновенно оба мы впились в наши цейсовские бинокли, передав дежурным орудиям (мы были в «готовности № 4», т. е. имея на каждом борту по два 6 дюймовых и 76 м/м. орудия заряженными), приготовиться открыть огонь. Под самым берегом шел одним курсом с нами монитор; на его корме ясно был виден красный флаг. «Турки, очевидно турки», мелькнула мысль: «но ведь у турок здесь не может быть монитора». Губы прижались к рупору переговорной трубы, вот, вот сорвется роковое слово «залп». В эту минуту флаг на «противнике» развернулся и мы и сигнальщики увидели, что это английский монитор, но... под коммерческим флагом. Мы с Гессе переглянулись и оба поняли взаимные мысли: – «не судьба нам на бои».

5-го сентября 1916 года в 1 ч, дня «Чесма» и «Варяг» вошли в Суец и стали на якорь. До 6 часов ожидали разрешения войти в канал. Суец город с 30.000 жителей, низкий, вечно палимый знойным солнцем. В 6 часов мы вошли в Суецкий канал. Он построен французским инженером Фердинандом Лесепс. Длина канала 162 километра, считая от Суеца до Порт-Саида. Ширина между берегами от 68 до 100 метров, а по дну 22 метра. Глубина 8,5 метра. В Русско-Японскую войну наши броненосцы 1-го отряда: «Александр III», «Бородино», «Орел» и «Князь Суворов» (флаг генерал-адъютанта вице-адмирала З. П. Рождественского) не могли из-за своей большой осадки идти через Суецкий канал и им пришлось огибать Африку кругом мыса Доброй Надежды. Суецкий канал считается международным и в его районе не должно быть военных действий, однако, в минувшую войну (1914–18 г.) турки три раза пытались напасть на этот канал. Первая

попытка была в феврале 1915 года, когда турки произвели атаку в районе Тусума и Серапеума. Атака была отбита союзными военными судами и английскими войсками. В марте 1915 года противник вновь повторил свою попытку, на этот раз в районе Суеца, – нападение опять было отбито. Наконец, в начале 1916 года неприятель повел вновь наступление на канал в районе Романи и опять был отбит.

Когда мы проходили канал, он охранялся усиленно по обоим берегам. Кроме того над ним были установлены воздушные дозоры союзных аэропланов, и движение по каналу было в руках военных властей.

Едва мы вошли в канал, как справа на берегу показались развалины Арсиноя; отсюда идет караванная дорога на Мекку. На африканском берегу эта дорога продолжается. По ней шел генерал Бонапарт, будущий Император Французов, в 1798 году с мечтою завоевать Индию. Примерно на ⅓ пути от Суеца, канал вливается в большое «Соленое озеро», из которого он опять продолжается до Суеца. Начиная от Эль-Кантара, своим западным берегом, канал сливается с озером-лагуной Мензалех, которое отделено от Средиземного моря цепью островов тянущихся от Диамиеты до Порт-Саида, на протяжении, примерно, 65 километров. 6-го сентября мы пришли в Порт-Сайд. Этот город назван по имени вице-короля Египта Мохамеда-Саид-Паши (родился в 1822 г., умер в 1863 г.) он был большим поклонником Лесепса и много сделал для сооружения зтого канала.

В Порт-Саиде мы получили неожиданную телеграмму, что «Чесма» оставляется в Средиземном море и должна идти в Александрию, а оттуда к союзному флоту в Пирей. Таким образом, для перехода через Средиземное море, от всего нашего отряда остался только «Варяг».

На рейде в Порт-Саиде мы застали французский линейный корабль «Жорегеберри» и английский линейный ко-

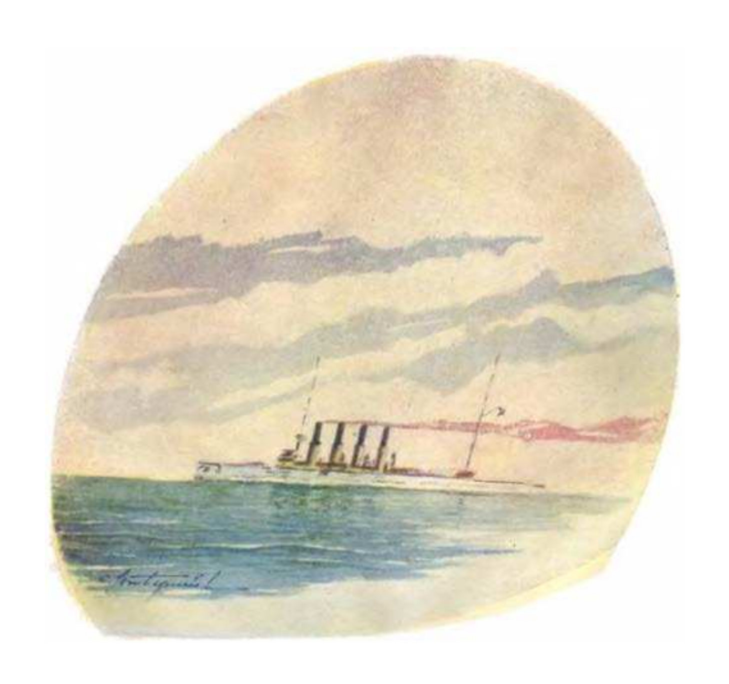
рабль «Океан», кроме того здесь было много союзных тральщиков и миноносцев. На всех судах были установлены противоаэропланные пушки, которых у нас не было. Появление наших кораблей вызвало среди союзных моряков большое удивление. Нас спрашивали откуда мы появились, каким образом у России на Востоке оказались такие военные корабли?

7-го сентября адмирал А. И. Бестужев-Рюмин переехал со штабом на «Варяг» и поднял у нас флаг.

8-го сентября в 10 часов утра «Варяг», имея в кильватере «Чесму», снялся с якоря и вышел в Средиземное море. Здесь уже театр военных действий. Здесь, в любой момент, мы можем быть атакованны подводными лодками. Едва мы вышли из канала, как была пробита боевая тревога. Орудия все заряжены. Прислуга у орудий на две смены. По обоим бортам рассыпались наблюдатели за подводными лодками. Мирное плаванье кончилось.

В Средиземном море в 1916 г.
Ст. оф. французского лин. кор. «Patrie»
Кап. II р. d'Estournet и его помощник лейт. Decaux.

Крейсер «Варяг» в океане в 1903 году.
Акварель Кап. 2 р. С. А. Четверикова.

Судовые часы

Средиземное море

От Порт-Саида до Мальты

В 6 часов вечера 8-го сентября на «Варяге» взвился сигнал: «Чесме» следовать по назначению», и вслед затем: «Адмирал желает счастливого плаванья».

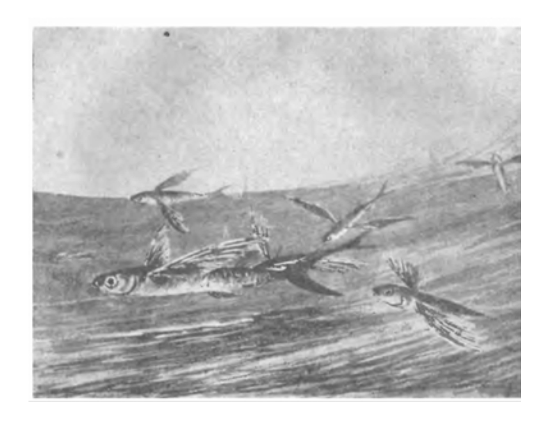
«Чесма», прибавив ход, начала обгонять «Варяг», проходя у него по левому борту. Офицеры и команда, свободные от службы, стояли в строю. С «Варяга» раздался в рупор бодрый голос адмирала: – «До свиданья молодцы» и дружным гулом донеслось до нас ответное: – «Счастливо оставаться ваше превосходительство». Корабли начали расходиться. «Чесма» легла на курс, ведущий в Александрию, а «Варяг» на – остров Мальту. Крейсер прибавил ход до 17 узлов. «Чесма» все дальше и дальше оставалась за кормой, вот скрылся корпус, потом надстройки, трубы, клотики мачт и только облачко синевато-черного дыма указывало нам место, где находились наши соплаватели, с которыми мы вместе совершили поход от Владивостока до Средиземного моря.

А там, на Дальнем Востоке, остался третий наш спутник «Пересвет». В Порт-Саиде адмирал получил от его командира телеграмму, что ремонт корабля заканчивается и, что он расчитывает в течение месяца выйти из Владивостока. Увы, «Пересвету» не суждено было дойти до Мурмана. 4-го января 1917 года (22 декабря ст. стиля 1916 года) он взорвался на минной банке, поставленной германской подводной лодкой в 10 милях к северу от Порт-Саида. Корабль затонул сравнительно на мелком месте, так, что клотики его мачт видны над водою. Помощь погибающим оказали английские тральщики, но сильная волна и ветер очень затрудняли спасение. На «Пересвете» погибло 6 офицеров и 110 матросов.

Нам на «Варяге» 8-го сентября 1916 года еще была неизвестна грядущая печальная судьба «Пересвета». Вспоминают-

ся мне, на рейде Кронштадта «Пересвет», а через год его «Sister Ship» – «Ослябя». Оба однотипные, выкрашенные в белую краску, с желтыми трубами. Оба готовые идти за границу. Это было еще до Русско-Японской войны. На них славились своим художественным изображением носовые украшения – иноков Осляби и Пересвета, посланных святым Сергием Радонежским к великому князю Димитрию Донскому перед Куликовской битвой. Имена этих иноков носили эти корабли. Жестокая судьба ожидала их обоих: – «Ослябя» погиб в Цусимском бою, будучи флагманским кораблем командующего 2-м броненосным отрядом вице-адмирала Фелькерзам. Сам командующий скончался накануне боя и «Ослябя» пошел ко дну, унеся с собою гроб адмирала и большую часть своего экипажа. «Пересвет» доблестно сражался в составе 1-ой Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. Там перед сдачей крепости, он затонул на рейде.

После войны, японцы подняли его, он вошел в состав японского флота под именем «Сагами», в 1915 году был куплен нами, опять получил имя «Пересвет» и погиб на неприятельской мине у Порт-Саида.

Летучие рыбы

В минувшую войну «Варяг» и другие наши Корабли уже не имели носовых украшений, они были заменены величественным, одинаковым для всех кораблей, российским государственным гербом (двуглавый орел) на форштевнях.

Развивая 17 узлов «Варяг» шел плавно: совершенно не чувствовалось тряски машин. Острый форштевень крейсера разрезал поверхность темно-синего спокойного моря. Уже стемнело, когда мы перехватили радио с острова Мальта: «Алло, алло 3403, 2210»; по условному междусоюзному коду это означало: – «Неприятельская подводная лодка находится в широте нордовой 34 градуса, 3 минуты и долготе остовой 22 градуса, 10 минут». Это было далеко от нас, около острова Крит.

До Мальты нам предстояло идти 4 дня. Ночью спокойно. Но чуть появлялись первые лучи солнца, как приходилось быть начеку. Каждое подозрительное пятнышко на поверхности моря, каждый плывущий предмет мог оказаться перископом неприятельской подводной лодки. Поэтому днем мы оба с лейтенантом Гессе не отходили от боевой рубки, все орудия у нас были заряжены ныряющими снарядами, изобретенными в нашем флоте против подводных лодок. Но, слава Богу, за весь переход нас не атаковали. Резвые стаи касаток непрерывно бежали около нас, то ныряя под крейсер, то идя за ним, то играя в струях воды впереди его форштевня. Иногда из воды вылетали стайки летучих рыбок, так называемых «петушков» (Dactylopterus volitans). Их много в Средиземном море. Мы шли вдали от берегов, и кругом было только море да небо. Война сказывалась в том, что за весь переход мы не встретили ни одного коммерческого корабля. Море было совершенно пустынно.

11-го сентября, после полдня по носу показался дымок. Скоро открылся силует миноносца. Это был английский миноносец «Минстрэль», посланный к нам в конвой из порта Ла-Валетта, на Мальте.

Подойдя к нам «Минстрэль» повернул на наш курс и пошел впереди, ведя «Варяг» к союзному, дружественному порту. Появление «Минстрэль» рассеяло наше одиночество и вселило сознание, что в случае, если «Варяг» будет взорван подводной лодкой, то людей наших спасут.

Миноносцы и тральщики в минувшую войну были единственными кораблями, которые не страшились подводных лодок и которые сами для них были грозными врагами.

12-го сентября утром «Варяг» вошел в порт Ла-Валетта, на острове Мальта. Здесь оказался проездом бывший командир «Аскольда» капитан I-го ранга Иванов 6-ой, который нам рассказал, что новый командир капитан I ранга Кетлинский уже принял «Аскольд», что этот крейсер закончил ремонт в Тулоне и ждет нас.

Здесь же на Мальте адмирал получил телеграмму, изменившую совершенно мою личную судьбу.

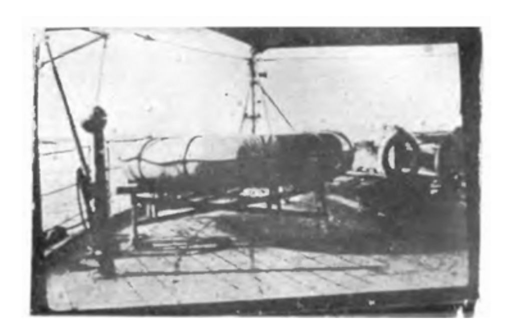
Вот ее содержание: «Начальник морского генерального штаба поручил передать вам приказание, немедленно по приходе во Францию командировать в Париж, в мое распоряжение лейтенайта Бориса Апрелева, назначенного для связи на французский флот».

Эта телеграмма была прислана адмиралу военноморским агентом во Франции капитаном I ранга В. И. Димитриевым. Как для адмирала, так и для меня она была совершенно неожиданной. Но узнать причину, вызвавшую мое новое назначение, я мог только по прибытии в Париж.

Как неожиданно я был назначен во Владивостоке на «Варяг», так же неожиданно я был с него списан. С детства врожденная вера, что ничего не бывает с человеком без воли Божьей, и доброе военное правило: – «На войне ни на что не напрашивайся и ни от чего не отказывайся», смягчили горечь сознания, что придется скоро расстаться с моими соплавателями, с которыми сблизили крепко и общая работа и общие горести и радости.

Стоянку на Мальте мы использовали для осмотра памятников старины этого удивительного острова. Осмотрели собор и музей Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийских). Особенно поразил нас в музее великолепный портрет императрицы Екатерины Великой, работы художника Левицкого. Этот портрет был подарен Ордену, гросмейстером его, Императором Павлом I. Великолепны коллекции оружия и доспехов рыцарей. Неотразимое впечатление производит также собор и усыпальница.

По истории Ордена Мальтийских Рыцарей и вообще о военно-монашеских орденах, в Западной Европе, я даю ниже историческую справку, которая может быть интересна многим из моих читателей.

Спасательный плот на английском линейном корабле «Cornwallis». Средиземное море. 1916 год

Остров Мальта. Порт Ла Валетта

Корабль конца XVII века

Военно-монашеские ордена в Западной Европе (Краткие исторические сведения)[41]

Когда нашествие варваров разбило остатки античной цивилизации, население Западной Европы начало группироваться около двух оплотовъ: – рыцарского замка и монастыря. Оба эти оплота действуя друг на друга, создали своеобразные общины – военно-монашеские ордена, возникновение, которых относится ко времени крестовых походов.

Для нас русских, история этих орденов интересна потому, что во время крестовых походов рыцари-крестоносцы вошли в близкое соприкосновение с Православным Востоком, остались о них воспоминания и на Святой Горе Афонской и, наконец, часть этих военно-монашеских орденов играла довольно большую роль в России. Равным образом, для русских людей интересна история одного из этих монашеских орденов, из среды которого, как предполагают, образовалось в Европе масонство, о котором ныне так много говорят.

---

[41] Военная Энциклопедия, т. VI, стр. 513, изд. 1912 года.

В историческом порядке первым возник Орден Святого Иоанна Иерусалимского, члены которого сначала назывались Иоаннитами, потом Родосскими и, наконец, Мальтийскими рыцарями. В половине XI века богатый мавр из Амальфи, видимо тайно принявший христианство, выхлопотал у халифа разрешение устроить в Иерусалиме госпиталь для христиан-паломников и при нем часовню Св. Марии. В 1099 году, в видах необходимости организовать оборону Иерусалимского Королевства, король Гвидо Лузиньян воспользовался уже существовавшей при этом госпитале общиной, которая построила церковь Святого Иоанна Иерусалимского. Мысль образовать из рыцарей и паломников орден, члены которого были бы связаны единой религиозной и государственной задачей охранять гроб Господень, получила окончательное выражение в 1113 году, с разрешения Папы Пасхалия II (в 1054 году уже состоялось разделение Церквей и таким образом рыцари Ордена Святого Иоанна Иерусалимского были не православными).

С этого времени (1113 годъ) монахи-рыцари стали называться Иоаннитами или Госпитальерами (странноприимцами). В 1118 году главой ордена был выбран, с титулом Ректора, Раймонд Дюпюи. Члены Ордена разделялись на 3 класса:
1) Рыцари, 2) Духовенство, 3) Слуги.

Все произносили одинаковые обеты: – бедности, целомудрия и послушания, а рыцари, сверх того, и обет постоянной борьбы с неверными. Отличительным внешним знаком Ордена был черный плащ с белым крестом. Впоследствии на войне стали надевать красный плащь, чтобы не было заметно крови. Уже Дюпюи принял титул Магистра Ордена, а в 1267 году папа Климент IV даровал главе Ордена титул Великого Магистра. В 1187 году при взятии Саладином Иерусалима, погибла большая часть рыцарей, а остальные перешли

в Птолемаиду. В 1191 году Иоанниты присоединились к крестоносцам, под начальством Филиппа Французского и Ричарда Львиное Сердце. Во время длительной осады Акры среди крестоносцев возник новый рыцарский орден – Святого Иоанна Крестителя и Святого Фомы. Цели этого ордена были тождественны с целями Иоаннитов и оба ордена скоро слились; только в Испании осталась самостоятельная отрасль под названием Ордена Святого Фомы. В начале XIII века часть Ордена Иоаннитов перешла из Птолемаиды в Испанию и, помогая Королю Якову Аррагонскому, завоевала у Мавров Валенсию, за что рыцари получили большия земли. Оставшиеся же в Малой Азии продолжали борьбу с турками. Особенно была тяжела для Ордена война с Египтом, когда в сражении при Газе в 1241 году пала большая часть рыцарей во главе с Магистром Гереном. В 1291 году, Акра была уступлена султану и орден был вынужден перейти на о-в Кипр (в Средиземном море), где уже ранее основались рыцари Тамплиеры (Храмовники – от слова Temple – храм). На Кипре они сперва радушно встретили рыцарей Иоаннитов, но вскоре с ними поссорились. Этот момент, исторически, очень интересен, ибо он обозначает начало смертельной борьбы, возникшей между орденами рыцарей Иоаннитов и Тамплиеров, борьбы трагической и, как будет видно ниже, вышедшей далеко за пределы обычного соперничества.

Великий магистр Иоаннитов, Вилларе, собрав на Кипр всех рыцарей своего ордена из разных государств, положил начало могущественному флоту ордена, при помощи которого, в 1309 году завоевал остров Родос (в Средиземном море около берегов Малой Азии) куда Орден и перешел с острова Кипра.

XV век был наиболее блестящим в истории Ордена. С уничтожением в 1312 году Ордена рыцарей Тамплиеров, Иоанниты унаследовали от них Кипр и несколько других

островов. Сильный флот дал им возможность завоевать земли в Малой Азии около Смирны и Галикарнасса. Около середины XV века египтяне начали высылать свой флот для борьбы с рыцарями. В 1444 году они в первый раз напали на о-в Родос, но были отражены. В 1479 году армия султана Магомета II в 100.000 человек вновь отправилась к о-ву Родос, но, несмотря на ряд штурмов, была отбита. В XVI веке внутри Ордена начинаются раздоры и значение его постепенно падает. В 1521 году Великим Магистром был избран Филипп Виллье де Лиль Адан. Канцлер Ордена Амораль сам расчитывавший быть избранным, решил отомстить Ордену и через одного еврея сообщил туркам детали положения гарнизона о-ва Родос. В 1522 году султан Солиман II подошел к о-ру Родос на 400 кораблях с войском в 140.000 человек. У Ордена было всего 600 рыцарей и 4.500 человек пехоты, но несмотря на такое несоответствие сил, оборона тянулась пол года. Великий Магистр надеялся, что христианские государства помогут Ордену, но надежда его не оправдалась и 1-го января 1523 года состоялась капитуляция о-ва Родос. Остатки рыцарей Ордена Иоаннитов перебрались сперва в Мессину, оттуда в Чивитта-Векию и, наконец, на о-в Мальту, который получили в дар, вместе с Гоцо и Трипполи, с обязательством защищать берега от набегов мусульманских корсаров. С 1530 года, когда Орден прочно устроился на Мальте, рыцари получили название Мальтийских. Реформация (ересь Лютера) лишила Орден богатых имений в Англии, Нидерландах и в Скандинавии, а изменившаяся обстановка жизни в европейских государствах значительно сократила приток к Ордену новых сил.

Внутреннее устройство Ордена, к этому времени, было таково: во главе стоял Великий Магистр, избираемый рыцарями пожизненно; все остальные члены Ордена делились на 8-мь Наций: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Аррагония,

Кастилия с Португалией, Германия и Англия. Во главе каждой Нации стояло особое выбранное лицо, которое вместе с тем занимало одну из крупных должностей в Ордене. Прованс давал Великого Командора (Главный Казначей), Овернь – Великого Маршала (Начальника пехоты), Франция – Госпитальера (Заведующего благотворительными и странно-приимными учреждениями Ордена), Италия – Великого Адмирала (Командующего флотом), Аррагония – Великого Консерватора (Министра Внутренних Дел), Кастилия с Португалией – Великого Канцлера (Министра Иностранных Дел), Германия – Великого Бальи (Начальника всех фортификационных сооружений), Англия – Туркопилера (Командующего конницей). Главы Наций, под председательством Великого Магистра, составляли Тайный Совет Ордена.

Каждая Нация делилась на Великие Приорства, Баллии и Командорства. Весь XVI век Мальтийские рыцари вели героическую борьбу с турками и продолжали расширять свои владения, завоевав Коринф, Лепанто и Патрас.

С конца XVI века Орден испытывает все большее и большее вмешательство Папской власти и к началу XVII века папский инквизитор, живший на о-ве Мальта захватил право выдавать патенты на звание Мальтийского Рыцаря.

Сношения Мальтийских рыцарей с Россией начались при Великом Магистре Раймунде де Рокафуль (1697–1720 гг.), когда возникли ничем не кончившиеся переговоры о союзе против турок. Более действительными оказались сношения, завязанные Великим Магистром принцем де-Роган (1775–1797 гг.). По завещанию князя Острожского, большая часть его земель, при прекращении мужского потомства, должно было перейти к Мальтийскому Ордену, образовав особое Великое Приорство. Завещание это вызвало долгие споры, но Императрица Екатерина II поддержала права Ордена и еще увеличила земли нового Великого Приорства, присоединив к ним владения, изгнанных из России, Иезуитов.

Французская революция, объявив борьбу духовенству и дворянству, тяжело обрушилась на Мальтийских Рыцарей. Декретем Конвента от 19-го сентября 1792 года имения Мальтийского Ордена во Франции были конфискованы, а рыцари изгнаны из пределов государства. В это тяжелое время Мальтийские Рыцари получили неожиданную могущественную помощь от Императора Павла I-го.

По докладу Посланника Ордена в С.-Петербурге, капитана II-го ранга графа Литты, 4-го января 1797 года было Высочайше разрешено учредить в России Великое Приорство Ордена с 13-ю Командорствами, одаренными землями и деньгами. Русское Великое Приорство было присоединено к Англо-Баварскому языку (Нации), чтобы не нарушать организации Ордена. В 1798 году манифестом своим Император Павел I-ый объявил об установлении в России Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Орден делился на 2 Приорства (Православное и Римско-Католическое). Великий Приор, 2 Приора и 98 Командоров должны были быть обязательно русскими подданными и иметь не менее 150 лет дворянства, полученного за военные заслуги и сверх того сделать взнос в Орденскую казну. Для получения командорства требовалось, кроме того, сделать не менее 4-х кампаний, по 6-ти месяцев каждая, в русских армии или флоте, назначенных в состав Ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

От Гвардии в Орден был зачислен Кавалергардский полк, а от Флота в Черном море была сформирована специальная эскадра, плававшая под флагом Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского (темно-малиновое полотнище и на нем белый Малтийский 8-ми конечный крест).

Средства, жалуемые Ордену, были по Высочайшему повелению увеличены. Вихрь, революции во Франции в это время заканчивал разрушение Ордена.

В 1798 году Генерал Бонапарт (впоследствии Император французов), на пути в Египет, 12-го июня без боя овладел о-

вом Мальтой. Великий Магистр Ордена Гомпеш был низложен. В декабре того же года Мальтийские Рыцари собрались для избрания нового Великого Магистра.

Рыцари не забыли благодеяний, оказанных им Россией в тяжелые годы Французской революции, и наметили на пост Великого Магистра Русского Императора. Часть рыцарей, несмотря на умелую политику помянутого выше графа Литты, на это не согласилась, полагая, что Великим Магистром Ордена не могло быть лицо православного вероисповедания. Тем не менее 16-го декабря 1798 года Государь Император Павел I-й оказался избранным и Высочайше повелеть соизволил прибавить к своему титулу слова: «Великий Магистр Ордена Святого Иоанна Иерусалимского».

В России эта связь католического рыцарского Ордена Святого Иоанна Иерусалимского с православным Русским Государем осталась до 1917 года в виде целого ряда особенностей в учреждениях, связанных с памятью покойного Государя Императора Павла I-го. Так все лица, окончившие полный курс наук в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, в здании которого помещалась часовая и управление Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского в С.-Петербурге, был присвоен особый нагрудный знак в виде 8-ми конечного белого эмалевого мальтийского креста. Линейный корабль «Император Павел I-й» получил право иметь флюгарки на шлюпках темно-малинового цвета с белыми мальтийскими крестами, а пробки на орудиях из красной меди с накладными из латуни мальтийскими крестами. Кавалергардский Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк, вместо обычной полковой печати с Государственным малым гербом, имел печать особую с изображением мальтийскаго креста.

Как мы видели выше, в музее рыцарей Ордена Святого Иоанна Иерусалимскяго на острове Мальте хранится портрет

Императрицы Екатерины II, подаренный Императором Павлом I-м.

Наконец, дальше мы увидим, что в России хранились святыни этого Ордена, которые, несмотря на страшную смуту, были вывезены русскими людьми за границу.

При Императоре Павле I, дабы увеличить число лиц связанных с этим Орденом, мальтийский крест стали давать и лицам не дворянского происхождения; для женщин были установлены особые ордена. В 1800 году Высочайше было поведено давать нижним чинам за 20-ть лет беспорочной службы медные кресты Мальтийского Ордена, носившие надпись: «Донаты Ордена Святого Иоанна Иерусалимского».

В том же 1800 году островом Мальтой овладели англичане, обязавшиеся по Амьенскому договору, возвратить этот остров Мальтийскому Ордену, но этого пункта договора англичане не исполнили.

Император Александр I-й отказался от звания Великого Магистра Ордена, сохранив за собой титут Протектора этого Ордена.

В 1817 году Высочайшим манифестом было объявлено, что Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского в России больше не существует и, что после смерти Командоров Ордена наследники их не наследуют сего звания и знаков Ордена Святого Иоанна Иерусалимского не носят.

Этим закончилась связь Ордена с Россией, но идеи Ордена и его ядро не погибло. Капитул Ордена был перенесен в Западную Европу и стал под покровительство Римского Папы. В 1834 Капитул Ордена основался в Риме. В 1839 году Папа Григорий XVI восстановил Великое Приорство Королевства Обеих Сицилий. В том же году Министр иностранных дел австрийского Императора Меттерних создал Приорство Ломбардо-Венецианское. С половины XIX века Мальтийский Орден принимает вид крупного благотворительного общества,

имеющего больницы для бедных во многих местах Европы, в Бейруте и большой странноприимный дом в Иерусалиме. С момента перенесения Капитула Ордена в Рим, глава Ордена назначается Папой и носит звание заместителя Великого Магистра.

В 1871 году папской буллой лейтенанту (заместителю) барону Санта-Крозе дарован прежний титул Великого Магистра.

В наши дни Орден Мальтийских Рыцарей имеет еще кое-где свои Приорства, а именно, насколько нам известно, в Австрии, в Италии (Римское, Ломбардо-Венецианское, обеих Сицилий), и в Испании. Как знак отличия Орден Святого Иоанна Иерусалимского существовал в Австрии и в Пруссии (установлен был 23-го мая 1812 года) и в Испании, вместе со знаками Ордена Святого Фомы.

Такова история этого близкого России Военномонашеского Ордена. Реликвии этого Ордена: частица Животворящего Древа Креста Господня, Десница Святого Пророка и Крестителя Иоанна и Икона Филернской Божьей Матери были вывезены с разрешения генерала Наполеона Бонапарта с острова Мальты и хранились в России. После революции 1917 года эти реликвии было вывезены из России и хранились у покойной Государыни Императрицы Марии Феодоровны, в Дании.

Государыня скончалась 30 сентября 1928 года и реликвии Ордена Мальтийских Рыцарей были перевезены сначала в Берлин, где были помещены в Русской Церкви, а затем были доставлены в Королевство Югославию, где и хранятся ныне в Дворцовой Церкви Короля Александра I-го.

Для нас русских интересно и то, что Рыцари Ордена Святого Иоанна Иерусалимского не забыли, как говорят, до сих пор своей связи с христианской Православной Россией. Ныне, когда Родина наша охвачена теми же страшными

антихристианскими идеями, которые раздавили во время Французской революции этих рыцарей, судьба Ордена, как будто опять меняется. Носятся слухи, что нынешнее Правительство Италии в согласии с Папой Римским предполагает передать Мальтийскому Ордену их старое историческое гнездо остров Родос, создав из него, как бы маленькое автономное государство, управляемое на основании уставов Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского. В предвидении этого, члены ордена, якобы уже ныне разыскивают в Европе потомков тех русских рыцарей,[42] которые состояли в Ордене в эпоху пребывания его в России. Они, якобы, предполагают из этих потомков создать на о-ве Родос вновь Русское Православное Приорство, как было при Великом Магистре Ордена Императоре Павле I-м.

В связи с тем, как относится весь мир к страдающей ныне Православной России напомним, что Император Павел I-й во времена Французской революции дал приют в России не только Державному Ордену Святого Иоанна Иерусалимского, но и злейшим врагам православной России Ордену Иезуитов; более того, непонятый до сих пор Император Павел I-й защитил и саму Католическую Церковь в самый тяжелый для нее период Французской революции. В своем труде об ордене Малтийских рыцарей, барон М. А. Таубе сообщает о письме Папы Пия VI к Императору Павлу I-му. В этом письме Папа Римский просит Русского Императора о помощи.

---

[42] Наследственные комаидорства Державного Ордена Святаго Иоанна Иерусалимского сохранялись в России в роду графов Салтыковых, князей Белосельских-Белозерских) Князей Долгоруких, графов Шереметьевых, графов Мордвиновых, Кологривовых, и др.

Нынешним Великим Магистром этого Ордена состоит князь Людовико Киджиделло Ровере Альбани. Он наполовину русский, ибо его мать Светлейшая Княжна Антония Сайн-Виттенштейн, а бабушка Княжна Леонилла Ивановна Барятинская. Пребывание свое Магистр Ордена в данное время, имеет в Риме.

Папа Пий VI был в это время изгнан из Рима и жил в большой нужде в Сиенне. В своем письме, датированном 29 марта 1798 года, Папа взывает к доброму и благородному сердцу могущественного Русского Императора, которого он знал еще в то «счастливое время», когда Великий Князь Павел Петрович Наследник Российского Престола путешествовал по Европе инкогнито под именем графа Северного. Возлагая свои надежды на далекую Россию и на ее Царя, Папа Пий VI уповал лишь на чудо. Это чудо совершилось. Италийский поход Суворова, прославивший русское оружие победами над французскими революционными генералами: Моро, Макдональдом и Жубером, был ответом Императора Павла I-го на этот призыв о помощи Папы Пия VI. Благословляя Суворова на ратный подвиг, перед отъездом Генералиссимуса в Италию, Император Павел I-й возложил на него знаки Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Так до конца своей жизни, погибший мучеником под ударами масонов-заговорщиков, Император Павел I-й стремился помочь потрясенной революцией Европе.

Теперь перейдем к краткому описанию истории другого военно-монашеского Ордена, так называемых Тамплиеров (Храмовников), исторически постоянных врагов рыцарей Иоаннитов.

В то время, как Мальтийские рыцари обвиняли Тамплиеров в отступничестве от веры, в принятии разных сатанинских учений и даже в прямом исповедании Сатаны, Тамплиеры обвиняли Иоаннитов в, якобы, постоянном стремлении попользоваться богатствами ордена Тамплиеров. Этот спор двух орденов перешел в спор между Тамплиерами и Французским Королем, а затем и Тамплиеров с Римским Папой. Опять-таки Тамплиеры обвинялись в самых ужасных кощунственных верованиях, они же обвиняли своих противников исключительно в материальных побуждениях, целью

которых был захват богатств Ордена. Для нас эти споры были бы, может быть, совсем неинтересны, но именно из них создалось те два течения, о которых так много теперь говорят. С одной стороны (со стороны рыцарей Мальтийских) мы видим основную, чуждую нам православным, но могучую силу католической веры, с другой стороны (Тамплиеры) тайные масонские организации, которые, по-видимому, руководят всеми политическими революциями настоящего и минувшего веков. На эту тему написано много книг и не наша задача стараться разобраться в этом. Настоящая статья преследует единственную цель, постараться беспристрастно использовать материал по истории Ордена Рыцарей Тамплиеров, и все, что исторически о них известно сообщить нашим читателям.

Орден Рыцарей Тамплиеров или Храмовников (от слова храм) возник в 1118 году, т. е. немного позднее Ордена Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского. Основан орден Тамплиеров Гуго-де-Пайеном, Жоффруа-де-Сент-Адемаром и некоторыми его единомышленниками рыцарями-крестоносцами.

Название свое Орден получил потому, что Король Иерусалимский Балдуин II подарил ему дом возле церкви, воздвигнутой на месте разрушенного храма Соломона в Иерусалиме.

В 1128 году в Труа, Святым Бернардом был составлен устав для Ордена, получивший утверждение Папы Гонория II и Патриарха Иерусалимского[43]. Чрезвычайно строгий устав требовал от рыцарей обетов целомудрия, послушания, бедности и постоянной борьбы с неверными. Они должны были

---

[43] Напоминаем, что разделение Церквей состоялось в 1054 году, т. е. за 64 года до основания Ордена Рыцарей Тамплиеров и за 59 лет до официальной даты основания Ордена Иоаннитов. Правда, в отдельных местах тогдашней громадной Римской Империи, разделение Церквей часто еще не сказывалось, являясь лишь достоянием богословов двух тогдашних столиц, Рвма и Константинополя (Нового Рима).

постоянно нести труды или воина, или подвижника. Рыцари Тамплиеры клялись идти в бой один на трех; сдаваться в плен они не могли, ибо устав Ордена запрещал платить за них выкуп. Права Рыцарей Тамплиеров были очень велики: судить их мог только папа или капитул Ордена; свидетелем против Тамплиера мог быть только Тамплиер же. Орденский одеждой был белый плащ с красным 8-ми конечным крестом. Во главе Ордена стоял Гросмейстер пожизненно избиравшийся рыцарями и живший в Иерусалиме. Орден состоял из Рыцарей, Духовенства и Слуг. При Гросмейстере состоял Капитул или Совет из старших членов Ордена. Поместья Ордена, под названием баллий или командорств были рассеяны по всей Европе и подчинялись магистрам провинциальных капитулов, которые были во Франции, Англии, Португалии, Венгрии, Аррагонии и др. Скоро после основания Ордена, Рыцари-Храмовники стяжали себе большую боевую славу и привлекли в свою среду представителей наиболее знатных фамилий преимущественно французов. Хотя рыцари-храмовники давали обет бедности, но самый орден быстро богател и в XIII веке он владел более чем 9.000 поместий. В Париже этому Ордену принадлежал целый квартал Тампль, которому было присвоено право убежища. После взятия Иерусалима Саладином, Орден Храмовников перешел в Птолемаиду, а оттуда вместе с Иоаннитами на Кипр, но большая часть рыцарей-храмовников вернулась в Европейские командорства, в начале XIV века вспыхнула долго готовившаяся борьба Ордена Тамплиеров с Королевской и Папской властью. Эти исторические данные невольно наводят на размышления вдумчивого читателя. Почему рыцари Тамплиеры, казалось бы совершенно такие же, как и рыцари Иоанниты, лишь более богатые чем они и имеющие устав более строгий, сделались по их словам, предметом материалистических вожделений Римского Папы и Французского Короля. Почему последние не претендовали на имения ры-

царей Иоаннитов? Далее, почему рыцари Иоанниты, испытавшие такия же лишения, как и Тамплиеры и покинувшие Палестину, в тех же условиях сохранили в основе положения своего устава, по крайней мере, исторически не видно, чтобы они его резко нарушали, наоборот о Храмовниках, уже по данным того времени, мы читаем, что вместе с накоплением огромных богатств, пришла к ним и порча нравов. Рыцари-храмовника давали обет целомудрия, но постоянное соприкосновение с обычаями Востока привело к тому, что у многих из них образовались гаремы, состоящие из евреек и мусульманок, которых рыцари-храмовники будто бы обращали в христианство. У рыцарей-храмовников исчезла прежняя простота и скромность жизни; в Европе появилась даже поговорка, «пьян, как Тамплиер», или «бранится, как Тамплиер». Рыцари Храмовники широко пользовались своими судебными привилегиями, и много их кровавых преступлений остались безнаказанными. Для европейских государств, начинавших объединяться, Орден Рыцарей Храмовников, как государство в государстве становился опасным.

Далее, как обычно говорится в исторических описаниях этого Ордена, власть духовная в лице Римского Папы и власть светская того государства, где рыцари Храмовники обладали наибольшим имуществом, то есть Король Франции, решили выступить против этого Ордена. В этих же исторических описаниях обыкновенно пишется, что боясь выступить открыто Король и Папа решили обвинить этих рыцарей в отступничестве от веры и в колдовстве. Еще раз обращаем внимание на историческую несообразность этих положений. Если против рыцарей Храмовников возбуждали Короля и Папу лишь их богатства или их положение в государстве, то почему же, хотя бы в меньшем масштабе, не было бы такого отношения со стороны Папы и монархов Европы к рыцарям Иоаннитам. И, наконец, в свою очередь почему Тамплиеров обвиняли в отступничестве и колдовстве не

только Папа и Король Французский, но и рыцари Иоашшты, а равно и народная молва. Далее странно и то, что наставший в Европе век Возрождения, а затем французская революция, высмеивает или даже истребляет рыцарей Иоаннитов, вносит вообще безверие и даже гонение на веру, но никогда в книгах и органах антирелигиозных не приходится читать обвинений против Тамплиеров и кажется будто эти рыцари для деятелей революции и антихристианства являются, как бы своими. В тоже время многие исторические документы свидетельствуют, что среди высших чинов Ордена Рыцарей Храмовников еще в бытность их в Палестине было распространено тайное (оккультное) учение полученное ими от восточных ученых. Тут смешались и древние мистерии Греции, и сокровенное учение Египетских жрецов и каббала евреев. Первый толчек к этому, якобы, был дан тем, что рыцари Тамплиеры владели в Иерусалиме храмом Соломона, т. е. вернее тем местом, на котором был когда-то этот храм. Предание гласило, что на месте этого храма сокрыты невероятные сокровища и, что там хранятся манускрипы, заключающие в себе страшные тайны магии и каббалы.

Как доказательство причастности рыцарей Тамплиеров к тайным знаниям и к магии, можно привести тот несомненный факт, что до сих пор все старейшие общества, занимающияся теми же вопросами, как масоны, розенкрейцеры, мартинисты и другие, в числе многих званий своих членов, имеют для одной из высших степений, требующее, как говорят, отречение от веры Христовой, звание «Chevalier du Temple» («Рыцарь-Храмовник»).

В конце XIII века Орден Храмовников в лице своих старших представителей весьма врждебно относился к папской власти и тем окончательно возбудил ее против себя. Началась борьба, как говорят исторические документы, «Храма» (Temple) с «Церковью» (Eglise). Папа Римский обвинял рыцарей-Храмовников в богоотступничестве, в поклонении диаволу

под видом козла (культ Бафомета), в приношении ему человеческих жертв, в устройстве бесовских шабашей и т. д. Рыцари Храмовники, ссылаясь на Апокалипсис и на безнравственность ряда Пап, называли папский двор «великою блудницею». Далее, как говорят источники» благосклонные к Тамплиерам, Папа Римский согласился с Французским Королем уничтожить Орден Тамплиеров и захватить его богатства.

В 1306 году Король Французский, Филипп IV Красивый, подал жалобу Папе Клименту V на рыцарей Храмовников, обвиняя их в вышеуказанных преступлениях против Веры и в непосредственной связи с мрачною восточной сектою ассасинов (assassin – убийца).

13-го октября 1307 года по приказу Короля Филиппа IV, рыцари Храмовники были арестованы во всей Франции и заключены в тюрьму. Великий Магистр Ордена Храмовников Яков Моле был арестован и заключен в башне замка дю Тампль в квартале Тампль, принадлежавшем рыцарям Храмовникам и отобранным у них после королевского приказа об их аресте.

Над Яковом Моле и рыцарями Храмовниками был наряжен суд, согласно обычаям того времени, сопровождаемый допросами с пыткой. В 1312 году папа Климент V своей буллой уничтожил Орден Рыцарей Храмовников.

В марте 1314 года бывший Гросмейстер Ордена Храмовников Яков Моле был предан смертной казни через сожжение живым, согласно приговора суда. По некоторым рассказам, дошедшим до нашего времени, перед казнью Яков Моле, уже стоя на костре, произносил богохульства и проклинал Церковь, а по адресу Короля кричал, что его смерть будет отомщена, что род Короля пресечется, что Король Франции будет тоже казнен.

Явная жизнь Ордена Рыцарей Храмовников окончилась со смертью Якова Моле, однако, Орден этот несомненно су-

ществовал, как теперь говорят, «ушел в подполье», имея главной своеq целью – месть.

Невольно напрашивается на ум странная аналогия исторических совпадений. Проклятие Якова Моле: – «смерть королям и проклятие Церкви», как то странно вошло в лексикон французской крайней революционной партии. Странно и то, что эта крайне левая партия в тогдашней Франции для своих собраний избрала Церковь, построенную в память Якова де Моле и более того, по имени этой Церкви (или того, в память кого она была построена) эта партия получила название Якобинцев.

Король Французский Людовик XVI, арестованный во время французской революций, а затем казненный, был заключен революционерами в той самой башне дю Тампль, в которой перед казнью сидел последний Гросмейстер Ордена Рыцарей Храмовников – Яков Моле. Похоже, что проклятие и месть, объявленные самим Яновым Моле, как-то таинственно выполнены крайней революционной партией тогдашней Франции – якобинцами, связь которых с масонскими ложами несомненна и исторически установлена.

Эти загадки истории в отношении Ордена рыцарей Храмовников, отчасти уже выяснены и дают полное основание верить в то, что они действительно были, как и их последователи нашего века, слугами зла.

Теперь, когда Россия охвачена тем же пожаром и раздирается теми же злыми идеями, которые охватили Францию в 1789 году, для нас русских особенно важно знать историю этих потрясений бывших в других государствах и помнить, что в отличие от Западной Европы у нас средства борьбы с этими страшными силами заключаются не только в том, чтобы разить их, их же приемами, как это делало и делает католичество и вышедшие из него военно-монашеские ордена. Нам надо познать, завещанное нам предками Православие и

помнить, что вера Христова сильна не мечем, ибо все взявшие меч, мечом погибнуть (Ев. Матф. 26, 52), как показывает история Мальтийских рыцарей, боровшихся со злом мечом; не формальной святостью и строгостью уставов, как рыцари-Храмовники, которыми овладел полностью Сатана и сделал их своим орудием, чтобы повести их против Христа, ни вообще идеей монашеских орденов, чуждых русскому Православию, а той простотой веры, завещанной апостолами, которая так свойственна была всегда всем русским подвижникам; для спасения нашей Родины нам нужна та тесная связь между жизнью церковной и жизнью в миру, которая делала почти незаметной разницу между «миром» и «монастырем». Как говорят наши отшельники на Афоне – Русь Московская во всем своем целом была монастырем, лишь послушания в этом монастыре были более разнообразными, чем в монастыре обычном. С такой духовной структурой целого народа злу бороться очень трудно. В борьбе же с ним только его же средствами – сила всегда оказывается на стороне зла.

История остальных военно-монашеских орденов хотя и менее интересна, но довольно близко сплетается с историей России, почему мы и приводим ее кратко.

Тевтонский Орден был основан в 1128 году, почти одновременно с Орденом Рыцарей-Храмовников. Так как Орден Тамплиеров был создан главным образом французскими рыцарями, которые неохотно принимали в свою среду немцев, то некоторые богатые немецкие рыцари в Иерусалиме образовали свое особое братство для помощи паломникам под названием братства Святой Марии Тевтонской. Во время крестовых походов Фридриха Барбароссы в Палестине появилось много немецких рыцарей и в 1189 году братство Св. Марии Тевтонской получило организацию сходную с организацией ордена Тамплиеров под названием «Ордена

Дома Святой Девы Иерусалимской». В 1191 году Папа Климент III утвердил устав ордена с наименованием его Тевтонским. Первым Гросмейстором Ордена был Генрих Вольдботт, установивший правило, что членом ордена может быть только немец; в остальном орден был подобием Тамплиеров, только развивая шире благотворительную деятельность. После падения Акр Гохмейстер Герман Зальца перевел Орден в Венецию, откуда внимательно следил за политическими событиями, дабы получить для Ордена землю для его самостоятельного существования. Борьба Римских Пап с Гогенштауфенами, причем обе стороны стремились привлечь Орден к себе, дала ему большия земли в Германии и Италии. Особенно щедро одарили Орден Император Фридрих II и Папа Гонорий III.

Король Венгерский Андрей подарил Ордену земли в Трансильвании с городами Крейцбургом и Кронштадтом, с обязательством защищать границу от набегов соседей. Орден, вступив во владение этими землями, скоро поссорился с Королем и последний отобрал свой дар обратно. Более прочно Тевтонский Орден обосновался в Германии (в Пруссии). Принявший, христианство Мазовецкий князь Конрад в 1226 году предложил Ордену Кульмскую и Лебодскую земли за защиту Мазовии от язычников-пруссов. Получив от Императора Фридриха II грамоту на владение землями Кульмской и Прусской Гросмейстер Герман Зальца решил перевести Орден на новые земли и в 1228 году значительная часть Тевтонских рыцарей под начальством Германа Балька пришла на Вислу. В Пруссии тогда шел спор между Епископом Христианом и князем Мазовецким из-за земель; тевтонские рыцари невольно были втянуты в эту борьбу и в 1231 году признали себя вассалами епископа, обязуясь передавать ему большую часть завоеванных ими земель. С этого момента началось постепенное заселение Пруссии немцами. Местные

жители истреблялись поголовно и на их места привозились колонисты из Германии. Рыцари истребляли язычников за то, что те не христиане, а когда пруссы хотели креститься, тевтонские рыцари или утверждали, что они недостойны этого и все-таки их истребляли или же, если под рукой не было достаточного количества немецких колонистов, разрешали креститься, но обращали пруссов в рабство. Для укрепления своего там положения, тевтонские рыцари строили города. Первым их укрепленным городом был Торн, построенный в 1231 году. Воспользовавшись тем, что их владыка епископ Христиан попал в плен, Тевтонские рыцари выхлопотали у Папы в 1234 году всю Кульмскую и Прусскую землю за обязательство платить дань лично Папе, который отныне сделался Владетелем Тевтонского Ордена.

В 1237 году Тевтонский Орден соединился в Орденом Ливонским и был вовлечен в борьбу с Русью, окончившуюся разгромом рыцарей в 1242 году (Ледовитое побоище). Для Тевтонского Ордена настали тяжелые времена. Пруссы, столь им ранее угнетаемые, восстали против него. Епископ Христиан требовал обратно свои земли. Орден был спасен тем, что заключил союз с Чешским Королем Оттокаром. В 1260 году жестокость этих рыцарей вызвали вновь восстание против них. Восставшими лично руководил князь Миндовт. Пришедший на помощь союзник рыцарей Чешский Король Оттокар потерпел неудачу. Орден оказался на краю гибели... В это время на Императорском Престоле (Австро-Германском) оказался Император Рудольф Габсбург, по приказанию которого массы немецких рыцарей двинулись на помощь Тевтонским рыцарям, в результате чего произошло полное и окончательное истребление пруссов. К концу XIII века Тевтонский орден владел громадными землями по обоим берегам Вислы и основал города Мариенбург, Гольдинген, Виндаву, Митаву и другие. В XIV веке Тевтонский Орден об-

ратился в отдельное немецкое государство. Цель, поставленная ордену еще гохмейстером Германом Зальца, оказалась достигнутой и в 1309 году гохмейстр Зигфрид Фейтхванген перенес свою резиденцию и главное управление Ордена из Венеции в Мариенбург.

XIV век – время наибольшего расцвета Тевтонского Ордена, особенно в период управления им Гохмейстра фон-Книпроде (1351–1382 гг.) человека жестокого, но дальновидного и всецело преданного интересам Ордена.

К этому времени управление Ордена имело следующую организацию: Верховный Владетель Ордена – Папа Римский, его отношение к Ордену заключалось только в получении дани. Следующим органом был Дейтчмейстер, управлявший землями Ордена в Германии, он один имел право собирать капитул Ордена, который мог судить Гохмейстера. Гохмейстер или Великий Магистр был председателем Капитула, состоявшего из 5-ти выборных рыцарей, исполнявших обязанности министров. Все земли Ордена делились на области, каждая область была вверена рыцарю-комптуру, который был одновременно комендантом укрепленного города или замка этой области. Остальные члены ордена состояли: из рыцарей, носивших белый плащ с черным крестом; милосердных братьев, ухаживавших за ранеными и больными и священников. Были еще полубратья (Halbbruder), которые имели право драться под знаменами Ордена, но как не дворяне, не имели право на добычу. Во время падения Ордена появились еще и Орденские сестры. В захваченной и онемеченной стране Орден установил строгий порядок и построил целую сеть крепостей – рыцарских замков. Но одновременно с развитием Ордена росли и его враги. Еще в 1315 году был заключен против Ордена союз Владислава Локетка (Польша) с Гедимином (Литва). Война шла с переменным счастьем. Другим врагом Ордена было недовольство на бесправие го-

рожан и духовенства. Крупные торговые центры, как Кенигсберг, Данциг и др. присоединились к Ганзейскому Союзу и требовали себе прав внутреннего самоуправления, в чем Орден им отказывал. С объединением Польши и Литвы при Ягелло внешнее положение Ордена стало ухудшаться, и в 1410 году на полях Грюнвальда (Танненберг) рыцари Тевтонского Ордена понесли тяжкое поражение от русских, поляков и литовцев, после чего Орден уже никогда более не смог оправиться.

Как известно, в минувшую войну неудачную операцию русской армии при Сольдау, Германский Генеральный Штаб назвал: боем при Танненберге, что ясно показывает нам духовную связь между, так называемыми, христианскими рыцарями Тевтонского Ордена, прославившимися своими жестокостями, и нынешним поколением культурной Германии.

От окончательной гибели Орден был спасен энергичным шведский комтуром Генрихом Плауеном, прибывшим с Меченосцами на помощь и заставившим Ягелло снять осаду с Мариенбурга. По Торнскому миру Орден был вынужден уступить Польше Жмудь и заплатить контрибуцию, а городам дать право посылать в Капитул своих представителей. В 1422 году после нового поражения Орден был вынужден уступить Польше значительные земли. В 1433 году по Брестскому миру были сделаны еще уступки. В 1462 году Орден Тевтонских рыцарей признал свою ленную зависимость от Польши, и допустил в свою среду поляков. Реформация окончательно подорвала силы ордена, лишив его многих земель в Германии. Во 1511 году гохмейстером был избран Альбрехт Бранденбургский, который сначала попробовал бороться с Польшей, но видя полный неуспех, решил принять реформацию и обратить земли ордена в свое владение. Это ему удалось и в 1525 году явилось новое герцогство Прус-

ское, с ленной зависимостью от Польши. Часть рыцарей, оставшихся верными, катотолицизму, уехала во Францию, где был избран новый гохмейстер фон-Кронберг. Был выработан и новый устав, но времена не соответствовали уже идее рыцарских орденов и в начале XIX века Тевтонский Орден был уничтожен декретом Наполеона I Императора Французов. В 1805 году Император Австрийский принял титул гохмейстера Ордена Тевтонских рыцарей и в виде благотворительного Общества этот Орден просуществовал в Австрии до конца Европейской войны 1914–18 гг.

Ливонский Орден был основан позднее других, а именно в 1202 году и был единественным военно-монашеским орденом, возникшим не в Палестине. Основателем этого Ордена был Епископ г. Риги (он же основал и г. Ригу) Альберт фон Буксгевден. Для организации Ордена он вызвал из Германии рыцарей, получил разрешение Папы на сформирование Ордена и поставил этот Орден в ленную зависимость от Папы. Во главе Ордена стоял Магистр или Мейстер, которому подчинялись комтуры, которые заведывали отдельными областями. Скоро Орден получил название Ордена Рыцарей Меченосцев. Вскоре отношения между Орденом и Епископом Рижским испортились, и Магистр Виунольд фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в укрепление Венден. Орден быстро завоевывал земли и в 1207 году уже владел всей Ливонией. Всю первую половину XIII века Орден провел в борьбе за Ливонию, стараясь иметь хорошия отношения с Полоцкими князьями; он даже заключил с ними союз в 1212 году против эстов. В это же время Ордену пришлось вести борьбу с Данией, которая претендовала на все побережье Балтийского моря. Король Датский Вадьдемар II овладел Эстляндией и построил г. Ревель, но в 1223, году рыцари Меченосцы заставили датчан очистить Эстляндию. В 1228 году вся Эстляндия была вновь завоевана рыцарями Меченосца-

ми. В 1237 году все эти завоевания снова были отняты от Меченосцев датчанами... В том же 1237 году, Орден Рыцарей – Меченосцев присоединился к Тевтонскому Ордену и Гохмейстер последняго сделался начальником Мейстера Ордена Меченосцев. В 1347 году папской буллой Орден Меченосцев был освобожден от всякой зависимости от Епископа Рижского, которому до той поры номинально Орден был подчинен.

В XIII и XIV веках Орден Меченосцев очень укрепился и построил много замков, сильно онемечив тот край, которым он владел.

К врагам этого Ордена прибавились соседние русские княжеста и Орден начал захват Новгородской и Псковской земель. В 1240 году Меченосцы захватили значительную часть Псковской области и имели бой с русской ратью на Неве. В 1241 году Меченосцы захватили г. Псков и двинулись на Новгород. Для закрепления за собой завоеванного пространства рыцари построили крепость Копорье. Новгородцы для борьбы с Меченосцами призвали Князя Александра, который во главе Русской рати 5-го апреля 1242 года на голову разбил рыцарей Меченосцев и помогавших им Тевтонских рыцарей. Этбт страшный бой произошел на льду Чудского озера и получил у нас название Ледовитого Побоища. Немецкие рыцари Меченосцы и Тевтонского Ордена понесли в этом бою такие страшные потери, что были принуждены отказаться от всех захваченных ими земель и вернуть их своему победителю Князю Александру Невскому, и в дальнейшем совершенно отказались от каких-бы то ни было завоеваний на Востоке.

Грюнвальдское сражение (бой при Танненберге) совершенно подорвавшее Тевтонских Рыцарей тяжело отразилось и на Рыцарях-Меченосцах. Магистру этого Ордена Вальтеру фон Плеттенбергу (1494–1535 гг.) удалось на время оживить Орден путем заключения союза с Литвой и Швецией для войны против Московского Великого Княжества, но война

1501–05 гг. не принесла никакой выгоды Ордену, а реформация в Германии сильно потрясла Орден материально. Магистру Ордена удалось несколько реформировать порядок владения землями Ордена. Он разделил все земли на области, в каждой области был укрепленный город или бург, в больших областях были несколько городов называвшихся обер-бургами. В каждом бурге был конвент, состоявший из 15–20 рыцарей, во главе которых стоял фохт или командующий областью. Фохты подчинялись Магистру, избираемому пожизненно. Предводительство войсками вверялось Маршалу, жившему в бендене или в Зегевольде. Для решения военных вопросов собирался Орденский Совет, состоящий из Маршала и фохтов, под председательством Магистра. Дела, касающиеся всей страны, обсуждались Ландтагом, под председательством, Магистра Ордена. Лантаг делился на 4-ре сословия (stand): духовенство, рыцари, дворяне-вассалы Ордена и горожане. К середине XVI века Ливонский Орден был вовлечен в круговорот крупных исторических событий в Восточной Европе, в которых принимали участие такие мощные державы, как Россия и Швеция. Значение Ордена все уменьшалось, и он терял постепенно свои владения. К концу XVI века вся Эстляндия оказалась под протекторатом Швеции. Островь Эзель перешел к Дании. Лифляндия досталась Польше. При последнем Магистре Меченосцев, Ордену принадлежала только Курляндия. Орден прекратил свое существование в 1561 году. Впоследствии земли, которыми некогда владели Меченосцы, вошли в состав Российской Империи и после рмуты 1917 года стали самостоятельными государствами: Латвия, Эстония и Литва, явившись реальным «завоеванием» российской, так называемой «бескровной» революции. За эти земли в течение многих веков русский народ неустанно проливал свою кровь и отстоял их и свой собственный дом от завоевания Меченосцами и Тевтонскими

рыцарями. Первый победитель Меченосцев, благоверный князь Александр Невский причтен Православной Церковью к лику Святых. Память его празднуется 23-го ноября старого стиля.

Пушкарь

(Песня Сибирских казаков)

Рано утром весной,
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседелый.

Брякнул шашки кольцом,
Дернул сивым усом
И раздул свой фитиль догорелый.

Чу! с редута палят,
Не в виду ль супостат?
Не в поход ли идти заставляют?

Наш безрукий отец,
Атаман молодец,
Поведет нас своей головою...

Как сибирский буран,
Прискакал атаман
И вскричал нам: – «Здорово ребята.

Завтра в солнца восход
Собирайтесь в поход
У степных дикарей жечь аулы.

И на ту на орду
Я вас сам поведу»
А за мною пойдут есаулы»...

Тут: «ура атаман»,
Разнеслось по рядам,
И казацкая кровь закипела.

Громко шашки гремят,
Кивера вверх летят
И вся площадь, как море, шумела.

Французский линейный корабль «Jean Bart». Средиземное море 1916 г.

Остров Мальта. Церковь Св. Флориана

Командир посыльного судна «Эклипс», Капитан Свердруп (знаменитый командир Нансевовского «Фрама»). Белое море –1915 г.

Полярные лайки на «Эклипсе». Белое море – 1915 год.

Прощание с «Варягом»

На Мальте мы простояли около недели, ибо надо было произвести мелкий ремонт машин; адмирал предполагал в Тулоне не задерживаться и сразу оттуда идти вместе с «Аскольдом» в Англию.

Вышли из Ла-Валетты 20-го сентября утром и легли в середину прохода между островом Сицилия и мысом Бон, на Африканском берегу.

Курс наш вел к мысу Спартивенто, на острове Сардиния. Проходя Сицилию, вспомнилось мне, что около этого острова, вблизи Мессины была раскрыта прозаическая, но величайшая тайна, природы.

Всем нам известен угорь. Эта рыба, похожая на змею, встречается кажется повсюду в Европе. Между тем ее жизнь и происхождение оставалось долго загадкой. Еще греческий философ Аристотель старался разгадать ее, но безуспешно. В новейшее время многие ученые трудились над этой задачей и тоже безрезультатно.

Дело в том, что никто и никогда не видал икры угря, никто не мог наблюдать, как эта рыба размножается. И вот, совсем недавно, этот вопрос был разрешен. Около Мессины водовороты, время от времени выносят на поверхность небольших плоских рыбок, похожих на лист олеандра. Рыбки эти полупрозрачные, были названы в свое время «Leptocephalus». Однажды, некоторое количество таких рыбок было поймано живыми. Их посадили в аквариум. Несмотря на то, что они являются рыбами глубоководными, они стали развиваться в аквариуме и к удивлению, производивших этот опыт исследователей, превратились в маленьких угрей. Столь поразительное явление заставило заняться детально этим вопросом – и вот, в наше время выяснилась загадка, над которой трудились люди много веков.

Оказалось, что глубоководная рыбка Leptocephalus есть только начальная стадия будущих угрей. Достигнув определенного возраста эта рыбка, (по некоторым наблюдениям только самки), подымается на поверхность моря и идет в устья рек. За время этого перехода она начинает приобретать свою характерную змеевидную форму. Французские рыбаки назвали этих молодых угрей «montée». Войдя в реку, угри быстро растут и живут в пресной воде 5–6 лет. По истечении этого срока ими овладевает какое-то смутное беспокойство, точно тоска по родине. Они начинают спускаться вниз по течению опять к морю и вновь входят в него.

Тут опять начинается удивительное превращение. Их черно-зеленые тела делаются серебристыми. С поверхности воды они погружаются на самые большие глубины и там происходит опять полное изменение их формы. Далее современная наука выяснила еще более удивительную особенность жизни угря. Было найдено, что те экземпляры, которых выносили водовороты у Мессины, были лишь путниками, совершающими далекое путешествие. Оказывается родиной угрей, где находится их колыбель и куда они приходят умирать, являются пучины Атлантического океана, примерно, в середине его северного бассейна на глубинах превышающих 1.000 метров» Там по преданию находиласт легендарная Атлантида.

Глубоководные сети пока принесли лишь одиночные экземпляры этой рыбы и до сих пор наука еще не может дать ответ о подробностях процесса размножения угрей, равно, как до сих пор неизвестны причины, заставляющия эту рыбу, родившуюся в глубинах Атлантического океана, идти в Средиземное море или приматериковые моря, подыматься на поверхность, испытывать превращение в угрей, входить в реки, жить несколько лет в пресной воде и возвращаться опять в бездны родного океана. Проходя мимо тех мест, где была

раскрыта эта тайна, я ощущал все убожество тех людей, которые кичатся разумом человеческим и ставят его в основу своего миросозерцания. На каждом шагу перед нами тайна или чудо. На каждом шагу Господь Бог дает нам возможность пытливо искать и исследовать и в этом искании дает нам признаки нашего подобия с Творцом. Ибо смыслом жизни человеческой является творчество во всех областях ему доступных, а целью – постоянное и неизбежное искание своего Творца. Однако, это чувство, понятное любому матросу на «Варяге», было так чуждо большинству тогдашней русской интеллигенции.

Уже далеко осталась за кормою Мальта. Близко мое расставанье с милым «Варягом». Подходя к Тулону, мы встретили довольно свежий мистраль. Чуть-чуть опять потрепало. 22-го сентября 1916 года «Варяг» вошел в Тулон. В порту кроме нескольких французских военных судов, стоял наш «Аскольд», отличающийся от судов всего мира своими 5 трубами.

По скорости хода и по своему вооружению «Аскольд» близок к «Варягу» и таким образом в Тулоне мы составили полубригаду крейсеров.

Печальный прощальный завтрак 23-го сентября. Невесело поют песенники. Грустные лица у всех. Завтрак окончен. По обычаю меня приветствует старший офицер, передав мне драгоценный для меня подарок от корабля – настольные часы с записочкой (не успели выгравировать): – «Дорогому соплавателю лейтенанту Б. П. Апрелеву от кают-компании гвардейского экипажа крейсера «Варяг». Крепкое объятие командира, поцелуи всех, затем прощание с командой. Благословение адмирала на новую службу и... катер отвалил от трапа.

Вокзал. Наш командир и все свободные от службы офицеры провожают меня. Неожиданный сюрприз. На плат-

форму входят рядами представители от всех частей нашей артиллерийской роты, тут и комендоры, и гальванеры, и хозяева погребов, все артиллерийские унтер-офицеры. Пожилой сверхсрочнослужащий Ефимыч – фельдфебель и одновременно старший из артиллерийских унтер-офицеров. Взволнованные, смущенные, они выстраиваются вдоль платформы. Начинаю их обходить... нервы не выдерживают, невольно глаза затуманиваются слезами. Смотрю – и у них текут слезы, они проще, не считают это стыдом. Прохожу по фронту. Обычное уставное прощание не выходит. Каждый, точно родного, обнимает меня и крепко целует.

Пора! Из окна вагона смотрю на остающихся.

– «Счастливого пути дорогой», кричит командир. «До свидания, не забывай, полной удачи во всем», доносится из группы офицеров. «Пиши все подробно». Поезд трогается. Собравшись с духом, я кричу из окна людям нашей роты. «Прощайте братцы» и надорванное, сорвавшееся доносится до меня: – «счастливо оставаться… ва... ва... ва...». Поезд тронулся.

И эти люди сделались потом «красой и гордостью» русской революции и их руками развалили величие и счастье России!? – Не верю, и знаю, что их обманули и, загадивши их простые, детские души сделали из них, временно, – я уверен временно, рабов.

С бешенной скоростью мчал меня поезд линии Париж – Лион – Марсель в столицу Франции.

«Удивительные ваши люди. Удивительная страна Россия...» задумчиво сказал мне мой сосед по купе, пожилой французский офицер, видевший наше прощанье.

Прощай «Варяг»! Ты принес меня из Тихого океана сюда в Европу. Увижу ли я тебя когда-нибудь? Увижу ли оставленных на тебе моих соплавателей?...

С этими мыслями я провел остаток дня. 24-го сентября утром я был в Париже и здесь узнал у нашего военно-

морского агента, что организация флотилии Северного океана изменена. Наша задержка во Владивостоке, авария «Пересвета» и долгий поход не дали возможности ждать долее. На Мурман пришли добавочные английские тральщики и посыльные суда. Вся оперативная часть этого театра перенесена в морской генеральный штаб. Высшее управление всем делом обороны Мурмана и Белого моря взял лично в свои руки сам морской министр, адмирал И. К. Григорович. «Варяг» и «Аскольд» пойдут на Мурман немедленно, «Чесму» решили оставить у союзников (по их просьбе) в Средиземном море. В виду назревающих совместных операций на всех фронтах, было решено обеспечить связью не только союзные сухопутные штабы, но и штабы флотов. К нам в Черное море для этой цели назначен французский капитан I ранга Дюмениль, а на французский флот, по выбору начальника морского генерального штаба, назначили меня.

Таким образом, мне предстояла новая, совершенно неизведанная деятельность и мое плаванье на «Варяге» кончилось.

Конец «Варяга»

Дела задержали меня в Париже, и только 21 октября 1916 года я приехал в Тулон, направляясь в Пирей, где находился в это время Главнокомандующий французским флотом вице-адмирал Дартиж-дю-Фурнэ. В этот же день вечером я вышел из Тулона на посыльном судне «Италия». Горы, окаймлявшия Дарденское ущелье, были покрыты розоватыми бликами заката, а внизу красивые берега, окружающие Тулон, постепенно погружались в синевато-черную завесу, быстро наступающих сумерек. В это время «Варяг» и «Аскольд» уже были далеко. Они ушли из Тулона задолго до моего приезда туда, торпясь на Мурман.

Я уже знал по слухам, что они встретили в Атлантическом океане жестокий шторм. Страшен океан в такие минуты да-

же для современного корабля. «Варяг» и «Аскольд» шли в Ливерпуль. Шторм захватил их на высоте мыса Финистерре, который находится на северо-западной оконечности Пиренейского полустрова и не оставлял до самого пролива Святого Георгия, отделяющего Англию от Ирландии. На походе у «Варяга» стронулись фундаменты части котлов, были разбиты шлюпки и продавлен наружный борт. Когда красавец крейсер вошел на рейд Ливерпуля, он имел вид корабля только что испытавшего бой. Так и поняли англичане. Они считали, что «Варяг» имел бой с германским корсаром и поэтому восторженно приветствовали наш крейсер. Они не хотели верить, что повреждения были причинены штормом.

Исправив свои повреждения, наши крейсеры вышли из Ливерпуля на Мурман.

Они пересекли благополучно Северное море, обогнули Норд Кап на северной оконечности Норвегии и вошли в Кольский Залив на Мурманском берегу. На пути им пришлось пройти мимо Варанген Фиорда, который по-русски называется Варяжский Залив. Раньше на его берегу проходила граница между Норвегией и Российской Империей.

Всего от Владивостока до порта Романов в Кольском заливе «Варяг» сделал 15.864 морских мили. Вспомним, что одна морская миля равняется, 1.7362 версты или 1.8522 километра.

24-го октября 1916 года рано утром моя «Италия» пришла в порт Ла-Валлета на Мальте. Здесь я застал «Чесму». Оказывается, ее срочно отозвали по телеграфу из Средиземного моря и приказали идти, нигде не задерживаясь, на Мурман.

В этот день командир «Чесмы» капитан I ранга В. Н. Черкасов пригласил меня к себе завтракать.

После завтрака я простился с офицерами «Чесмы» и среди них с лейтенантом князем Н. Д. Маврокордато. Мы учились с ним вместе в Морском Корпусе. Он был двумя годами моложе меня по выпуску. «За Корпус» мы ходили в отпуск к

моему родственнику кап. I р. С. И. Кази, брату знаменитого Директора Балтийского Судостроительного Завода капитан-лейтенанта в отставке М. И. Кази.

Простившись с «Чесмой», я окончательно оторвался от Отдельного Отряда Судов Особого Назначения.

Вечером «Италия» вышла из Ла-Валлеты и пошла в Пирей. Здесь 25-го декабря 1916 года (7-го января 1917 года) я узнал о гибели «Пересвета» около Порт-Саида.

Революция застала меня на острове Корфу. Там я постепенно узнавал обо всех ужасах, совершаемых в России. Узнал, что каким-то человеком, одетым в матросскую форму, был убит кап. I р. Кетлинский, командир «Аскольда», узнал, что предательским выстрелом в спину был убит милый, жизнерадостный лейтенант, князь Н. Д. Маврокордато. Наконец, дошли до меня вести, что умер от разрыва сердца наш адмирал Анатолий Иванович Бестужев-Рюмин. Далее донеслись слухи, что «Варяг» и «Аскольд» пришли с Мурмана в Англию и там взяты англичанами «на хранение».

Так постепенно, тяжко заболевшая наша Родина, теряла, отдельные части своего тела, созданные с таким трудом и таким напряжением воли отдельных людей и групп. Самое тяжелое было ощущать эту бессмысленную и варварскую страсть к разрушению всего культурного, всего выдающегося над общим низким уровнем разнузданного дикаря.

Если мне вдали от России было мучительно стыдно и больно переживать все это, то что должны были испытывать в России культурные люди, чувствуя полное свое бессилие противостоять разбушевавшейся невежественной массе, раздавившей их своим огромным большинством.

Прошли последние годы войны, и я оказался в новом, только что родившемся государстве – Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, на должности Морского Агента в нашей миссии в Белграде. Одновременно я исполнял ту же должность при нашем посольстве в Риме.

Королевство после войны получило полосу берега Адриатического моря, длиною около 600 километров, считая от Котора (Бока Которска) до Сушака, который находится по соседству с Фиуме. На этом побережьи лежат старые славянские города: Котор, Дубровник, его пригород Груж с длинной синей бухтой Ом бла, Макарска, Сплит, в котором славится дворец Императора Римского Диоклетиана, Шибенник и другие. Это побережье тесно связано исторически с Россией. В тяжелые годы Пугачевского бунта в Дубровнике жила загадочная претендентка на Русский Престол известная в истории под именем княжны Таракановой. До сих пор сохранился в Дубровнике домик, в котором она жила и где она пировала со своим покровителем польским князем Радзивиллом. В бирюзовую бухту Омбла приходил тогда турецкий военный корабль под командой галион-капитани (капитан I ранга) Гассан-Бея, влюбленного в княжну Тараканову. Этот турецкий морской офицер возил отсюда в Константинополь письма, которые княжна Тараканова писала «своему возлюбленному братцу» – Емельяну Пугачеву.

В Дубровнике княжна Тараканова познакомилась с русским адмиралом графом Орловым. Здесь он устраивал для нее роскошные празднества, здесь уговорил ее отправиться в Италию, там она была арестована и на русском военном корабле доставлена в Россию. Эти же берега, во времена Александра Благословенного, в героическую эпоху войн с Наполеоном, видели русскую эскадру адмирала Д. Н. Сенявина. В Которской бухте была наша морская база, Дубровник был взят штурмом русскими войсками. Наконец раньше, еще при Петре Великом, отсюда вышли наши известные адмиралы графы Войнович и Змаевич, оба уроженцы Которской бухты. Теперь, когда начала возрождаться Югославия, так, было естественно, если бы уцелевшие наши корабли появились бы в этих водах вместо того, чтобы гнить у стенок Бизерты или портов Англии.

И вот, однажды я получил в Белграде шифрованную телеграмму из Лондона от нашего морского агента. В ней он запрашивал не согласится ли правительство Югославии принять на хранение до восстановления в России национальной власти, два наших крейсера «Варяг» и «Аскольд». Я знал, как нуждается юная Югославия в военных кораблях, знал, что ей не по средствам приобрести сейчас новые корабли. Вот, почему я был убежден, что наши крейсеры, отдаваемые даром с правом пользоваться ими и учить на них личный состав, будут приняты с восторгом. Однако, я ошибся. Помощник Военного Министра по морской части, милый и доброжелательный контр-адмирал Кох, с горечью ответил мне, что принять «Варяг» и «Аскольд» они не могут. Не могут по причинам чисто политическим, хотя материально и морально принятие наших крейсеров для них было бы чрезвычайно кстати. Политические же причины были те, что на противоположном берегу Адриатического моря, в Италии, с ревнивым чувством, смотрят за всем, что творится на славянских берегах этого моря. Приход сюда «Варяга» и «Аскольда», там будет наверное принят с величайшим негодованием. «Тень России» все еще пугает кой-кого на Западе, развал России для многих слишком выгоден и даже такая ничтожная наша помощь братской Югославии, как присылка сюда двух наших старых крейсеров, с единственной целью сохранить их, вызовет там негодование. Недаром бывший итальянский министр г. Нитти, в своей книге с таким облегчением восклицает: «какое счастье, что в России произошла революция».

И так, «Варягу» не суждено было больше плавать. Он остался в Англии, там постепенно, лишенный ухода, он проржавел, был превращен в понтон и, наконец, сдан к порту в качестве, лома железа.

Югославия, создавая свой маленький флот, купила бывший германский крейсер «Ниобе» постройки 1899 года. Крейсер

этот маленький и тихоходный. Имея возможность в 1920 году получить «Варяг» и «Аскольд» даром, Югославия заплатила за «Ниобе» 18.000.000 динар, т.е., около 9.000.000 франков. Так, в угоду современному кумиру политики и демократии, все и всегда оказывается направленным против логики и здравого смысла.

На этом я мог бы окончить мою книгу. И так я, вероятно, утомил моих читателей описаниями походов «Варяга». Но мне хотелось, под конец, перенести вас с собою опять на Дальний Восток, куда мне суждено было попасть и где мне пришлось после многих лет вновь увидеть клочек русской земли.

Осенью 1929 года, скорый поезд Южно-Маньчжурской железной дороги подвез меня к станции Чаньчунь. Здесь пересадка на южную ветку Китайской Восточной железной дороги. Сколько лет прошло, что я не видел русских вагонов и Боже, какое печальное зрелище предстало передо мною. Когда-то блестящая железная дорога, теперь представляла такой контраст с японской Южно-Маньчжурской дорогой. Грязь, окурки, жалкий буфет, угрюмые физиономии железнодорожных служащих. Старые, но потертые формы кондукторов, со снятыми погонами. «Завоевания революции» стояли передо мною во всем своем грустном виде. Странно было чувствовать, что все эти люди «советские» подданные, что в сущности я нахожусь почти в советской России. А эта дорога! Она ведь на языке товарищей «показная», заграничная. Какое же жалкое зрелище должны преставлять железные дороги там, за рубежом, где царят злоба и ложь.

А между тем, прошло всего 12 лет и все из хорошего стало плохим. Знакомые надписи на товарных вагонах «40 человек, 8 лошадей», заглавные буквы на вагонах разных дорог – «Пермская», «Московско-Виндаво-Рыбинская», «Сибирская», «Владикавказская». Но все зашарпанное, замызганное, старое, неремонтированное.

Поезд тронулся. Меня предупредили, что вся прислуга вагон-ресторана и поезда состоит в «авангарде мировой», все убежденные, «верующие» коммунисты. И что же! Подающий мне на стол китаец, хорошо говорящий по-русски, спросил меня откуда я еду. Я сказал, что еду из Франции. «Ну как?» спросил я: «легче вам теперь живется, чем было в старое время»? Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением, точно на человека ненормального. Я молча ждал его ответа. Вдруг он отвернулся и с досадой махнул рукой. Этот жест был красноречивее самых ярких слов.

«Станция Харбин», угрюмо сказал проходящий мимо кондуктор. Старые знакомые слова. 29-го марта 1916 года в полночь я услышал их, когда ехал из Петрограда во Владивосток на Отдельный Отряд судов особого назначения. Тогда я не обратил внимание на эту станцию и вот, теперь мне суждено здесь сойти с поезда.

На вокзале меня поразил большой образ Святого Николая Чудотворца, в массивной раме. Перед ним горели свечи и из этого сияния строго смотрели глаза Святителя на проходящую мимо толпу.

«Образ Святого Николая Чудотворца в самом гнезде коммунистического засилия?! Что за абсурд!» – мелькнула у меня мысль. В это время, проходящий мимо бедно одетый китаец обратился ко мне на ломанном русском языке: «Вокзала Старик шибко хорош есть. Его шибко помогай». Оказалось, китайцы не дали большевикам убрать этот чтимый всеми образ и он так и стоит до сих пор на Харбинском вокзале.

Русский город, после стольких лет скитания заграницей! Как радостно, с каким волнением билось мое сердце, когда я очутился в Харбине. Русские названия улиц, русские настоящие, а не походные церкви, звон колоколов и всюду русские лица. Кто из них красный, кто белый, разобрать трудно. Но здесь они живут бок о бок, здесь точно рухнула проклятая стена, разделившая нас.

Однажды, пришлось мне провести ночь у моего приятеля, жившего на Чистой улице. Название это казалось насмешкой, ибо в середине этой улицы, всегда, даже летом, стояла грязная лужа. Оба мы устали от работы, хотелось спать, но в соседнем домике были слышны крики и шум. Там пировали. «Комсомольская компания», угрюмо сказал мне мой приятель. «Вечно у них попойки и галдеж, спать не дают».

Крики были громкие. До нас долетали грубые шутки, женский визг. На душе у меня было хмуро, уныло, как уныла была обстановка нашей убогой комнатки. Только бы заснуть, а шум у соседей не дает.

Вдруг там, запел недурной тенор... Что такое?.. Точно воспоминание из другого мира... Да конечно, это мне пели, когда я уезжал с «Варяга»...

«Там среди Желтого моря
Вьется Андреевский флаг,
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг»...

К голосу пристроился довольно стройный хор:–

Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».

«Варяга» нет. За эти годы сметена русская культура, сметено все, что было красивого и тонкого в России. А вот эта, песня «Варяга» пережила его и поется подрастающим, одичавшим красным молодняком.

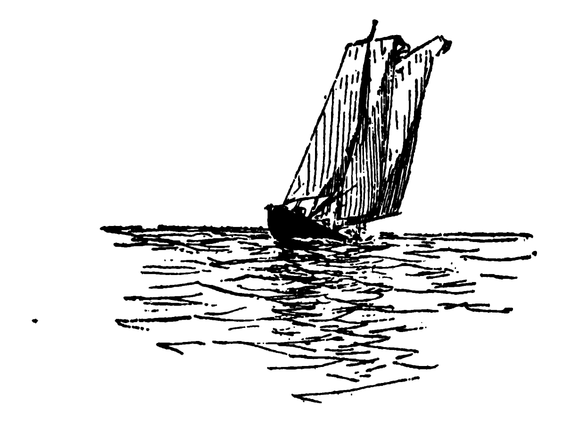
Значит русская культура не умерла. Значит ураган, разрушивший все, не смог загасить огня русской правды, русской красоты. Эти комсомольцы, поющие песню «Варяга», напомнили мне варваров разрушивших Рим.

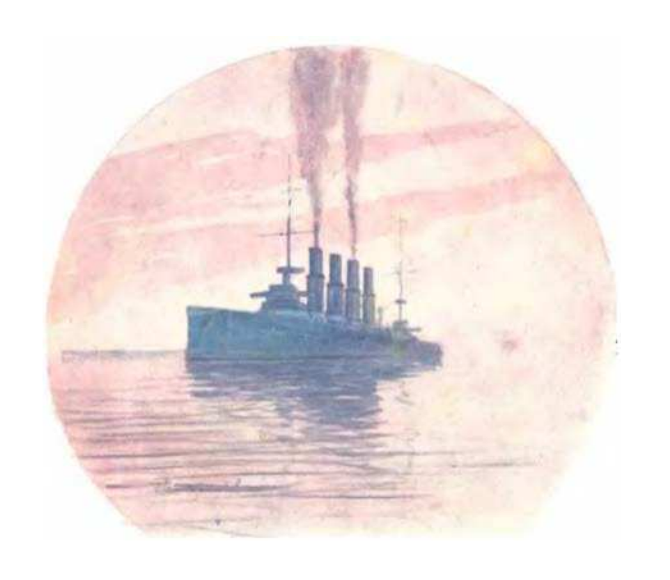
Римская культура, казалось погибла, а между тем незаметно она преобразовалась в этой варварской среде и постепенно привела западные народы к блестящей эпохе возрождения.

Дай Бог, чтобы и наш народ дождался своего возрождения. Не могут, не должны остаться навсегда те грязь и варварство, в которых он теперь находится.

Чайки

Крейсер «Варяг»
Акварель Кап. 2 р. С. А. Четверикова

Бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой контр-адмирала Урию,
27-го января 1904 г. близ Чемульпо
Акварель Кап. II р. С. А. Четверикова

Путь пройденный «Варягом»
(15864 морских миль)

Содержание

Борис Петрович Апрелев

На Варяге

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru